

Федеральное агентство
научных организаций

Российская
академия наук

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Региональное гражданское общество: динамика развития

Вологда
2015

УДК 316.3(470.12)
ББК 60.027.1(2Рос-4Вол)
Р32

Публикуется по решению
Ученого совета ФГБУН ИСЭРТ РАН

Р32 **Региональное гражданское общество: динамика развития** [Текст]: монография / под науч. рук. д.э.н., проф. В.А. Ильина; кол. авт.: д.э.н. А.А. Шабунова (координатор), к.социол.н. Д.В. Афанасьев, к.филос.н. Т.А. Гужавина; сотрудники ИСЭРТ РАН Т.П. Кожина, И.Н. Дементьева, Д.А. Ластовкина. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. – 170 с. (Проблемы эффективности государственного управления).

ISBN 978-5-93299-304-0

**Под научным руководством
доктора экономических наук, профессора В.А. Ильина**

В монографии рассматриваются теоретико-методологические основы, социальная значимость и важность развития гражданского общества на современном этапе. Представлена комплексная характеристика гражданского общества на региональном уровне (на примере Вологодской области). На основе данных официальной статистики и социологических измерений проведён анализ деятельности общественных институтов, определены категории населения, составляющие ядро и периферию гражданского общества, рассмотрена специфика институционального и межличностного доверия, выявлены особенности протестного поведения населения.

Книга предназначена научным работникам, специалистам региональных и муниципальных органов управления, преподавателям высших учебных заведений, студентам, а также широкому кругу читателей, интересующихся проблемами регионального развития.

**УДК 316.3(470.12)
ББК 60.027.1(2Рос-4Вол)**

Рецензент

В.И. Ульяновский,
доктор социологических наук, профессор кафедры государственного
и муниципального управления Высшей школы экономики и управления
Северного (Арктического) федерального университета
имени М.В. Ломоносова (САФУ)

ISBN 978-5-93299-304-0

© Ильин В.А., Шабунова А.А.,
Афанасьев Д.В., Гужавина Т.А.,
Кожина Т.П., Дементьева И.Н.,
Ластовкина Д.А., 2015
© ФГБУН ИСЭРТ РАН, 2015

ВВЕДЕНИЕ

Гражданское общество является неотъемлемой частью современной общественной и политической жизни. Развитое гражданское общество способно постоянно поддерживать *легитимность*, баланс отношений власти и общества, обеспечивать условия устойчивого функционирования и развития политической системы государства. Публичная политика опирается на активное гражданское участие в принятии решений. Так выстраивается система обратной связи, без которой не может функционировать современная общественно-политическая система. Инфраструктурой такого взаимодействия являются институты – посредники общественно-государственного диалога.

Необходимость «совместной работы государства и общества», гражданского участия в принятии ключевых государственных решений была подчеркнута В. Путиным в Послании Федеральному Собранию 12 декабря 2013 года¹. В современной России происходят сложные институциональные преобразования, направленные на поиск наиболее эффективной модели функционирования гражданского общества. Органы государственного управления на всех уровнях проявляют интерес к установлению обратной связи с населением и предпринимают шаги в этом направлении. С развитием ИТ-технологий появляются новые формы диалога социума с властью. Так, в Вологодской области с 2012 г. реализуется комплекс инициативных проектов под общим названием «Команда губернатора» («Ваш выбор», «Ваша оценка», «Ваше будущее», «Муници-

---

¹ Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2013 года [Эл. рес.]. – Реж. дост.: http://www.kremlin.ru/transcripts/19825/work_16

пальный уровень», «Сделано»)², затрагивающий широкий спектр деятельности власти – от формирования состава команды губернатора и оценки работы её представителей до подготовки кадрового резерва для органов государственного управления. Суть проекта заключается в предоставлении населению возможности участвовать в оценке деятельности муниципальной и региональной власти. Причём максимально привлекаться к этому могут не только эксперты, но и каждый житель области, желающий высказать свою точку зрения о деятельности власти.

В то же время процесс увеличения количества и усложнения форм взаимоотношений между государством и гражданским обществом существенно затруднён рядом институциональных и социокультурных барьеров, в том числе невысоким доверием граждан как на межличностном уровне, так и к создаваемым институциональным формам гражданского общества, а также изначально низким уровнем самоорганизации и социальной кооперации граждан и их непосредственной включённости в политический процесс.

На развитие гражданского общества оказывают влияние не только новые политические условия, сформировавшиеся в России, но и процессы мировой глобализации. В этой связи объективно возникает необходимость чётких, научно обоснованных представлений о существенных характеристиках гражданского общества. В современных условиях степень его сформированности в различных государствах не одинакова, и поэтому перенос зарубежного опыта, не адаптированного к российским условиям, неприемлем.

Анализ развития институтов гражданского общества и их деятельности, в том числе на уровне региона, – это способ оценить самоорганизационные способности индивидов, уровень их гражданской активности и ответственности на современном этапе, а также изучить региональную специфику формирования гражданского общества.

Целью представленной монографии является анализ процессов развития гражданского общества в региональном сообществе.

В качестве информационной базы авторы использовали данные статистики и социологических опросов, проведённых ведущими российскими и зарубежными социологическими компаниями, на региональном уровне – данные опросов ИСЭРТ РАН.

---

² Официальный сайт Губернатора Вологодской области О.А. Кувшинникова. – Реж. дост.: http://okuvshinnikov.ru/proekty/komanda_gubernatora

На фоне изменения и реформирования всех сфер жизнедеятельности населения формирование институтов гражданского общества, вовлечение населения в гражданские практики и в политический процесс представляет важнейший шаг на пути к развитому демократическому обществу. Развитие гражданского общества в России как необходимого условия строительства демократического правового государства является и одним из приоритетных направлений её модернизации.

В подготовке данной книги принимали активное участие сотрудники лаборатории исследования социальных процессов и эффективности государственного управления ИСЭРТ РАН: зав. лабораторией к.э.н. М.В. Морев, зам. зав. лабораторией С.В. Озорнина, научный сотрудник Е.Э. Леонидова, инженеры-исследователи И.М. Бахвалова, А.Н. Гордиевская, инженеры Е.Н. Учёнова, Т.В. Урванова, И.В. Параничева.

ГЛАВА 1.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

1.1. Концепция гражданского общества: классика и современность

Идея гражданского общества является одной из важнейших среди политических идей современности. Исторический анализ проблемы гражданского общества позволяет выявить возникновение интереса к исследованию этого вопроса ещё в период античности. В трудах Платона³, Аристотеля⁴, Цицерона⁵ можно найти размышления по поводу статуса человека и гражданина, роли собственности в сохранении стабильности общественных и государственных институтов, форм общественного и государственного устройства, социальной дифференциации общества.

Социальная проблематика нашла свое отражение и в трактатах средневековых мыслителей Фомы Аквинского⁶ и Августина Блаженного⁷. Определённый интерес представляют средневековые ереси, которые служили единственно возможным для своего времени способом выражения взглядов широких слоев населения, часть из которых стала

---

³ Платон. Государство // Собр. соч.: в 4-х т. – Т. 3. – М., 1994.

⁴ См.: Аристотель. Политика / пер. С.А. Жебелева, М.Л. Гаспарова. – М., 2002.

⁵ Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., 1996.

⁶ См.: Аквинский Фома. О правлении государей. – URL: <http://www.i-u.ru/biblio> (дата обращения: 20.02.2009).

⁷ См.: Августин Блаженный. О граде Божием // Творения Августина Блаженного: в 8 ч. – Киев, 1901–1902. – Ч. 3. – Кн. 17. – URL: <http://grachev62.narod.ru> (дата обращения 27.03.2009)

источником идей для Реформации. Позднее некоторые элементы ересей вошли в идеологию революционных масс, принимавших участие в ранних буржуазных революциях XVI–XVII вв. Поддерживая активность личности, выступая за ограничение власти государства, за реализацию принципа выборности, идеологи Реформации способствовали становлению гражданского взаимодействия. Мысли о роли внутренней веры человека, высказанные видным деятелем Реформации Ж. Кальвином⁸, во многом подготовили концептуальную основу для конструирования частной сферы, чем обеспечили дальнейшее символическое оформление гражданского общества. Постепенно формировалось индивидуалистическое сознание европейца и возникала новая общественная практика, дававшая опыт гражданского участия.

В Новое время значительный вклад в становление идеи гражданского общества внесли сторонники концепции естественного права – общественного договора, среди которых Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье. В их трудах отражена потребность нарождавшейся буржуазии в идеологическом обосновании её права на свободу, на уважение к собственности, на защиту закона. Т. Гоббсу⁹ и Дж. Локку¹⁰ принадлежит заслуга в формировании взгляда на гражданское общество как на искусственное социальное образование, как на продукт деятельности людей. Творчество Ш. Монтескье¹¹ дополнило их взгляды идеальными, во многом утопическими, представлениями о гражданском обществе, о государстве, о праве, об их взаимоотношениях. Это сделало актуальным вопрос о правовом характере взаимоотношений государства, гражданского общества и индивида.

В дискурсе гражданского общества эпохи Просвещения встал вопрос о том, каким должно быть общество, в котором индивидуальные интересы разумно сочетались бы с общественными, а правила здравого смысла стали бы всеобщими нормами общественных отношений. Ответ на этот вопрос во многом содержится в творчестве Жан-Жака Руссо¹². Путь к такому устройству, считает он, лежит в общественном договоре. Именно общественный договор должен превратить человека в гражд-

---

⁸ Кальвин Ж. Наставление в христианской вере [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://jeancalvin.ru/institution/1/17/>

⁹ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Соч.: в 2-х т. – Т. 2. – М., 1991.

¹⁰ См.: Локк Дж. Два трактата о правлении // Соч.: в 3-х т. – М.: Мысль, 1988. – Т. 3.

¹¹ Монтескье Ш. О духе законов. – М., 1999.

¹² Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. – М., 1998.

данина, а скопление людей в суверенный народ. По мнению Руссо, при заключении общественного договора происходит своего рода «обмен» естественного образа жизни людей на гражданский образ жизни. В основу общественного договора Руссо кладёт понятие «общая воля». Вводя данную категорию, он разделяет два вида «воли»: общую волю и волю всех. Воля всех у Руссо – это частные интересы. Воля частных лиц может лечь в основу частичных ассоциаций, партий, групп. Но это не будет общая воля. Общая воля основана на общих интересах, и потому она выражает потребности общества в целом. Различая два вида воли, Руссо попытался показать сущность наблюдавшегося им противоречия между общими и частными интересами. Руссо, по сути, имеет в виду противоречие между индивидом как гражданином и индивидом как членом гражданского общества. Эпохе Просвещения были свойственны идеальные, во многом ещё утопические, представления о гражданском обществе, о праве, об их взаимоотношениях. Однако вклад мыслителей в нормативную концепцию гражданского общества очевиден. В их учениях подчёркивался принцип свободы личности, идея самоценности отдельного человека, уважение к его собственности и хозяйственной самостоятельности, неотъемлемости его гражданских прав.

В конце XVIII века начинается новый период в осмыслении вопросов, связанных с гражданским обществом. Происходит смена дихотомии «естественное состояние – гражданское общество» дихотомией «гражданское общество – государство», что приводит к расчленению общественного целого на две взаимосвязанные сферы. Если прежние концепции этого общества подчёркивали примат неотчуждаемых прав человека и акцентировали внимание на его экономической свободе, то гражданская идеология значительно расширяет и закрепляет требования политической свободы, независимости граждан и их объединений от возможного или фактического произвола государства. Такой подход делает актуальным вопрос о правовом характере взаимоотношений государства, гражданского общества и индивида.

Одним из первых европейских мыслителей, поставивших вопрос о правах человека в качестве общего принципа, стал И. Кант¹³. По его мнению, основой общества должны быть принципы свободы, равенства и самостоятельности. В качестве правового идеала Кант рассматривал всеобщее гражданское общество. Известный философ развивал учение о гражданском обществе ещё в одном направлении. По мысли И. Канта,

---

¹³ Кант И. Соч.: в 6 т. – М., 1965. – Т. 4 – Ч. 2.

гражданское общество представляет собой идеальный строй внутри страны, организованной в форме республики. «Гражданское устройство в каждом государстве должно быть республиканским»¹⁴, – утверждает мыслитель. Он дополнил правовое измерение гражданского общества пониманием его как социального государства, что стало темой дискурса Нового времени.

Пересмотр философских оснований естественно-правовых воззрений исходя из оснований новой социальной реальности, возникшей в результате глубоких социальных изменений, начался с конца XVIII века и связан с именем Г. Гегеля¹⁵, который впервые чётко разграничил гражданское общество и государство. Рассматривая гражданское общество как совокупность индивидов, удовлетворяющих с помощью труда свои повседневные потребности, он считал основой гражданского общества частную собственность. Но в качестве движущей силы исторического прогресса философ видел всё же государство. По Г. Гегелю, оно олицетворяет все добродетели: защищает человека от случайностей, обеспечивает справедливость, реализует всеобщность интересов. Поэтому гражданское общество и индивид подчинены государству, ибо именно государство интегрирует отдельных индивидов и их группы в органическую целостность, задавая смысл их жизнедеятельности. Опасность существования всеобъемлющего государства состоит в том, что оно поглощает гражданское общество и не стремится гарантировать гражданам их права и свободы. Своей идеей корпорации как ассоциации, основанной на частном интересе, Гегель заложил основы концепции многопартийности. Идеи Гегеля открыли новый этап в развитии теории гражданского общества.

Гегель поставил вопрос о соотношении гражданского общества и государства. Подлинное государство, по Гегелю, разумно. Это идея разума и права. Государство Гегель сравнивал с «шествием Бога в мире»¹⁶. Идея государства представляет собой правовую действительность, в иерархической структуре которой государство, являясь само наиболее конкретным правом, выступает как правовое государство. И свобода в этом случае, в гегелевской ее трактовке, означает достижение ситуации, которую можно обозначить как правовое государство. В гегелевской философии, таким образом, можно встретить различные трактовки

---

¹⁴ Кант И. Соч: в 6 т. – М., 1965. – Т. 4. – Ч. 1. – С. 27, 29, 35, 267.

¹⁵ Гегель Г. Философия права. – М., 1990.

¹⁶ Там же. – С. 284.

государства. Он рассматривает его как идею свободы, как конкретное и высшее право, как правовое образование, как единый организм, как конституционную монархию, как «политическое государство» и т.д., но все они являются взаимосвязанными аспектами единой идеи государства. По гегелевской концепции, гражданское общество и государство соотносятся как рассудок и разум. Общество в философско-логическом плане – это момент государства, это то, что «снимается» в государстве. Само развитие гражданского общества предполагает наличие государства как его основания.

Таким образом, в своей философской концепции Гегель представил гражданское общество как сложное социальное устройство, показал его взаимосвязь с другими социальными образованиями и структурами. Философия Гегеля представляла собой последнюю разработку социальных идей на базе этических христианских ценностей. Наступление экзистенциального кризиса в конце XIX века, когда «Бог умер», ознаменовало снижение роли и значения императивов христианства. Возникла необходимость найти новые конфигурации взаимодействия общества и государства, не связанные столь тесно с символом веры.

Исследователь опыта американской демократии А. Токвиль заложил основы нового направления в толковании сущности гражданского общества. А. Токвиль¹⁷ рассматривал гражданское общество как негосударственную сферу жизни социума. Для неё характерны добровольный выбор, а не принуждение, авторитет морали, а не власти. При этом он не противопоставляет одно другому как доброе и злое начало, а, напротив, подчёркивает плодотворность их взаимодействия при условии, что государство является демократическим. Становление общества в целом и гражданского общества в частности Токвиль связывал с формированием общины. Как социальный институт община появляется раньше государства и независимо от него. Община обладает собственной силой и независимостью. Она воспитывает в своём члене привычку к свободе, равенству, формирует чувство гражданственности, уважение к закону и правам других людей. Говоря об американском гражданине, Токвиль писал: «Он повинуется обществу не потому, что он ниже тех, кто им управляет, или менее, чем другой человек, способен управлять самим собой. Он потому повинуется обществу, что признает полезным союз с подобными себе и знает, что этот союз не может существовать без

---

¹⁷ Токвиль А. Демократия в Америке. – М.: Прогресс, 1987.

власти, поддерживающей порядок. Таким образом, во всём, что касается взаимных отношений граждан, он становится в положение подданного. Во всём, что касается его самого, он остается господином, он свободен в своих действиях и отдает отчет одному Богу»¹⁸.

Токвиль впервые обратил внимание на ту роль, которую играет независимая пресса как в формировании гражданского самосознания, так и в расширении пространства самого гражданского общества. Он указал также на огромное значение особого социального института – политических ассоциаций, которые не входят ни в состав гражданского общества, ни в государственный аппарат управления. Они обеспечивают их взаимодействие. Тем самым А. де Токвиль не исключил политическое начало из сферы гражданского общества.

Локковская, гегелевская и токвилевская традиции легли в основу дальнейших исследований гражданского общества и его связи с государством. При этом гегелевская традиция способствовала формированию общеметодологических подходов к проблеме, локковская – ее политическому и юридическому анализу; токвилевская традиция служит теоретической и практической основой для исследований конкретной структуры гражданского общества, т.е. придает проблеме социологическое измерение. В указанных традициях можно выделить общие принципы. Это, во-первых, принцип свободы индивида. Во-вторых, это принцип законности. В-третьих, принцип неприкосновенности частной собственности. В-четвёртых, наличие механизмов, которые стабилизируют отношения между гражданским обществом и государством и дают обществу необходимый уровень защищённости от государственного вмешательства.

Переход европейского общества на индустриальную стадию развития, а также развёртывание в нем процессов секуляризации заставили мыслителей по-новому взглянуть на гражданское общество, на его взаимоотношения с государством, на права индивида. В связи с этим значительный интерес представляет теория гражданского общества, разработанная Карлом Марксом. Это одна из первых антиклерикальных социальных доктрин. Взгляды К. Маркса на гражданское общество не были статичны в течение его длительного научного творчества. Показывая отличие своего подхода от гегелевского, К. Маркс утверждал, что «...гражданское общество и государство оторваны друг от друга. Следовательно, и гражданин государства оторван от гражданина как члена

---

¹⁸ Токвиль А. Демократия в Америке. – С. 48.

гражданского общества»¹⁹. В этой ситуации человек подвергается существенному раздвоению. Как гражданин, индивид находится «...в двойной организации: в бюрократической, – она представляет собой внешнее формальное определение потустороннего государства, правительственной власти, не затрагивающей гражданина и его самостоятельной действительности, – и в социальной, в организации гражданского общества»²⁰. Именно здесь, как частное лицо, он находится вне государства.

К. Маркс чётко показал сущность различий между государством и гражданским обществом и обнаружил его материальную основу – производство, а за господством частной собственности – деление общества на классы и классовые антагонизмы. Он рассматривал гражданское общество как фундамент всего человеческого общества, а жизнедеятельность индивидов как решающий фактор исторического развития, отвергая тем самым тезис Г. Гегеля о первичности государства по отношению к гражданскому обществу. Это вытекало из материалистического понимания истории, согласно которому эволюция общества является результатом эволюции материальных условий жизни. Гражданское общество в такой трактовке предстаёт как материальные отношения индивидов.

Говоря о значении марксистского подхода к анализу гражданского общества, нельзя не отметить и тот факт, что практически все предшествующие теоретики рассматривают его прежде всего как культурный и экономический феномен, опуская его политическую сущность. Марксистская теория позволяет реконструировать эту составляющую. В этом случае государство можно рассматривать как выражение потребности социума в централизации и упорядочении, в то время как гражданское общество отражает потребность в децентрализации и свободе воли.

Реконструкцию концепции гражданского общества на основе классического марксистского анализа в начале XX века осуществил А. Грамши. Опираясь на марксистский подход, он разработал собственную концепцию гражданского общества. Грамши утверждал, что можно зафиксировать два крупных надстроечных плана. Тот, который можно назвать «гражданским обществом», то есть совокупностью организмов, обычно называемых «частными», и тот, который является «политическим обществом», или государством. Им соответствует функция «гегемонии», которую доминирующая группа осуществляет во всем обществе, и функция

---

¹⁹ Токвиль А. Там же. – С. 307.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 1. – С. 307.

«прямого господства», или командования, которая выражается в государстве, в «юридическом» правительстве»²¹.

Как и Маркс, Грамши связывает гражданское общество прежде всего с правящим классом. Его структура состоит из сети частных организаций этого класса, не включённых непосредственно в аппарат государственной власти: профессиональных, культурных, общественных, религиозных, благотворительных организаций и политических партий, средств массовой информации. Через них господствующий класс насаждает свою идеологию, свое мировоззрение, развивает и укрепляет свое политическое влияние. Именно в сфере гражданского общества господствующий класс ищет себе союзников, добивается от других классов и социальных групп поддержки и согласия, пресловутого консенсуса, короче говоря, – «концентрирует согласие»²².

Проанализировав связь между гражданским и политическим обществом, Грамши приходит к выводу, что под государством следует понимать не только аппарат принуждения, но и «частный аппарат гегемонии». Он выводит следующую формулу: государство – это гегемония, «защищенная бронёй принуждения»²³. Опираясь также на идею Гегеля о корпорации как элементе гражданского общества, Грамши увидел новые формы ассоциаций в современных церквях, профсоюзах, культурных объединениях, клубах, ассоциациях по месту жительства, политических партиях. Он отводил гражданскому обществу некое срединное положение между государством и экономическим базисом. С его точки зрения государство выступает «орудием для того, чтобы привести гражданское общество в соответствие с экономическим базисом, но необходимо, чтобы государство «хотело это сделать»²⁴. А. Грамши фактически предложил трехчастную схему структуры общества, отграничивая гражданское общество не только от государства в виде органов управления, но и от экономики, от бизнеса. Однако такая трактовка у Грамши не означала, что он полностью дифференцировал эти сектора. Он рассматривал гражданское общество скорее как продолжение государства, которое способствовало воспроизводству экономических отношений. В этом случае гегемония предстает перед нами как доминирование власти, но другими средствами.

---

²¹ Грамши А. Тюремные тетради. – М., 1991. – С. 205.

²² Грамши А. Там же. – С. 123.

²³ Там же. – С. 136.

²⁴ Там же. – С. 308.

Тем не менее можно утверждать, что А. Грамши заложил основы современного понимания государства и власти (гегемонии), показав при этом роль ассоциаций и раскрыв механизм влияния господствующего класса на массы.

В целом главным итогом развития теории гражданского общества в XIX – начале XX века стало признание за ним статуса особой социальной реальности. Фактически была выработана основная категориальная база концепции, что означало формирование классической теории гражданского общества.

Дальнейший исследовательский интерес к теме гражданского общества был стимулирован становлением демократических режимов во многих государствах мира во второй половине XX века. Идея гражданского общества стала ценным источником эвристического потенциала для научных поисков и расширения зоны гражданского общества. Она получает свое практическое воплощение в системе устойчивых, общепринятых представлений о гражданском обществе, которые понимаются и разделяются большинством его членов.

Современные мыслители не игнорируют положения классической теории гражданского общества, а подвергают их творческому переосмыслению и анализу с новых концептуальных позиций.

Это заметно при обращении к творчеству таких авторов, как Э. Арато, Э. Геллнер, Д. Коэн, Ю. Хабермас, Ф. Фуко и др. Философы анализируют реалии постмодерна, которые не были известны теоретикам модерна, и используют их как значимые для построения обновлённой концепции гражданского общества. В новой парадигме взгляды на гражданское общество основаны на теориях «публичной сферы» и «коммуникативного действия».

Немецкий социолог Ю. Хабермас характеризует гражданское общество как социальное пространство (жизненный мир), колонизированный государством (системой). Публичная сфера этого пространства деформирована в результате постоянного вмешательства системы. Колонизация способствует процессу деформации сферы смыслового общения индивидов с системой.

В концепции гражданского общества Ю. Хабермаса представлен подход, синтезирующий многие элементы классических теорий с позднеклассическими идеями и выдвигающий на первый план коммуникационную установку. Разработанная им теория коммуникативного действия с её идеями о типах общественности, о сферах коммуникации (межлич-

ностной и объективной), об отношениях системы и жизненного мира, о дискурсе и гражданском обществе позволяет акцентировать внимание на такой особенности современной социальности, как коммуникативность. Эта теория дает возможность увидеть в рациональном коммуникативном действии основание современного общества. Такой подход позволяет Хабермасу искать в социальной жизни новые рациональные возможности преодоления конфликтов, вражды и нетерпимости. Эти возможности он видит в коммуникативной рациональности или коммуникативном разуме, которые он определяет как «понимающие ресурсы жизненного мира»²⁵.

Сердцевину гражданского общества, по мнению Хабермаса, составляет свободная общественность, которая возникает внутри общественной сферы. Для Ю. Хабермаса общественность – это некие феномены общественной жизни, названные им «срезами социального», благодаря которым происходит фиксация человеческой деятельности и отношений. Ю. Хабермас отмечает, что они проявляют себя через открытость социального пространства, через совместную деятельность в публичной сфере, через установление широких связей коммуникации²⁶. Хабермас определяет гражданское общество как социальный базис всех образований публичной сферы. Он соотносит ее с коммуникативным пространством, в котором и рождается общий для всех субъектов жизненный мир. По мнению Хабермаса, публичная сфера опосредует отношения между частной и политической подсистемами общества. Пространство публичной сферы охватывает область публичной политики, но не включает в себя политическую систему в целом. Аналогично она пересекается и с частной сферой²⁷.

Актуализация Ю. Хабермасом проблемы гражданского общества позволила ему увидеть перспективу в обращении к практике повседневности, в рамках которой рождаются, формируются, институционализируются идеи, идеалы, ценности. В итоге возникает новый тип гражданского общества – «плюральное, эффективное и ответственное», не опосредованное политикой, а следовательно, не ограниченное логикой отношений государство – общество.

---

²⁵ Habermas Y. The Structural Transformation of the Public Sphere. – Cambridge, 1989. – P. 98.

²⁶ Ibid. – P. 167.

²⁷ Ibid. – P. 300.

Таким образом, Ю. Хабермас, создав свою теорию коммуникации, трактует «гражданское общество как коммуникативно формирующийся феномен социальной реальности, базирующийся на принципах свободы, плюрализма, права и участия»²⁸. Его концепция коммуникативного действия позволила актуализировать проблему гражданского общества через обращение к повседневной практике, к непосредственному общению, которое и является той сферой, где формируются идеи, идеалы, ценности, происходит их организация и институционализация. Разработанная Хабермасом теория является сегодня основным методологическим подходом в исследованиях гражданского общества. Эпоха модерна, считает Ю. Хабермас, создает условия для формирования нового типа общественности в связи с развитием правового государства и становлением независимой от государства сферы гражданского общества.

В логике философии постмодерна традиционная полярность гражданского общества и государства рассматривается в иной перспективе. Чтобы понять это взаимодействие, требовалось иначе взглянуть на саму природу власти, что и было сделано французским мыслителем М. Фуко. Он отказывается от устоявшейся трактовки власти как всеохватывающей и тотальной, дающей возможность одному править многими. Он десубстанциализирует власть и выделяет новый тип власти – власти как дисциплины. Он считает, что «под властью следует понимать прежде всего множественность отношений силы, которые имманентны области, где они осуществляются, и которые конститутивны для её организации...наконец, под властью следует понимать стратегии, внутри которых эти отношения силы достигают своей действенности, стратегии, общий абрис или же институциональная кристаллизация которых воплощаются в государственных аппаратах, в формулировании закона, в формах социального господства»²⁹.

Фуко исходит из того, что власть не представляет собой институт или структуру. Он воспринимает её как подвижную сеть отношений, являющихся результатом силовой игры, не имеющей исходной центральной точки. В результате Фуко приходит к выводу, позволяющему ему интерпретировать власть как «...имя, которое дают сложной стратегической ситуации в данном обществе»³⁰. Встает перед Фуко и вопрос

---

²⁸ См.: Окушова Г.А. Теория гражданского общества: от единства субстанции к коммуникативной социокультурной природе: автореф. ... дис. к.филос.н. – Томск, 2004. – С. 8.

²⁹ См.: Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет: пер. с франц. – М.: Касталь, 1996. – С. 191.

³⁰ См. там же. – С. 192.

об источнике власти. Его он видит, в отличие от юридической модели, не в ресурсах. Источником «вездесущности» власти, а по сути её силы, выступает её способность производить себя «...в каждое мгновение в любой точке...»³¹. Власть у него предстаёт как совокупный эффект. Фуко показывает, что отношения власти пронизывают социальность. Она представляет собой поток непрерывности как во времени, так и в пространстве.

Новые технологии контроля создаются с помощью новых наук о человеке: педагогики, медицины, политологии, социологии, психологии³². Эти технологии достигают своего результата, создавая полезного и контролируемого человека. Вот почему в современном обществе у субъекта нет свободы, а в функционировании социальных институтов нет горизонтальных отношений автономного типа. В результате такие черты гражданского общества, как автономия субъектов публичности, солидарность, сплочённость, заменяются с помощью дисциплинарных практик новыми непрозрачными формами контроля. В связи с этим гражданское общество должно искать условия для реализации своих возможностей в границах этого потока, т.е. во власти.

С позиции дисциплинарной концепции власти гражданское общество у Фуко – это общество дисциплинарного типа. М. Фуко весьма критично взглянул на самую сущность гражданского общества. Гражданское общество он понимает как пространство коммуникации, направленной на сопротивление политической власти и постижение реального опыта свободы. При этом Фуко не признаёт разделения государства и общества, что было свойственно большинству концепций модерна. Несмотря на это, концепция Фуко, безусловно, даёт возможность по-новому взглянуть на общество, пронизанное новой формой властных отношений, и понять, что условиями свободы являются сопротивление и борьба.

Гражданское общество в эпоху постмодерна многие его исследователи начинают трактовать как промежуточное, выполняющее роль своеобразного посредника между индивидом и государством, между основными сферами жизни: частной, экономической, политической. Такой подход предложили американские ученые Джил Коэн и Эндрю Арато³³.

---

³¹ См.: Фуко М. Воля к истине... – С. 192.

³² См. там же. – С. 168-175.

³³ См.: Коэн Д., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория / пер. с англ. под общ. ред. И.И. Мюрберг. – М., 2003.

При этом они возражают против отождествления проекта гражданского общества «...с теми целями, которые преследуются экономической или же партийно-политической элитами, отказываясь тем самым от собственной автономности и специфики»³⁴. Учёные считают, что категория «гражданское общество» сегодня может быть использована только в плане ее реконструкции. Решая эту задачу, авторы опираются на стратегию Ю. Хабермаса, на развитие им дуалистической социальной теории, «...которая одновременно и объединяет, и обособляет друг от друга в равной мере необходимые методологии, оперирующие понятиями “жизненный мир” и “система”»³⁵.

В трактовке гражданского общества Коэн и Арато опираются на трехчастную модель, включающую в себя «жизненный мир – политическую подсистему – экономическую подсистему», унаследованную ими от Грамши и Парсонса. Они дополняют её более сложной и современной теорией дифференциации Н. Лумана. Тем самым Коэн и Арато стремятся доказать современный характер теории гражданского общества. Главным аргументом их подхода становится утверждение о его способности рационализироваться, основанное на признании в качестве факторов стабилизации современных гражданских обществ нормативного научения и фундаментальных прав. Коэн и Арато своей концепцией доказывают, что именно их модель «может учитывать все негативные процессы, которые столь упорно подчеркивались критиками гражданского общества»³⁶.

Труд Коэна и Арато стал ответом на потребность создать «такую концепцию гражданского общества, которая давала бы возможность анализировать новые формы коллективной идентичности и на их основе формулировать положения, способные содействовать созданию более свободных, более демократических обществ»³⁷. Более того, созданная ими модель «дифференцированного гражданского общества» содержит в себе не только утопический потенциал, но и дает возможность создать новые представления о правах с целью восстановить и защитить как общественную, так и частную жизнь³⁸.

---

³⁴ См.: Коэн Д., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория / пер. с англ. под общ. ред. И.И. Мюрберг. – М., 2003. – С. 544.

³⁵ См. там же. – С. 545.

³⁶ См. там же. – С. 546.

³⁷ См. там же. – С. 544.

³⁸ См. там же. – С. 546.

Подчёркивая значимость проблемы гражданского общества для современного этапа развития общественной мысли, авторы подразумевают под гражданским обществом некую нормативную модель социальной сферы, отличающуюся как от государства, так и от экономики. В этом они продолжили принципиальную позицию, высказанную вначале Гегелем, разъединившим гражданское общество и государство, а затем А. Грамши, высказавшим исключительно важное положение о разграничении гражданского общества еще и с экономической сферой.

Они предлагают отличать гражданское общество от политического общества, выступающего областью функционирования политических партий, общественно-политических организаций и органов публичной политики. Его следует отличать и от экономического общества, состоящего из организаций, занимающихся производством и распределением благ и услуг. И политические, и экономические организации возникают на основе гражданского общества, с которым их объединяют организационные права и коммуникативные формы. Политические права и право собственности, являясь продолжением прав, стоящих, образно говоря, на страже гражданского общества, обеспечивают институционализацию политической и экономической сфер.

Дифференцируя гражданское общество, экономическую и политическую сферы, Дж. Коэн и Э. Арато высказывают мысль о том, что данная категория должна включать в себя те общественные явления, которые не имеют непосредственной связи с государством и экономикой. Однако этот критерий применим только к сознательно создаваемым ассоциациям, к случаям самоорганизации. По сути дела, гражданское общество – это особый мир ролей, образцов поведения, норм, сфер компетенции, форм зависимости, организационной коммуникации, который предстаёт перед нами и наблюдается нами как сознательное создание ассоциаций и как жизнь в ассоциациях. Соответственно гражданское общество включает такие структуры, как социализация, ассоциация и организованные формы, в той мере, в какой они институционализированы или находятся в процессе институционализации³⁹.

Представляет интерес теория гражданского общества Э. Геллнера с её идеями о типах обществ, о значении для возникновения гражданского общества человека нового типа, названного им «модульным». Именно возникновение «модульного человека», как утверждает Э. Геллнер, сде-

---

³⁹ См.: Коэн Д., Арато Э. Там же. – С. 347.

лало возможным гражданское общество⁴⁰. Суть «модульности» современного человека заключена в его готовности и способности к решению самых разнообразных задач. Однако есть и ограничения – это то культурное поле, в котором существует человек. Вхождение же его в это поле обеспечивается современной системой образования, которая позволяет ему освоить практически любое дело⁴¹. Именно модульность позволяет преодолеть противоречие между холистическим и индивидуалистским началами в социуме. Как утверждает Геллнер, «только современный модульный человек является одновременно индивидуалистом и эгалитаристом и, тем не менее, отличается способностью, объединяясь со своими согражданами, слаженно противостоять государству и решать задачи в диапазоне, невероятном по своему разнообразию»⁴². Человек данного типа может входить во временные союзы, может покидать их, будучи несогласным с их политикой, и не считаться изменником. Такой человек живет в условиях изменяющихся мнений, изменяющихся союзов, равно как и рыночное общество, создающее такого человека, живет в условиях меняющихся цен⁴³. Отсутствие же модульности исключает возможность выбора. Выбирая, модульный человек вступает в союзы, которые могут быть эффективными, и при этом он не закрепощён ими. Геллнер видит суть гражданского общества «в формировании связей, которые оказываются эффективными и в то же время гибкими, специализированными, инструментальными»⁴⁴. С его точки зрения данный тип общества возможен при переходе от статусных отношений к договорным.

Главным итогом развития концепции в современных условиях стало то, что сегодня она предлагает модель общества, сфокусированного не на политике, не на экономике, а на самом социуме, для эффективного развития которого необходим высокий уровень развития неполитических, неклассовых форм коллективной жизни, которые связаны с правовыми, гражданскими, публичными институтами.

Следует отметить, что современные теории гражданского общества ориентированы на осмысление качественно иной социальной реальности, чем в сравнительно недалёком прошлом. Современные авторы

---

⁴⁰ Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. – М.: Московская школа политических исследований, 2004. – С. 120.

⁴¹ См. там же. – С. 121.

⁴² См. там же. – С. 121.

⁴³ См. там же.

⁴⁴ См. там же. – С. 119.

подвергают положения классической теории творческому переосмыслению и анализу с новых концептуальных позиций. Делая свой второй шаг в модернизации, наиболее развитые общества переходят в парадигму дискурса, консенсуса, договора. Анализ гражданского общества на основе принципов коммуникативной онтологии дает возможность выявить плюрализм способов его функционирования и развития. Эти отношения, в отличие от отношений причинности или дедукции, являются формами «горизонтальной», диалектической связи основных агентов социальной детерминации. На основе этого конституционного каркаса становятся возможными взаимовыгодные договоры между отдельными индивидами.

В заключение следует отметить, что практически все авторы, осмысливающие гражданское общество в традициях постмодерна, рассматривали его либо как общество, приходящее на смену традиционному общественному укладу, либо как вырастающее из современного уклада и имеющее все его черты. При этом речь идёт не о разных типах общества, а о разных фазах или стадиях существования и развития самого гражданского общества.

Идея гражданского общества в отечественной науке имеет свои истоки и свою специфику. Конец XIX – начало XX века стало временем проникновения в российскую общественную мысль уже оформившейся в западноевропейской традиции идеи гражданского общества как антитезы институтам государственной власти. Эволюция российской общественной мысли, а также либерально-буржуазные реформы XIX века создали для этого благоприятные условия. В общественно-политической мысли России последней трети XIX – первой трети XX века можно выделить несколько направлений в рассмотрении гражданского общества: философское, правовое и политическое.

Среди первых, кто обратился к проблеме гражданского общества в его философском аспекте, был С.Л. Франк. Проблематика гражданского общества появляется в его творчестве при определении принципов общественной жизни. С.Л. Франк отметил присущий общественной жизни дуализм, состоящий в сосуществовании идеального и реального как нераздельных сторон бытия. При этом он выделил как относительно самостоятельные три ряда закономерных тенденций: иерархия и равенство, консерватизм и творчество, планомерность и спонтанность. Двуединство планомерности и спонтанности и предопределяет разделение общественной жизни на государство и гражданское общество.

Планомерность в общественном устройстве выражена в принудительной организации реализации идеи. Спонтанность представлена как стихийное, произвольное взаимодействие как отдельных индивидов, так и сфер общества. Иначе говоря, с одной стороны, общество создается планомерно и организовано, а с другой – складывается стихийно, вырастая как бы «само из себя», из реального процесса жизни. «Эти два необходимых и соотносительных начала общественного бытия, – пишет С.Л. Франк, – получают конкретное выражение в двух формах общественной жизни: в государстве и гражданском обществе»⁴⁵. Таким образом, у С.Л. Франка формируется социальное двуединство – государство и гражданское общество.

Государство в его представлении должно быть ограничено в своих функциях и средствах деятельности. «Задача государства, – отмечает С.Л. Франк, – состоит только в организации самой свободы, внутренней растущей жизни»⁴⁶. Такая планомерная деятельность государства предполагает наличие вне себя спонтанного, органически возникающего общественного субстрата. Именно к нему она и прилагается, сопровождает его. Гражданское общество, по мнению С.Л. Франка, представляет собой «общественное единство, спонтанно слагающееся из вольного сотрудничества, из свободного соглашения всех волей отдельных членов общества»⁴⁷.

Правовой подход к видению гражданского общества в его социальном ракурсе наиболее ярко представлен в трудах Б.Н. Чичерина и П.И. Новгородцева. Философская позиция Б.Н. Чичерина – это позиция последователя Гегеля. Б.Н. Чичерин рассматривает как самостоятельную проблему вопрос о гражданском обществе наряду с вопросами о праве, нравственности, союзах и т.д. Как истинный либерал, Б.Н. Чичерин придавал исключительное значение проблеме свободы. Он считал, что человек – изначально свободное существо. Именно в таком качестве он вступает в жизнь. Именно свобода, по мнению Б.Н. Чичерина, является условием развития и гражданского общества, и государства. Он устанавливал некое равновесное существование этих субстанций. «В пределах единства, – полагал Б.Н. Чичерин, – есть место для отдельных лиц и для частных союзов; и те, и другие требуют свободы и самостоятельности»⁴⁸.

---

⁴⁵ Франк С.Л. Духовные основы общества. – М., 1992. – С. 136.

⁴⁶ Там же. – С. 141.

⁴⁷ Там же. – С. 144.

⁴⁸ Чичерин Б.Н. Собственность и государство. – М., 1882. – Т. 2. – С. 214.

П.И. Новгородцев – представитель неокантианской школы в русском обществознании, который воспринял у Канта естественноправовой подход к пониманию гражданского общества. Последнее рассматривалось П.И. Новгородцевым как непрерывно изменяющийся общественный союз, основанный на сотрудничестве людей и являющийся результатом энергичных действий и активности отдельных индивидов, осознавших общие интересы. По этому поводу П.И. Новгородцев писал: «По существу своему...демократия есть самоуправление народа; но для того, чтобы это самоуправление не было пустой фикцией, надо, чтобы народ вырабатывал свои формы организации... И чем сложнее и выше задачи, которые ставятся перед государством, тем более требуется для этого политическая зрелость народа, содействие лучших сторон человеческой природы и напряжения всех нравственных сил»⁴⁹.

Третьим подходом в отечественной социальной мысли к пониманию и изучению гражданского общества стал политико-социальный, который содержится в социально-анархических, либеральных и марксистских идеях.

Анархистское направление не обращается к самому понятию гражданского общества. Однако в этом концепте содержатся интересные идеи относительно создания самоуправляющегося общества и отмирания государства. Прекращение существования государства анархисты связывали с упразднением разного рода привилегий, с исчезновением отношений эксплуатации, с приходом иной формы общежития. «Жизнь упростится, – считал П.А. Кропоткин, – когда станет излишним механизм, существующий для того, чтобы помогать богатым еще более богаче за счёт бедных»⁵⁰. Он отметил значение частного интереса, способствующего объединению людей. «Такие союзы вне всяких политических и хозяйственных целей создаются уже теперь во множестве; число их, несомненно, должно расти, и они будут тесно переплетаться с другими союзами: как земельными, так и союзами для производства, для потребления и для обмена продуктов»⁵¹.

Либеральная традиция в российской общественно-политической мысли представлена именами Чичерина, Муромцева, Коркунова, Кова-

---

⁴⁹ Новгородцев П.И. Демократия на распутье // Об общественном идеале. – М., 1991. – С. 548.

⁵⁰ Кропоткин П.А. Современная наука и анархия // Хлеб и воля. Современная наука и анархия. – М., 1990. – С. 323.

⁵¹ Там же. – С. 324.

левского, Струве и др. На рубеже XIX–XX вв. либерализм переходит на новую стадию развития. Он перестает быть интеллектуальной традицией и становится практикой, материализуясь в социально-политическом движении. Либеральные идеи легли в основу программы партии кадетов, в которой, в частности, предусматривались такие нормы правового государства, как равенство всех перед законом, отделение церкви от государства, свобода совести, мысли, печати, собраний, отмена цензуры. Там содержались пункты, предусматривавшие защиту частной жизни гражданина от вмешательства государства: неприкосновенность жилища, переписки, самой личности, свобода передвижения. Однако дальнейшая политическая и идеологическая борьба в российском обществе привела к поражению либералов и распространению их идей среди ограниченного круга лиц.

В отличие от либерализма, марксизм нашел в России благоприятную питательную среду. Важнейшими вопросами, которые привлекли внимание теоретиков марксизма, стали вопросы государства, права, политического режима, социального прогресса и др. Если на начальной стадии марксисты выступали единым фронтом и их основная задача заключалась в том, чтобы с историко-материалистических позиций понять состояние пореформенного российского общества, оценить и проанализировать перспективы его развития, то в дальнейшем среди марксистов произошел раскол, приведший к формированию двух его различных направлений – радикального (большевизма) и реформаторского (меньшевизма). Отметим, что, продолжая линию Маркса, признававшего гражданское общество обществом буржуазным, российские марксисты не восприняли эту идею европейской общественной мысли, однако проблематика гражданского общества фактически присутствовала в их изысканиях. Значительное внимание марксисты уделяли анализу сущности государства, вопросу о его отмирании, вопросам свободы, соотношению свободы и необходимости в общественной деятельности, проблемам ограничений буржуазной демократии. С пониманием сущности государства как классовой диктатуры связано восприятие Лениным демократии, свободы, права, принципов гуманизма. С его точки зрения все названные социальные механизмы способны только осуществлять господство правящего класса, прикрывая его внешне привлекательными атрибутами и вводя тем самым в заблуждение трудящиеся массы. Поэтому различные демократические институты и нормы надо разоблачать и отрицать. «Буржуазная демократия, – писал Ленин, – будучи

великим историческим прогрессом по сравнению со средневековьем, всегда остаётся – при капитализме не может не оставаться – узкой, урезанной, фальшивой, лицемерной, раем для богатых, ловушкой и обманом для эксплуатируемых, для бедных»⁵². По мнению Ленина, демократия в буржуазном обществе не обеспечивает фактического равенства, поскольку она даёт преимущественные возможности пользоваться свободой слова, собраний, печати, правом участвовать в государственных делах имущественно состоятельным людям. Таким образом, демократия рассматривалась скорее не как политико-юридическое пространство, необходимое для осуществления прав и свобод личности, а как сфера, обеспечивающая суверенитет народа, верховенство его власти.

Безусловно, русская правовая, политическая и социально-философская мысль внесла свой немалый вклад в развитие идеи гражданского общества. Отечественными мыслителями была создана серьёзная традиция исследования становления гражданского общества в России. Их рассуждения об ответственности и обязанностях субъектов гражданского общества в условиях его становления и продвижения к демократии, свободе, правовому государству, к вере и нравственности приобретают актуальное звучание в современной России.

Для современной отечественной политической науки характерно обращение к концепту гражданского общества в 80–90-е годы XX в. Понятие гражданского общества получило широкое распространение, поскольку отражало осознаваемую социумом потребность в гуманистических формах социального устройства. Оно стало восприниматься как антитеза тоталитаризму и утопическим социальным моделям. Однако политическая полемика, которая сопровождала его освоение, мешала научному подходу к изучению данного феномена.

При изучении гражданского общества сегодня решаются различные познавательные-теоретические задачи. В частности, придание онтологического смысла категории «гражданское общество», анализ сущности и выделение критериев для его определения, изучение взаимодействия гражданского общества и государства, изучение влияния экономических, политических, социальных, культурных факторов на его становление и функционирование.

Характеризуя современное представление об идее гражданского общества в России, необходимо отметить наличие концепций, впитав-

---

⁵² Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Полное собр. соч. – Т. 37. – С. 104.

ших положения неоконсервативной идеологии о пагубности поглощения гражданского общества государством и политизации всех сфер общественной жизни, о необходимости освобождения регионов от диктата центра, развития местной власти и творческой инициативы масс на уровне сельских общин и объединений. При характеристике сущности гражданского общества наибольшее распространение получила его интерпретация как внесударственной сферы социума, обладающей своими специфическими признаками и характеристиками, прежде всего плюралистичностью, открытостью, личной автономией, демократичностью⁵³ и т.д. Часть исследователей интерпретирует его как частную сферу социума, независимую от государства и общественных структур, таких как социальные движения, общественные организации и т.п., при этом под частной сферой понимается все многообразие индивидуальных и групповых интересов, а также способы их реализации⁵⁴.

Таким образом, мы рассматриваем гражданское общество как совокупность негосударственных, неполитических структур и отношений, формальных и неформальных организаций и правил, которые складываются в частной и общественной жизни, в экономическом, социальном и культурном пространстве, в ходе взаимодействия свободных индивидов, реализующих в процессе свободного выбора частные интересы.

Гражданское общество окружает нас повсюду. Это сфера нашей повседневной жизни, в которой мы стремимся удовлетворять наши разнообразные частные интересы и потребности. Действия индивидов, как правило, имеют в этом случае спонтанный и стихийный характер, отражают их стремление к автономии и независимости. Для осуществления частных интересов и потребностей люди создают неполитические институты: семью, церковь, негосударственные средства массовой информации, учреждения культуры, научные, профессиональные и спортивные объединения, ассоциации и союзы и т.д. И только когда повседневные потребности частного характера отдельных индивидов

---

⁵³ См.: Кочетков А.П. О формировании гражданского общества // Социально-политические науки. – 1992. – № 1. – С. 18; Магомедов К.О., Смальков В.Г. Гражданское общество // Рос. акад. управл., Моск ин-т приборостр. – М.: МИП, 1993. – С. 21; Рябев В.В. Российское государство и процесс становления гражданского общества и политической культуры гражданственности в современных условиях // Вестник МГТУ. – 2007. – Т. 10. – № 3. – С. 451; Апресян Р.Г. Гражданское общество [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://ethics.iph.ras.ru/works/GU/2.html> (дата обращения: 13.02.2009)

⁵⁴ См.: Красин Ю. Государство и гражданское общество [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.soc-eco.ru/docs/krasin.doc> (дата обращения: 15.02.2009).

становятся актуальными для конкретных социальных групп, когда их реализация затрагивает интересы и положение других социальных общностей, только при этом условии потребности обретают политическую значимость. Иначе говоря, они не могут быть осуществлены без вмешательства государства. Вот почему «государство» и «гражданское общество» отражают различные стороны жизни общества.

Повседневные интересы граждан неравнозначны, в связи с этим и сферы гражданского общества имеют определенную соподчиненность. Первый уровень гражданского общества составляют экономические отношения, основанные на многообразии форм собственности при соблюдении интересов личности и общества в целом. Здесь реализуются базовые (первичные, витальные) потребности в пище, одежде, жилье и т.д., обеспечивающие жизнедеятельность индивидов. Возникающие в ходе экономической деятельности производственные отношения составляют первый уровень межличностных взаимосвязей. Эти отношения реализуются через такие общественные институты, как профессиональные, потребительские и иные объединения и ассоциации. Рынок как своеобразный компонент экономической свободы невозможен без развития самостоятельной предпринимательской деятельности.

Структуры гражданского общества во многом способствуют возникновению и успеху рыночной экономики, поскольку предпосылкой её является определенная социальная связь, определенный уровень доверия и социального капитала. Именно этими ресурсами и располагает гражданское общество. Вместе с тем гражданскому обществу нужен рынок. При отсутствии типичной для функционирующей рыночной экономики децентрализации экономических решений и экономической власти гражданское общество сильно проигрывает. В то же время надо иметь в виду, что существуют варианты капитализма и формы рыночного предпринимательства, которые не вовлечены в гражданское общество. Более того, они живут и паразитируют за счет общественного единения. Это обнаруживается прежде всего в особо мобильных, пространственно текучих, нигде не оседающих формах предпринимательства, таких как международный финансовый капитализм. То есть существует капитализм, который ведёт себя паразитически по отношению к гражданскому обществу.

Экономическая основа классической модели гражданского общества претерпевает сегодня существенную эволюцию. Экономика развитых стран приобретает многоукладный характер. В её основании теперь не

только частная собственность, но и различные формы коллективной собственности. В условиях формирования информационного общества гражданское общество призвано обеспечить личности владение информацией, поскольку, по мнению академика Н.Н. Моисеева, сегодня «начинает играть все большую роль общественная собственность». В качестве таковой выступают знания и идеи, владение которыми определяет меру эффективности действий каждого члена общества.

Следующий уровень – это социокультурные отношения. Они включают в себя широкий спектр семейно-родственных, этнических, религиозных и прочих устойчивых связей. Они образуют второй уровень межличностных взаимосвязей. Этот комплекс реализует потребности в продолжении рода, здоровье, воспитании детей, духовном совершенствовании, вере, информации, общении и т.д. Потребности данного уровня удовлетворяются в рамках таких институтов, как семья, церковь, образовательные и научные учреждения, творческие союзы, спортивные общества и т.д.

На этом уровне общество предстает как единство культуры и социальности. Возникающие в семейной, этнической, религиозной и других социальных практиках способы и результаты человеческой деятельности составляют основу культуры сообщества. В свою очередь, на базе культурных компонентов формируются взаимоотношения социальных субъектов. Культура пронизывает все без исключения состояния социальной жизни и составляет сущностные ценностные и этические характеристики социальных субъектов, определяемые культурным долговременным контекстом. Это позволяет видеть всю сложность социальной жизни. Социокультурная среда представляет собой конкретное непосредственно данное индивиду социальное пространство, через которое он включается в культурные связи общества. Это совокупность различных (макро- и микро-) условий его жизнедеятельности и социального (ролевого) поведения. Это его случайные контакты и глубинные взаимодействия с другими людьми. Это конкретное природное, вещное и предметное окружение, представленное как открытая к взаимодействию часть социума. Проблема современного гражданского общества – это повышение рисков, рост насилия, возрастание опасности. Все это актуализирует потребность людей в абсолютах. Когда человек постоянно живет в состоянии сильного стресса, ему необходимы жесткие, понятные в своей логике правила, роль которых выполняют культурные нормы.

Третий уровень гражданского общества образуют отношения, связанные с индивидуальным выбором, с политическими и культурными различиями групп по интересам, политических партий, движений, клубов и т.п. С их помощью общество самоорганизуется. Здесь реализуются потребности в политическом участии, связанные с индивидуальным выбором на основе политических предпочтений и ценностных ориентаций. Этот уровень гражданского общества включает институты, соприкасающиеся с государственно-политической системой общества.

Исследователи отмечают, что трансформационные преобразования гражданского общества в постсоветский период происходили по нескольким траекториям, таким как:

- духовно-нравственная: от монополии КПСС и идейно-политического влияния на умы и души людей к гласности, формированию новой информационной среды, плюрализму мнений, раскрепощению сознания, поддержке реформ и затем – к разочарованию в них;
- организационная: от появления массовых общественных движений к организации народных фронтов, появлению политических клубов, оппозиционных движений, оформлению политических партий;
- от трансформации прежних к зарождению новых общественных движений (молодёжных, женских, этнических, профессиональных, региональных, творческих и др.)⁵⁵.

Гражданское общество неотделимо от государства. Но не всякое государство способствует формированию гражданского общества, создает для этого условия. Предпосылкой и условием развития гражданского общества выступает только правовое государство. Современная наука характеризует правовое государство как определенную форму организации государственной власти, где государство и граждане связаны взаимной ответственностью при безусловном верховенстве конституции, демократически принятых законов и равенстве всех перед законом.

Ни одна общественная ценность, на которой основывается современная жизнь людей, практически не осуществима без юридических гарантий. Именно в согласованных и закрепленных правовым государством рамках и процедурах происходит столкновение политических целей и взглядов, выяснение и сравнение общественных позиций и программ.

---

⁵⁵ Дрегалю А.А., Ульяновский В.И. Социология региональных трансформаций: в 2-х т. – Т. 2: Региональный социум 1999–2008: от разочарования к надежде. – Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет, 2010. – С. 25.

Таким образом, если гражданское общество характеризуется разнообразием взглядов и подходов, мотивов и интересов, предельной индивидуализацией форм общения и поведения, то правовое государство едино и единственно олицетворяет собой «становой хребет» и одновременно форму («скрепу») общества. Для понимания сущности правового государства важно понимать, что составляет его основание. Экономической основой правового государства являются производственные отношения, базирующиеся на многоукладности, на различных формах собственности (государственной, коллективной, арендной, кооперативной, частной и др.) как равноправных и в одинаковой мере защищенных юридически. Социальную основу правового государства составляет саморегулирующееся гражданское общество, которое объединяет свободных граждан – носителей общественного прогресса. В центре внимания такого государства находится человек и его интересы. Нравственную основу правового государства образуют общечеловеческие принципы гуманизма и справедливости, равенства и свободы личности. Конкретно это выражается в демократических методах государственного управления, осуществления справедливости и правосудия, в паритете прав и свобод личности во взаимоотношениях с государством, защите прав меньшинства, терпимости к различным религиозным мировоззрениям.

Гражданское общество и государство взаимодополняют друг друга и зависят одно от другого. Без зрелого гражданского общества невозможно построение правового демократического государства, поскольку именно сознательные свободные граждане способны создавать наиболее рациональные формы человеческого общежития. Если гражданское общество выступает прочным опосредующим звеном между свободным индивидом и централизованной государственной волей, то государство призвано противодействовать дезинтеграции, хаосу, кризису, упадку и обеспечивать условия для реализации прав и свобод автономной личности. В реальной жизни общества разделение гражданского общества и государства достаточно условно, но в науке оно необходимо для того, чтобы понять механизмы общественной жизни, степень свободы и несвободы индивидов, уровень политического развития.

В то же время извечными трудностями становления и развития гражданского общества являются не только активность государства, стремление правящих элит к усилению своих позиций в социуме и даже превышению собственных полномочий. Серьезную опасность для форми-

рования и существования гражданского общества представляет и деятельность различного рода корпоративно-бюрократических структур внутри государства, неизменно принижающих статус самодеятельной активности граждан и стремящихся усилить государственную опеку над нею. Самостоятельными и крайне важными причинами ослабления позиций гражданского общества служат и неясность для населения ценностей социальной самодеятельности, отсутствие приверженности общественного мнения ценностям идеологии прав человека. Поэтому гражданское общество не возникает там, где люди не борются за свои права и свободы, где отсутствуют традиции критического анализа общественной деятельности властей и, наконец, где политические свободы воспринимаются людьми как своеволие и отсутствие ответственности за свои поступки.

Феномен гражданского общества конкретизируют гражданские институты. Через них осуществляются непосредственные и действительные связи общества и государства, личности и власти, реализуются права и свободы личности, ее самодеятельность и независимость, проявляются уровень и характер демократии, полнота и смысл человеческого существования как такового. Существуют теоретические и методологические сложности при определении четких критериев общественных объединений. До сих пор не вполне ясно, включать или не включать в состав институтов гражданского общества политические партии, профсоюзы, предпринимательские, непроизводственные организации. Само положение общественных объединений в системе социально-политических институтов и отношений неоднозначно, что и дает основание для не вполне определённых толкований.

В связи с этим в научной литературе существует достаточно большой разброс мнений о том, что считать институтами гражданского общества. Выделяются две базовые классификации институтов гражданского общества – узкая и широкая. С позиции узкой классификации в гражданском обществе присутствуют только общественные объединения (политические организации и общественные движения, союзы, объединения, ассоциации, некоммерческие организации). Вся деятельность этих организаций рассматривается как деятельность гражданского общества.

Более широкая классификация гражданского общества предполагает возможность включения помимо уже перечисленных политических организаций и общественных объединений таких институтов, как:

независимые средства информации, которые влияют на формирование общественного мнения, являющегося социальной базой гражданского общества; политическое государство; церковь – в тех странах, где она отделена от государства. Многие включают в подобную классификацию и институт семьи.

С нашей точки зрения для выявления специфики гражданского общества предпочтительнее узкий подход. Рассмотрим подробнее каждый из представленных институтов.

Самой заметной и наиболее активной частью гражданского общества выступают общественные движения, союзы и объединения. С ними ассоциируют уровень развития собственно институтов гражданского общества. Во многих источниках эти организации называют третьим сектором, в отличие от первого – государственного и второго – производственного.

Третий сектор охватывает широкий спектр различных организаций. Некоммерческие организации (НКО) – самое широкое определение организаций, включаемых в третий сектор. Они создаются не с целью извлечения прибыли и распределения ее между создателями, а с целью оказания помощи, открытия нового дела, внесения каких-то изменений в существующий порядок вещей, т.е. для производства и потребления социальных благ. Все самые разные объединения людей, не имеющие статуса государственных организаций и не распределяющие прибыль, подходят под определение «некоммерческие организации».

Организациям третьего сектора присущи определенные черты: наличие инициативы некоммерческого характера; самоорганизация; демократическая система управления; дух добровольческой работы; стремление к достижению общественного блага. Такие организации принято во всем мире называть неприбыльными неправительственными (негосударственными) организациями (НГО), тем самым подчеркивая их независимость от государства и фокусируя внимание на благотворительных целях, а не на коммерческой деятельности.

Создаваемые самими гражданами и по инициативе граждан некоммерческие организации не только говорят обществу о его проблемах, но и сами находят новые пути их решения. Ими разрабатываются уникальные методики работы с самыми разными категориями населения, не только помогающие людям решать их проблемы, но и раскрывающие человеческий потенциал, пробуждающие гражданскую инициативу. Федеральный закон «О некоммерческих организациях» № 7-ФЗ от

12.01.1996 года⁵⁶ определяет 14 организационно-правовых форм НКО. Среди них собственно общественные организации (объединения), религиозные организации (объединения), некоммерческие партнёрства, автономные некоммерческие организации, ассоциации и союзы, в том числе профессиональные; государственные и муниципальные учреждения, бюджетные учреждения.

Приведённый список показывает, что в понятие «некоммерческие» входят различные организации, в том числе с государственным или муниципальным участием. Большинство НКО действуют в таких сферах, как предоставление социальных услуг, образование, наука, здравоохранение, спорт и культура. На 1 января 2014 г. в стране зарегистрировано 103 325 различных общественных организаций⁵⁷. Однако официальная статистика не даёт возможности получить адекватное представление о некоммерческом секторе. Значительная часть НКО не работает.

Государственную регистрацию, учёт и сводную отчетность общественных объединений и иных некоммерческих организаций в настоящее время осуществляют три ведомства: Федеральная налоговая служба, Министерство юстиции и Росстат. В связи с этим анализ состояния всего некоммерческого сектора представляет определённые сложности. В число организаций, которые официальная статистика относит к некоммерческим, включены все юридические лица, не преследующие получение прибыли в качестве основной цели своей деятельности (по определению Гражданского кодекса Российской Федерации). Однако значительная часть таких организаций не может быть отнесена к сегменту институтов гражданского общества, так как они созданы органами государственной и муниципальной власти или учреждены в форме потребительских кооперативов.

К НКО относятся профессиональные союзы. По данным Росстата, их численность составляет 300 590 организаций⁵⁸. Одни из них защищают права в сфере труда. Это тем более актуально, что в минувшее десятилетие упрочились позиции рыночной экономики, законодательно были закреплены новые отношения работодателей и работников. Большинство отраслевых профсоюзов – это организации, созданные многие десятилетия назад. В них состоит около 40 млн. человек. Деятельность

---

⁵⁶ Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01. 1996 года № 7-ФЗ [Эл. рес.]. – Реж. дост.: URL: <http://base.garant.ru>

⁵⁷ Россия 2014: статистический справочник / Росстат. – М., 2014. – С. 7.

⁵⁸ Там же.

профсоюзов регулируется федеральным законодательством. Другие профессиональные организации, прежде всего творческие союзы, видят свою задачу в консолидации представителей своего «цеха», поднятии престижа профессии, установлении контактов с коллегами за рубежом. Почти все они имеют региональные организации или отделения.

Заметную роль играют организации ветеранов войны и труда, их родственников и потомков, ветеранов Афганистана и локальных конфликтов, ветеранов правоохранительных органов, спецслужб. Созданы организации пенсионеров – жителей тех или иных регионов, а также ветеранов (пенсионеров), которые были ранее заняты в конкретных отраслях экономики, например на железнодорожном транспорте или на отдельных предприятиях. Большой активностью среди институтов гражданского общества отличаются *организации инвалидов*. Они объединяют миллионы людей, имея разветвлённую структуру, которая охватывает практически всю страну – вплоть до малых городов и поселков. Активными представителями третьего сектора выступают *женские организации*. Есть многочисленные союзы помощи семьям, немало центров по изучению гендерных проблем. В последние годы произошла определенная стабилизация числа *молодежных организаций*, наметились новые тенденции в этой сфере.

Наряду с многочисленными зарегистрированными организациями, в которых по преимуществу действует принцип фиксированного заявительного членства, увеличилось количество движений, принцип работы которых заключается в проведении массовых акций без выдачи участникам членских билетов. Свою работу в этой сфере ведут и политические партии, самые крупные из них создали собственные молодёжные объединения.

Важным элементом гражданского общества являются *религиозные объединения*. Их численность в РФ в период с 2008 по 2014 год выросла с 22 866 до 25 541 единицы, или на 11,7%⁵⁹. Заметную силу российского общества представляют экологические организации. Они возникли еще в СССР в 1956 году в виде «дружин охраны природы». Позднее, в конце 80-х – начале 90-х годов, тема защиты окружающей среды стала чрезвычайно актуальной, к ней было привлечено внимание общественности. Тогда действовало около тысячи организаций экологической направленности.

---

⁵⁹ Число религиозных организаций [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 14.11.2014).

Еще один сегмент гражданского общества России – исключительно разнообразные и активные спортивные и досуговые объединения. Крупнейшие организации смогли сохраниться, серьезно изменившись с советских времен. Повсеместно действуют кружки и клубы, спортивные общества, оборонные спортивно-технические организации, самые крупные из которых имеют разветвленную систему филиалов.

Гражданское общество начинает выстраивать отношения с соотечественниками за рубежом. Взаимодействие с диаспорами рассматривается как вопрос интеграции людей разной этнической принадлежности в российское общество. Речь идёт и о российских диаспорах за пределами нашей страны, и о многочисленных диаспорах, которые сформировались в Российской Федерации и нередко чувствуют себя изолированными от общества. Необходимо создать атмосферу уважения к людям из других государств, в т.ч. стран СНГ, живущим на территории нашей страны.

Тем не менее активность граждан, уровень их вовлечённости в деятельность НКО оставляет желать лучшего. И в практическом, и в теоретическом плане встает вопрос активизации гражданских институтов, поиска средств, с помощью которых можно в разъединённом обществе поднять уровень социальной солидарности.

Коллективная жизнь общества очень сложна и многогранна, чтобы ее мог выражать один-единственный орган – государство. Оно слишком удалено от индивидов, чтобы иметь возможность глубоко проникать в их интересы и консолидировать. Вот почему там, где между государством и гражданским обществом нет своего рода буфера, общество превращается в совокупность атомизированных индивидов, мало связанных друг с другом и вовсе отчуждённых от общегосударственных интересов. Общество может нормально функционировать лишь в том случае, если между государством и отдельными лицами образуется ряд промежуточных групп в качестве противовеса как государственному деспотизму, так и индивидуализму.

Эти группы получили название групп интересов. Группы интересов, а также созданные на их основе организации предоставляют отдельной личности возможность для реализации её способностей. Эти организации отражают разнообразие экономических, этнических, религиозных, региональных, демографических, профессиональных и иных интересов людей. Общественные союзы, ассоциации и объединения создаются по инициативе граждан с целью выражения и защиты интересов определённых социальных и профессиональных групп; достижения значимых для общества изменений; для раскрытия потенциала каждой личности.

1.2. Современная критика концепций гражданского общества

Концепция гражданского общества по-прежнему вызывает много споров среди исследователей политической теории и истории идей, социологов и антропологов. Гражданское общество, возможно, одно из наиболее трудноуловимых понятий, используемых в современных социальных, политических науках, в истории, философии и правоведении и в дискурсе о развитии и модернизации. Хотя термин «гражданское общество» хорошо известен, значение его остается неясным и неопределённым. Как образно выразился Ю. Кока, смысл концепции постоянно выскальзывает из рук подобно пудингу, который хотят приколотить гвоздями к стене⁶⁰. Вопросы множатся вместе с лавинообразным увеличением теоретической литературы, посвященной данному предмету.

Основные направления критики. Критика концепций гражданского общества идет по нескольким направлениям. Во-первых, некоторые критикуют и даже отвергают этот термин, как безнадежно неясный, плохо проработанный, негодный для операционализации, эмпирического описания и проверки.

Во-вторых, критические голоса ставят под сомнение нормативное и аналитическое содержание концепции гражданского общества из-за ее ощущаемого «прозападного» характера. Ее отрицают также за идеологический багаж, импортированный из либеральной концепции гражданского общества, которая исторически была определена именно в оппозиции к государству современного мира.

В-третьих, критики выражают гораздо более важные сомнения по поводу способности термина схватывать многообразные реалии современного мира.

Теоретическая неясность, многозначность и противоречивость понятия. Первое направление критики концепции гражданского общества, рассматриваемое здесь, утверждает, что понятие не работает вследствие своей многосмысленности и нечёткости.

Для одних эта нечёткость следует из плохой описанности феномена и недостаточной теоретической проработанности понятия, другие полагают, что эта нечёткость проистекает как раз из долгой истории, а не из относительной молодости вновь предложенной кон-

---

⁶⁰ Кока Ю. Европейское гражданское общество: исторические корни и современные перспективы на Востоке и Западе // Неприкосновенный запас. – 2003. – № 3 (28).

цепции. Гражданское общество – это и старый, и новый концепт и, следовательно, несет с собой значительный концептуальный и идеологический багаж.

Историческая эволюция понятия, накопленная пестрота теоретических подходов. На протяжении большей части своей истории понятие гражданского общества было ограничено сферами политической теории и философии. Развивалось оно в рамках различных философских традиций, которые отличались довольно сильно в своих определениях понятия и его границ. Богатство истории гражданского общества и то, что она сейчас снова приобрела новое содержание, таким образом, представляет собой постоянную проблему для любой попытки определить термин точно. Это заставляет комментаторов сетовать на концептуальную путаницу вокруг термина и ставить под сомнение его полезность для современного общественно-политического анализа.

Термин вновь возник из относительной безвестности в конце 1970-х. Признание того, что нынешнее возрождение идеи гражданского общества, начавшееся в 80-х годах XX в., в решающей мере обусловлено происходившей в то время борьбой с коммунистическими режимами в Центральной и Восточной Европе, стало общим местом многих работ по гражданскому обществу⁶¹.

Фраза «гражданское общество» вернулась в оборот в конце 1980-х годов благодаря восточно-европейским диссидентам, использовавшим ее для описания институтов, которые эти деятели хотели бы создать для противостояния коммунистическому доминированию в их странах. Наиболее известной структурой такого типа стал польский профсоюз «Солидарность». «Будучи знаменем оппозиции между 1987 и 1989 годами, термин после падения коммунистического режима стал средством легитимизации новой власти»⁶².

Термин «гражданское общество» был подхвачен западными либералами, поскольку давал им шанс показать способность соединить защиту индивидуальной свободы с сильной верой в ценность ассоциаций и сообщества.

---

⁶¹ См., например: Taylor C. Modes of Civil Society, in *Public Culture*. – 1990. – Vol. 3. – No. 1. – P. 95-96; Seligman A. The Fragile Ethical Vision of Civil Society, in *Citizenship and Social Theory*, ed. B.S. Turner. L.: Sage Publications, 1993. – P. 139; Kumar K. Civil Society: An Inquiry into the Usefulness of an Historical Term // *British Journal of Sociology*. – 1993. – Vol. 44. – No. 3. – Pp. 375-376 и др.

⁶² Seligman A. *The Idea of Civil Society*. – The Free Press, 1992. – P. 7.

В течение десятилетий, следующих за событиями 1989 года в Центральной и Восточной Европе, и на фоне процессов демократизации в других частях мира гражданское общество стало важным концептом в социальных науках⁶³.

Как отметил Эрнест Геллнер, в это время одна из основательно подзабытых дефиниций политической науки вдруг обрела на востоке Европы вторую жизнь в виде лозунга, подхваченного массами, никогда не читавшими политико-философских трактатов. «Прежде понятие гражданского общества занимало разве что историков философии, интересующихся, например, Локком или Гегелем. Оно не вызывало широкого резонанса, не будило живого отклика. Наоборот, казалось, что понятие это покрыто пылью. И вдруг его извлекли почти что из небытия, очистили и превратили в сияющую, надраенную до блеска эмблему».

«В таком внезапном превращении, – подчёркивал Геллнер, – нет никакой особенной тайны. Просто состояние общества, определяемое этим понятием, приобрело сегодня необыкновенную ценность, наполнилось актуальным политическим содержанием... Пыльный термин, извлечённый из закровов политической теории, из старых, невнятных, давно и справедливо забытых диспутов, вдруг возродился, зазвучал, наполнился новым смыслом, способным вызывать энтузиазм и стимулировать действие»⁶⁴.

По мысли Геллнера, предпосылкой реанимации концепта послужил крах марксизма – и в его официальной, советской, и в его «гуманизированной» неомарксистской версии. «В такой ситуации понадобился новый идеал или, по крайней мере, новый лозунг, который можно было бы противопоставить всем прежним. Этот лозунг – довольно естественно – и был найден в идее гражданского общества, то есть институционального и идеологического плюрализма, препятствующего установлению монополии власти и истины и уравнивающего центральные институты, которые, будучи необходимыми, вместе с тем заключают в себе опасность создания такой монополии»⁶⁵.

---

⁶³ Anheier, Helmut K. *Civil society: measurement, evaluation, policy*. – London: Earthscan, 2004; Anheier, Helmut K., Toepler, Stefan (eds.) *International Encyclopedia of Civil Society*. – New York: Springer Reference, 2010; Коэн Дж.Л., Арато Э. *Гражданское общество и политическая теория*. – М., 2003; Кин Дж. *Демократия и гражданское общество*. – Прогресс-Традиция, 2001.

⁶⁴ Геллнер Э. *Условия свободы*. – М.: Ad Marginem, 1995. – С. 9, 13-14.

⁶⁵ Там же. – С. 12.

Многие исследователи провели реконструкцию развития концепции⁶⁶. Одна из наиболее детальных и убедительных попыток анализа истории идеи, развитой выдающимися политическими мыслителями XVII века, принадлежит Адаму Селигмену⁶⁷.

Историческая траектория развития концепции гражданского общества показывает, как его значение изменялось со временем, получая совершенно разные и даже противоречивые коннотации в разных теоретических традициях и исторических контекстах. Многообразные трактовки концепции были встроены в своеобразные исторические события, происходившие в Европе и Америке на протяжении столетий.

В один момент времени (например, для Монтескье и Локка) гражданское общество являлось синонимом «политического общества», фактически приравнивалось к государству, а в другой – стало термином для сферы, отдельной от государства, и использовалось для обозначения более конкретных экономических и политических институтов и практик (Гегель, Грамши). Аналогично в один период оно приравнивалось к рыночной экономике и даже царству буржуазии, включающему рынок и частные ассоциации (Маркс), но позже резко отделилось от неё. Итальянский марксист Антонио Грамши переформулировал понятие гражданского общества, определив его как зону соперничества, где господствующие силы (классы) борются за социальное господство. Позиция неограмшианцев, популярная сегодня, рассматривает его как нечто, не являющееся ни государством, ни рынком, ни партийной политикой.

Значительная часть сегодняшней путаницы со значениями гражданского общества исходит от современных учёных, ссылающихся на аргументы великих политических теоретиков. Однако остатки прошлых смыслов до сих пор в игре.

Анализ истоков концепции, осуществлённый Селигменом, привел его к пессимистическому сомнению насчет полезности концепции гражданского общества для истолкования событий в Восточной Европе, несмотря на широко распространившееся искушение рассматривать их

---

⁶⁶ См., например: Ehrenberg J. *Civil Society: The Critical History of an Idea*. – New York: New York University Press, 1999; Остроумов С.В. *История идеи гражданского общества в англо-американской либеральной политической традиции*. – Монреаль: Accent Graphics Communications, 2013; Кравченко И.И. *Концепция гражданского общества в философском развитии // Полис (Политические исследования)*. – 1991. – № 5. – С. 128-138; Гаджиев К.С. *Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования // Вопросы философии*. – 1991. – № 7. – С. 30-36.

⁶⁷ Seligman A. *The Idea of Civil Society*. – The Free Press, 1992.

в качестве исторической реконструкции появления в Западной Европе XVII века автономной, саморегулирующейся области, независимой от государства.

Селигмен полагает, что «как ни привлекательна идея гражданского общества в качестве политического лозунга, мы должны выразить серьезные сомнения по поводу ее эффективности в качестве конкретной модели для социальной и политической практики»⁶⁸.

Критики неоднократно указывали в ответ, что именно поэтому бессмысленно пытаться уложить сегодняшнее гражданское общество в концептуальные рамки старых теорий, а надо изучить современную практику бытования и использования данной концепции (и феномен, который она, как кажется, отражает) в современных условиях. По словам Э. Геллнера, «лучше опустить его (понятие гражданского общества) на землю, придав ему конкретное социологическое звучание – институциональный плюрализм такого-то и такого-то рода, – чем пытаться восстановить его смысл, обращаясь к туманным суждениям породившей его традиции»⁶⁹.

Таким образом, разные генеалогии значений понятия гражданского общества отчасти объясняют, почему была и существует теоретическая неоднозначность и сложность в его использовании и применении. Но эти трактовки мало нам помогают, когда мы пытаемся определить сегодняшнее гражданское общество. Мы лишь должны констатировать, что то, что было довольно неясным термином, возникшим в XVII веке, концепцией, которой интересовались историки и политические философы, стало центральным термином в современном социологическом и политологическом дискурсе.

Б. Капустин ставит эту дилемму предельно заострённо: «Ставка должна быть ясна: либо теория гражданского общества находит ответы на эти вопросы – и тогда она обретает второе дыхание не только интеллектуальной, но и политической жизни, либо она перестает быть теорией и становится путеводителем по музею истории концепций гражданского общества»⁷⁰.

Основная проблема – это объяснить, что гражданское общество на самом деле означает в его современном облике.

---

⁶⁸ Seligman A. The Idea of Civil Society. – The Free Press, 1992. – P. 168.

⁶⁹ Геллнер Э. Условия свободы. – М.: Ad Marginem, 1995. – С. 73.

⁷⁰ Капустин Б.Г. Критика политической философии: Избранные эссе. – М.: Территория будущего, 2010. – С. 42.

Что может подсказать нам направление поиска? Может быть, указав на причину стремительного взлета популярности концепции, мы поймем, куда двигаться?

А. Селигмен напоминает нам: «Так же, как и сегодня, появление идеи гражданского общества в конце семнадцатого века стало результатом кризиса социального порядка и слома существующих парадигм идеи порядка»⁷¹.

Задавая вопрос, почему вообще интерес к понятию то исчезает, то возрождается, Б. Капустин вслед за А. Селигменом подмечает, что наиболее мощные явления гражданского общества происходят там и тогда, где и когда имеют место глубокие общественные кризисы. «Почему оно становится “ненужным” в периоды спокойствия, когда всё, что нынешняя конвенциональная теория гражданского общества считает его ключевыми условиями и предпосылками, напротив, имеется в наличии?»⁷²

Капустин выдвигает гипотезу, что гражданское общество оказывается не постоянным структурным компонентом современного общества, а «возникающей и исчезающей характеристикой способа его деятельного самопреобразования (изменения некоторых институтов, процедур, норм, существенных на определённой стадии его развития). Гражданское общество может возникать для решения проблем, с которыми современное общество сталкивается. Но может и не возникнуть, даже когда нужда в нем велика, или не сумеет решить задачи, вызвавшие его к жизни»⁷³.

Таким образом, знание и перипетий истории понятия, и обстоятельств его появления вновь на политической сцене указывает лишь на многообразие толкований и проявлений, а содержание понятия все еще остается неуловимым. Выражением этой неуловимости становится чрезвычайно широкий разброс определений, критериев и признаков, которые пытаются ухватить различные авторы.

Что такое гражданское общество? Это сфера общества, его специфическая часть? Это характеристика (свойство) общества или стадия его развития? Можно ли говорить о «качестве» или «развитости» гражданского общества? Это тип института? Реальная практика? Нормативные условия? Кто включается в него, а кто – нет? Каковы критерии для оценки гражданского общества в данной стране, каковы его роль

---

⁷¹ Seligman A. The Idea of Civil Society. – The Free Press, 1992. – P. 15.

⁷² Капустин Б.Г. Критика политической философии: Избранные эссе. – М., 2010. – С. 33.

⁷³ Капустин Б.Г. Указ. соч. – С. 36.

и функции? Абсолютное благо или нейтральный термин? Политический лозунг? Политический миф? Метафора надежды на лучший мир? В практическом смысле открывает ли понятие как исследовательский инструмент больше, чем затемняет в мировой и российской социально-политической жизни? Наконец, должны ли мы отказаться от этой концепции и можно ли применять ее для анализа социально-политической реальности?

По всем этим вопросам у исследователей нет однозначного и тем более единого мнения. Простая линейная группировка неких «признаков» гражданского общества в пределе приводит вообще к потере всякой определённости понятия и абсурду, поскольку содержит нереалистические претензии идеально-типического плана буквально ко всем аспектам общества в качестве предпосылок признания его «гражданским»⁷⁴.

На данном этапе развития теории можно лишь зафиксировать попытки сгруппировать определения и подвести под них какой-либо «общий знаменатель».

По мнению Лоренса Хэмилтона⁷⁵, есть четыре различные аналитические модели в рамках концепции «гражданского общества», используемые в современной политической и социальной теории.

1. «Гражданское общество» используется для описания институтов и форм взаимодействия, появившихся в тех обществах, которые характеризуются рыночными отношениями и капитализмом; и его предполагаемое существование является основным показателем достижения обществом такого уровня развития, когда люди относятся друг к другу «цивилизованно».

2. Двухчастная модель, в которой «гражданское общество» включает в себя все аспекты жизни общества (институты, отношения, практики), не охватываемые государством: пара государство – общество.

3. «Гражданское общество» воплощает в себе всё между государством и семьёй в рамках трехчастной модели, в которой «экономика», то есть рынки и связанные с ними институты и практики, является важной частью «гражданского общества».

4. И наконец, «гражданское общество» является альтернативной, критической ареной между экономикой и государством в рамках трех-

---

⁷⁴ Чевозерова Г.В. Средства массовой информации как фактор формирования гражданского общества в России : дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – М., 2007.

⁷⁵ Hamilton L. Civil Society: Critique and Alternative in Global Civil Society and Its Limits. – London: Palgrave, 2003. – P. 64-65.

частной модели, которая (очевидно) исключает экономику из «гражданского общества».

Майкл Эдвардс выделил три различные теоретические позиции, каждую из которых он считает полезной и оправданной, но неполной⁷⁶.

Во-первых, *аналитические* модели гражданского общества (формы ассоциативной жизни); во-вторых, *нормативные* модели гражданского общества (вид общества, который они предполагают, или идеал «хорошего общества»); и, в-третьих, гражданское общество как «*публичная сфера*».

Первая из этих моделей видит гражданское общество как часть общества, отличную от государств и рынков, сформированную для целей продвижения общих интересов и содействия коллективным действиям. Гражданское общество в этом смысле чаще всего обозначается как «*третий сектор*», включающий все объединения и сети в пространстве между семьей и государством, за исключением фирм. Тем не менее нет никаких предположений, что эти различные формы ассоциативной жизни имеют общий нормативный консенсус или общую политическую повестку.

Вторая группа теорий определяет гражданское общество в *нормативных* терминах – через позитивные установки и ценности, такие как сотрудничество, доверие, терпимость и ненасилие. В этом смысле гражданское общество означает тип общества, который мотивируется иным способом бытия и жизни в мире или иной рациональностью, идентифицированной как «гражданская».

Третья группа видит гражданское общество как арену для общественного обсуждения, рационального диалога и осуществления «активной гражданской позиции» в погоне за общим интересом, – иными словами, как «*публичную сферу*».

Каждая из групп моделей неполна. Концепции «хорошего общества» указывают на нормативную цель, однако не отвечают на вопрос о том, как она может быть достигнута, активная ассоциативная жизнь порождает различные представления об идеалах и средствах их достижения.

Эдвардс предполагает, что элементы каждой группы могут быть объединены во взаимодополняющую теоретическую схему, которая усиливает полезность гражданского общества и как идеи, и как основы для действий.

---

⁷⁶ Edwards M. Civil Society. – Cambridge: Polity Press, 2004. – P. 7.

Но, во-первых, саму связь между названными элементами еще нужно эмпирически показать, а, во-вторых, каждый из этих элементов является скорее постулируемым лозунгом, выдающим желаемое за действительное, чем констатацией реального состояния вещей.

Еще одну интересную попытку объединить разнородные характеристики гражданского общества делает Э. Шиллз, выделяющий три основные составляющие гражданского общества. Во-первых, это часть общества, состоящая из набора автономных *институтов*, которые отличны от семьи, класса, конкретного местонахождения и государства. Во-вторых, это часть общества, поддерживающая специфический комплекс *отношений* между собой и государством, обладающая механизмами, которые гарантируют разделение государства и гражданского общества, а также поддерживающая эффективные связи между ними. В-третьих, это широко распространённый *паттерн* рафинированных и цивилизованных *нравов*⁷⁷.

Мы видим, что сами попытки группировки не являются универсальными и общепринятыми.

Множество определений, очевидно, связано и с многообразием феноменов, относимых к сфере гражданского общества разными авторами. В этом смысле неопределённость – следствие крайней разнородности акторов гражданского общества и размещения гражданского общества на перекрестье сфер влияния государства, рынка и семьи. Наиболее очевидная проблема, связанная со всем этим, – вопрос о том, какие акторы и организации считаются частью гражданского общества.

Не разбирая специально дискуссию об элементах и частях гражданского общества, отметим лишь основные ветви полемики и критики.

Во-первых, это разногласия по поводу включения в состав гражданского общества объединений семейного и кланового типа, религиозных организаций, бизнес-объединений и политических партий.

Во-вторых, как правило, термин служит своего рода всеобъемлющим зонтичным понятием для неправительственных организаций (НПО) и социальных движений всех форм и масштабов. Основная проблема здесь, как представляется, – это найти согласие в том, что именно подразумевает слово «неправительственные» (или, еще труднее, «негосударственные»). Некоторые формальные определения прямо исключают только действующее государство и его аппарат,

---

⁷⁷ Shills E. The Virtue of Civil Society // Government and Opposition 26 (1):3-20. – 1991. – P. 4.

но большинство из определений также исключают организации, созданные государством и даже финансируемые государством. Понятно, что таким образом исключается любая организация, получившая поддержку от государства в любом виде. Но, с другой стороны, даже инициированные и контролируемые государством организации (такие как «Наши», «Общероссийский народный фронт» и др.) выражают запросы гражданского общества.

В-третьих, надо отметить оспариваемые попытки выделить необходимые признаки организаций, достойных включения в состав гражданского общества. Часть авторов относит к гражданскому обществу только добровольные, но не обязательные, или только стремящиеся к западному идеалу демократии, или только демократические по своему внутреннему устройству, или только проявляющие терпимость к другим организациям и группам⁷⁸, другие отрицают эти критерии⁷⁹.

Б. Капустин же подчеркивает, что многие организации, относимые чаще к гражданскому обществу, такие как религиозные организации, например, в своей внутренней практике не являются ни демократическими, ни свободными⁸⁰.

В целом, радикально критикуя дискриптивный подход, Б. Капустин отрицает попытки инвентаризировать «правильные» формы ассоциативной жизни: «В условиях современности практика, называемая “гражданским обществом”, осуществлялась в самых разных организационных формах, зависящих от обстоятельств “места и времени”, – от городских собраний периода Американской революции, воспетых Ханной Арендт, до гандистского движения сатьяграхи, “народных фронтов” Центральной и Восточной Европы, участвовавших в демонтаже коммунизма, и движения анти- или альтерглобализма. Нет и не может быть единого организационного шаблона, по которому строится “правильное” гражданское общество. Популярное ныне сведение гражданского общества к совокупности (или сети) неправительственных и некоммерческих организаций есть лишь либеральное выражение глобального упадка гражданского общества и его неспособности осуществлять...определяющую его функцию».

---

⁷⁸ Ховард М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. – М.: Аспект-Пресс, 2009. – С. 56.

⁷⁹ Ottaway M. Civil Society, in Burnell P. & Randall V. (eds) Politics in the developing world. – 2005. – Pp. 148-150.

⁸⁰ Капустин Б.Г. Критика политической философии: Избранные эссе. – М., 2010. – С. 29-30.

Еще одной темой для полемики и споров является соотношение гражданского общества и государства, а именно оспариваемое критиками негативное определение: гражданское общество – это всё, что не государство, администрация, власть, это «неполитическое» общество.

Прежде всего отмечается, что эту границу трудно, почти невозможно провести эмпирически, поскольку организации, относимые к гражданскому обществу, не бросают систематического вызова государству «снизу», но образуют горизонтальную сеть конфликтно-кооперационных взаимодействий с ним, а с другой стороны, попытки реализации идеи государства всеобщего благосостояния способствовали глубокому проникновению государственных структур в ткань общества. Таким образом, дихотомия «государство/гражданское общество» представляется все более упрощенной и неточной.

Попытка разграничить и противопоставить государство и гражданское общество все чаще подвергается критике с позиций концепции власти и «говернментализма»⁸¹ М. Фуко.

Описанный Фуко исторический переход понимается им не с точки зрения снижения использования насилия при отправлении власти и соответствующего возрастания согласия, но с точки зрения сложного процесса «говернментализации», который подразумевает возникновение и развитие новых технологий власти, нацеленных на индивидов и население. Этот переход выражает не сдвиг от «государства» к «гражданскому обществу», но скорее огосударствление властных отношений. В понимании Фуко происходит переход от чисто репрессивного типа власти абсолютного государства к «пасторальной власти», дисциплинированию, паноптизму, т.е. к всеобщей поднадзорности, разлитой во всем обществе. И фокус на дихотомии сменяется акцентом на говернментализации властных отношений, которая трансформирует политический конфликт и борьбу посредством введения новых форм социальной связности.

Не отрицая важности критики дихотомии «гражданское общество/государство», ряд авторов в своем анализе выходят за рамки этой простой дихотомии. Они исследуют сложность институтов, которые опосре-

---

⁸¹ Введенный Фуко термин «la gouvernementalite» переводится на русский язык по-разному – и как «правительственность», «устройство управления», «управление» и даже «управлениетет». Мы предпочитаем использовать англоязычный вариант «governmentality», поскольку именно в англоязычной литературе концепция нашла наиболее широкое применение.

дуют связи между «Я» и обществом, и социальные отношения, которые лежат в основе функционирования и государств, и рынков. Можно сказать, что они выступают за более широкое и инклюзивное использование термина «гражданское общество», в котором оно определяется не негативно, через оппозицию к государству, а положительно – в контексте идей и практик, через которые сотрудничество и доверие устанавливаются в общественной жизни⁸².

Ряд исследователей указывают на **изолированное применение концепции вне отношений с другими важными понятиями и теоретическими концептами.**

Например, Н. Проскурякова отмечает: «Являясь теоретической конструкцией второго порядка, “гражданское общество” в своей интерпретации напрямую зависит от методологических воззрений исследователя на проблему определения такого фундаментального понятия, как “общество”. На базе различных трактовок данного концепта вырастают дискуссии об основных элементах “гражданского общества” – индивидах, институтах, общественных отношениях, практиках и сознании, а также различные подходы к рассмотрению дихотомии “гражданское общество–государство”. Плюрализм точек зрения относительно базовых онтологических постулатов влечет за собой значительную дифференциацию исследовательских подходов к интересующей нас проблематике»⁸³.

Это позволяет исследователям достаточно вольно обращаться с различными определениями термина «общество», что не добавляет концептуальной ясности. Так, И.М. Дзялошинский считает понятия «гражданское общество», «открытое общество», «информационное общество» практически синонимами⁸⁴.

Исследователи отмечают также недостаточную ясность в соотношении понятий «гражданское общество» и «социальный капитал» – другой популярной сегодня концепции. Например, Люсен Пай считает социальный капитал, гражданское общество и civility) тремя строительными блоками демократической теории, где правила civility) обеспечивают социальный порядок, социальный капитал поощряет доверие и создает возможность коллективных действий, а состоящее из таких автономных групп интересов гражданское общество способно

---

⁸² Hann C., Dunn E. Civil Society: challenging western models. – London: Routledge, 1996. – Pp. 19-20.

⁸³ Проскурякова Н.А. Концепт «гражданское общество» и историки. – М.: ИД ВШЭ, 2012.

⁸⁴ Дзялошинский И.М. Гражданское общество в России: настоящее смутно, будущее туманно // Аналитика. – 2009. – № 2. – С. 3.

оказывать давление на государство⁸⁵. Но не все уверены, что развитый социальный капитал является предпосылкой гражданского общества, другие связывают гражданское общество только с организованным социальным капиталом, а третьи утверждают, что социальный капитал совсем не обязательно ведет к гражданскому обществу, указывая на организации типа Ку-Клукс-Клана и мафии⁸⁶.

Остаётся до конца неясным соотношение понятий с уже устоявшимися концепциями, такими как «гражданская культура», «группы интересов», социальное и политическое участие и др.

Многими авторами **оспаривается универсальная применимость концепта гражданского общества**, в частности, для незападных или, иначе, развивающихся стран. Они подчеркивают имманентное игнорирование **многовариантности исторического развития и конкретной специфики стран и культур**, к которым применяется концепция гражданского общества

Интеллектуальная и философская история концепции гражданского общества принадлежит в своей большей части Западу, в основном Европе. Следовательно, не удивительно, что гражданское общество было связано, в разных формах и степенях, с общей западной утопией, а именно с образом демократии в Афинах Перикла. Либеральная (шотландское Просвещение), а также гегелевско-марксистская традиции трактовки гражданского общества, хотя и отличаются в подходе и акцентах, точно отталкиваются от этого наследия.

Критиками «западоцентризма» утверждается, в частности, что применение концепции «гражданского общества» к мировому «Югу» неизбежно проблематично, потому что она является частью универсального языка, исходящего с Запада, который пытается описать вселенную, которая является по своей сути специфической⁸⁷.

С одной стороны, эта концепция даёт язык, на котором может быть сформулирован и обсуждён вопрос о том, как формировать социальную основу для новой политической власти, с другой – она содержит гегемонистское влияние западной мысли.

---

⁸⁵ Pye L. Civility, Social Capital, and Civil Society: Three Powerful Concepts for Explaining Asia // Journal of Interdisciplinary History. – 1999. – No. 4. – Vol. 29. – P. 764.

⁸⁶ Fukuyama F. Social capital, civil society and development // Third World Quarterly, 22:1. – 2001. – P. 14; Ховард М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. – М.: Аспект-Пресс, 2009. – С. 56.

⁸⁷ Kaviraj S. In Search of Civil Society, in Civil Society: History and Possibilities. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – Pp. 287-323.

Критики часто проводят различие между *универсалистским* пониманием гражданского общества (сторонники которого придерживаются относительно «жёсткого», аналитического определения гражданского общества и считают, что это определение полезно применять для всех) и *релятивистским*, сторонники которого признают, что разные общества организуют свою социальную и политическую жизнь с точки зрения различных, часто несоизмеримых идеалов и отрицают западную модель как наилучшую. Сторонники релятивизма склонны рассматривать термин «гражданское общество», как и другие термины, такие как «рыночная экономика» и «верховенство закона», как более или менее эффективные мифы. Ряд исследователей, стремясь избежать крайностей, предлагают синтетическую версию, которая состоит в требовании видеть в незападных обществах те элементы социального поведения и устремлений, которые *напоминают* паттерны в других обществах, в том числе ключевые элементы современных западных обществ, не отказываясь при этом от термина «гражданское общество», поскольку он в настоящее время широко используется в реальном мире. Решающим моментом здесь является то, что «гражданское общество» в жёстком, аналитическом смысле универсалистов не является уникальным продуктом Запада: другие общества будто бы развивали важные элементы его и до, и после воздействия европейского Просвещения.

В этом понимании увязка гражданского общества с неправительственными организациями в контексте дерегулирования рынка и все более глобализирующейся экономики конца XX – начала XXI века является всего лишь одним из специфических случаев⁸⁸.

Критики концепции гражданского общества как отражающей конкретный феномен западной цивилизации, а именно формы существования буржуазного (рыночного и демократического) общества в ряде случаев расширяют противопоставление западных и незападных обществ и подчёркивают идеологизированность и политизированность концепции гражданского общества в целом.

В этом аспекте подходы, имеющиеся в литературе по гражданскому обществу, можно разделить на «общепринятую точку зрения» – доминирующий дискурс и на альтернативные точки зрения, которые включают феминистскую, марксистскую и националистическую точки зрения и критику гражданского общества как «либерального проекта».

---

⁸⁸ Hann C., Dunn E. *Civil Society: challenging western models*. – London: Routledge, 1996. – Pp. 17-18.

«Значимые тезисы, связанные с понятием [гражданского общества], кажется, были получены не из корпуса эмпирических данных и хорошо построенной теории, но из набора неолиберальных патентованных средств, включенных в аргумент как предположения, а затем с гордостью представленных как валидные выводы. Таким образом, гражданское общество является частью “либерального проекта”»⁸⁹.

Критика эта, сама не чуждая политизированности и идеологизированности, может выходить далеко за рамки академической полемики. Так, А. Дугин, высказываясь о гражданском обществе, отмечает: «Гражданское общество – опасная русофобская химера. Рассуждая о национальной политике в России и т.н. «конституционном патриотизме», нужно помнить, что гражданского общества как явления у нас не существует и более того, не может существовать по историческим причинам. Гражданского общества в России не может быть даже в теории, поскольку гражданское общество – это социально-политический продукт развития западно-европейской романо-германской цивилизации, двигавшейся по совершенно иной логике»⁹⁰.

Идеологизированность и политизированность, нормативистский характер концепции – еще одно направление споров и критики.

Идея гражданского общества всегда была предметом нормативного теоретизирования. От мыслителей шотландского Просвещения через теорию культурной гегемонии Грамши до возрождения этого термина диссидентами Восточной Европы в 1980-е годы гражданское общество всегда рассматривалось в контексте воображаемого нормативного идеального типа общества.

Сложность концепции, отмечает Дж. Холл, наиболее заметна в том, что она подразумевает в одно и то же время и набор социальных ценностей, и набор социальных институтов⁹¹. Критика, таким образом, состоит в том, что гражданское общество есть не более чем благое пожелание, описание идеала «хорошего общества» и пример выдачи желаемого за действительное, а не аналитический инструмент.

---

⁸⁹ Allen C. Who Needs Civil Society? Review of African Political Economy. – 1997. – V. 73. – P. 336.

⁹⁰ Дугин А.Г. Проект «Гражданское общество» как угроза российской самобытности. Из интервью лидера ОПОД «Евразия» философа А. Дугина «Русскому журналу» [Эл. рес.]. – Реж. дост.: http://www.patriotica.ru/actual/dugin_go.html.

⁹¹ См.: Hall J. In Search of Civil Society in Civil Society: Theory, History, Comparison ed. J.A. Hall. – Cambridge: Polity Press, 1995. – Pp. 2-3, 6.

Представление о гражданском обществе как выражающем «общее благо» критикует с очевидно левых, грамшианских позиций Б. Капустин: «Общее благо, во имя которого конституируется и действует гражданское общество, не является чем-то самоочевидным и открываемым “естественным разумом” человека, как полагали теоретики естественного права...общее благо постоянно превращается в предмет полемики и конфликтов. Из этого следует, что общее благо, отстаиваемое гражданским обществом, есть *его* нравственно-политический проект, который не является универсальным и “общезначимым”»⁹².

Однако такое нормативное понимание было подхвачено политиками и вело к усилиям по «созданию» гражданского общества, где оно рассматривается как «отсутствующее», и по укреплению гражданского общества там, где оно считается «слабым». Б. Эдвардс, М. Фоули и М. Диани отмечают, что «сильное и активное гражданское общество, характеризующееся социальной инфраструктурой плотных сетей отношений лицом к лицу, которые пересекают существующие социальные разделения, такие как раса, этническая принадлежность, класс, сексуальная ориентация и гендер, которое станет основой сильного и подотчётного демократического правительства, рассматривается в качестве желательной политической цели»⁹³.

На самом же деле этот либеральный проект «сталкивается с альтернативными проектами других сил и утверждает себя в качестве общего блага в результате их вытеснения или кооптации. Вполне возможно поэтому говорить о разных типах гражданского общества, у которых имеются разные проекты, и только такой конкретно-социологический анализ может раскрыть политико-социологическую реальность»⁹⁴.

Будучи нормативной концепцией, идеологически нагруженной либеральным багажом, гражданское общество легко превращается в пропагандистское орудие, лозунг, инструмент политического влияния. Критики настаивают на строгом различении нормативных и аналитических подходов к гражданскому обществу, имея в виду, что только последние могут представлять научное значение.

---

⁹² Капустин Б.Г. Критика политической философии: Избранные эссе. – М., 2010. – С. 37.

⁹³ *Beyond Tocqueville: Civil Society and the Social Capital Debate in Comparative Perspective* // В. Edwards, М. Foley, М. Diani [eds.]. – Hanover: Tufts University-University Press of New England, 2001. – P. 17.

⁹⁴ Капустин Б.Г. Указ. соч.

Некритичное использование концепции, рассмотрение ее как панацеи от всех проблем социально-политического и экономического развития также вызывает возражения.

Например, А. Нортон полагал, что нет связи между гражданским обществом и демократией, общества не принимают две таблетки гражданского общества на ночь, чтобы проснуться демократическими на утро⁹⁵.

Л. Шевцова указала на возможность построения демократии и эффективной экономики без наличия гражданского общества, и на то, что наличие гражданского общества не обязательно коррелирует с высоким уровнем экономического развития страны.

«Я смотрю на страны, где не было гражданского общества и сейчас его присутствие сомнительно, где произошла демократия. И что вижу... Япония пришла к демократии без гражданского общества. В Тайване не было гражданского общества, а в Южной Корее до сих пор спорят, есть ли у них гражданское общество. Рынок и гражданское общество – корреляция вообще сумасшедшая. А почему гражданское общество в Индии в самых бедных штатах такое, что ему завидуют в США?»⁹⁶

Ряд исследователей обращают внимание на то, что взгляд на гражданское общество как всеобщее благо упускает из виду **потенциально разрушительные, дисфункциональные стороны гражданского общества.**

Показательной в этом отношении является статья американской исследовательницы Шери Берман «Гражданское общество и коллапс Веймарской республики», в которой та показывает, как из насыщенной ассоциативной жизни в межвоенной Германии путем кооптации и инфильтрации нацисты создали машину захвата власти и последующего тоталитарного контроля над обществом⁹⁷.

Берман, в частности, демонстрирует, как активное участие немцев в многочисленных объединениях делало их весьма лёгким объектом дисциплинирования и мобилизации политического участия, при том что активность объединений в целом происходила внутри, а не

---

⁹⁵ Norton A. Introduction in *Civil Society in the Middle East*. – Vol. 1. – Leiden: E.J. Brill, 1995. – P. 6.

⁹⁶ НИС совместно с Институтом экономики РАН провели презентацию книги «Гражданское общество». 03.01.2012 [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://setdv.ru/news.php?id=247>.

⁹⁷ Berman S. *Civil Society and the Collapse of the Weimar Republic*, in *World Politics*. – 1997. – Vol. 49. – № 3. – Pp. 401–402.

поверх линий групповых расколов, тем самым не интегрируя общество, а раскалывая его⁹⁸.

Она приходит к выводу, что если политические институты и структуры слабы и/или существующий политический режим воспринимается как неэффективный и нелегитимный, то активность гражданского общества может стать альтернативой политике, все более поглощающей энергию граждан и удовлетворяющей их основные потребности. В таких ситуациях ассоциативная активность, вероятно, подорвет политическую стабильность, углубляя расколы, обостряя недовольство и обеспечивая плодородную почву для оппозиционных движений. «Расцвет деятельности гражданского общества в этих условиях сигнализирует о провале государства и партий и может служить дурным предзнаменованием для будущего режима»⁹⁹.

Гражданское общество – не научное понятие, а миф, идеологема, политический лозунг и фрейм политического дискурса. Теоретическая неясность и эмпирическая неопределенность заставляют ряд исследователей поставить вопрос о том, а нужно ли данное понятие вообще, поскольку это не научная концепция, а политический миф, идеологема. Ф. Ранжон дает такую характеристику: «Символ сопротивления государству, миф гражданского общества объединяет, трансцендируя расхождение правых-левых, сторонников социальной автономии, так что она принимает форму свободной игры рынка или самоуправления...Приобретение “гражданским обществом” большей важности по сравнению с “государством” порождает мифическую реконструкцию его истории...Такие разные ретроспективные прочтения не только деформируют, они способствуют также вскармливанию мифа о гражданском обществе, провозглашённом как одна из основ современности»¹⁰⁰.

---

⁹⁸ Можно усмотреть здесь явную параллель с типами социального капитала по Р. Патнэму, который разделяет bridging (открытый, объединяющий) и bonding (связывающий или закрытый) виды социального капитала: первый является полезным для всего общества или общины, его формируют сети, открытые для всех членов общества; второй возникает в сетях, объединяющих конкретную социальную группу и закрытых для других.

⁹⁹ Berman S. Civil Society and the Collapse of the Weimar Republic, in World Politics. – P. 427.

¹⁰⁰ Ранжон Ф. Гражданское общество: история понятия [Эл. рес.] // Альманах «Пространство и Время»: Электронное научное издание. – 2014. – Вып. 1. – Т. 6. – Реж. дост.: <http://cyberleninka.ru/article/n/fransua-ranzhon-grazhdanskoe-obschestvo-istoriya-ponyatiya-perevod-s-predisloviem-perevodchika>.

В. Максименко относит гражданское общество «к числу теряющих смысл старых понятий» и наделяет его статусом идеологемы¹⁰¹. При соединяясь к автору, С. Кирдина раскрывает это утверждение: «У идеологемы, как правило, нет “академически определенного” значения. Она является элементом идеологической системы и соотносится обычно с политической прагматикой, порождающей ту или иную её трактовку». Предложение исключить термин «гражданское общество» из научного дискурса в силу неопределённости его по отношению к России уже высказывалось некоторыми исследователями¹⁰². Ряд исследователей предлагают заменить этот термин другим, на их взгляд, более адекватным. С. Кирдина пишет: «В то же время “гражданское общество” служит одним из выражений реальных процессов, обозначением сферы деятельности граждан за пределами частной жизни, их готовности и возможности активно участвовать в происходящих социальных процессах». Эту активность населения автор предлагает обозначить более подходящим для российских условий термином «гражданское участие».

Очевидно, такая постановка вопроса заставляет рассмотреть роль идеи гражданского общества в политическом дискурсе. Б. Капустин предлагает отнести ее к разряду политических утопий, служащих для политической мобилизации в борьбе против статус-кво.

Наконец, укажем на последнюю серьёзную область, служащую полем критики: **трудность операционализации и эмпирической проверки** концепции гражданского общества. Из предыдущего обсуждения понятно, что многозначность, расплывчатость концептуальной базы с неизбежностью должна породить столь же существенный разнобой в подходах к эмпирическому изучению феноменов, связанных с концепцией. Не вдаваясь в детали, отметим, что из-за проблем с операционализацией понятия и соответствующих трудностей со сбором эмпирических данных институты и организации гражданского общества оказываются среди наименее изученных и составляют терра инкогнита экономической, социальной, политической и культурной, статистической и социологической отчётности. И чем более расплывчато определение, чем шире его употребление и использование, тем менее измеримо гражданское общество в какой-либо отчётливо реальной форме. И тем чаще

---

¹⁰¹ Максименко В. Идеологема civil society и гражданская культура // Pro et Contra. – 1999. – Т. 4. – № 1. – С. 121.

¹⁰² Солонин Ю. Н. Гражданское общество в российском исполнении // Гражданский форум. – 2002. – Вып. 2. – СПб.: ИС РАН, СПб филиал. – С. 78-79.

его сводят к малосодержательным формальным параметрам – классификации разнообразных организаций и количеству НПО и НГО.

Вторая проблема возникает из-за того, что общепринятая методология социальных наук долго обходила поле гражданского общества, как и статистические и опросные службы в большинстве стран. Эти два недостатка усиливали друг друга на протяжении большей части современной истории социальной науки, создавая неразвитость концептуального, методологического и статистического репертуара для описания и анализа гражданского общества.

В результате, в то время как для многих аспектов экономического и социального поведения существуют длинные временные ряды данных, практически для всех аспектов гражданского общества такая информация очень ограничена. Основные данные о социальном участии, членстве, сообществе, волонтерстве и ценностных диспозициях – гораздо менее систематические и весомые в плане достоверности и надёжности, чем стандартные экономические показатели.

Третья проблема – идеологическая нагруженность инструментов эмпирического измерения гражданского общества.

С. Кирдина, ссылаясь на работу А. Либмана¹⁰³, разбирает примеры типичных интегральных индексов, характеризующих состояние гражданского общества¹⁰⁴. Большая часть их разработана и используется в рамках проекта CIVICUS¹⁰⁵.

Так, индекс CSI (Civil Society Index) содержит четыре группы показателей, два из них отражают активность гражданского участия (включая ресурсы негосударственных организаций) и влияние гражданского общества на государственную политику, а два других – ценности и характеристики «базовых свобод» наряду с политическим контекстом. В индексе CSSI (Civil Society Strength Index) также представлены две основные группы показателей: индекс структуры гражданского общества и индекс ценностей гражданского общества. Наконец, в индексе GCSI (Global Civil Society Index) лишь два показателя из пяти (членство в организациях гражданского общества и присутствие международных

---

¹⁰³ Либман А.М. Межстрановые сопоставления институтов гражданского общества: эмпирический анализ / Гражданское общество: зарубежный опыт и российская практика. – СПб: Алетейя, 2010.

¹⁰⁴ Кирдина С.Г. «Гражданское общество»: уход от идеологемы // Социологические исследования. – 2012. – № 2. – С. 63-73.

¹⁰⁵ The Civil Society Diamond: A Primer / H. Anheier, L. Carlson, V. Heinrich and K. Naidoo. – 2001.

неправительственных организаций) относятся к гражданскому обществу. Третий показатель – участие в политических процессах – характеризует развитие государственных институтов. Ещё два показателя представляют собой распространение в обществе ценностей толерантности (терпимости).

Исследователь делает вывод, что «налицо "ценностная нагруженность" методики расчёта приведённых индексов, что косвенно подтверждает присущий определению гражданского общества характер *идеологемы*».

Российские попытки эмпирически исследовать гражданское общество также характеризуются произвольностью и нормативной нагруженностью концептуальных оснований.

В качестве забавного примера: И. Шушпанова, ссылаясь на результаты проведенного ИСПИ РАН исследования, делает такой «содержательный» комментарий: «Анализ актуальных сторон гражданского общества, проведённый в рамках предложенной модели, показывает, что в целом степень развития гражданского общества не превышает 5-балльный уровень». Чтение же статьи убеждает, что полученные результаты полностью были предопределены тем ограниченным набором вводных, которые были заложены в инструмент измерения¹⁰⁶.

Гораздо более удачная и содержательная попытка выйти за рамки идеологической заданности в рамках комплексного исследования гражданского общества предпринята группой ученых Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ под руководством И.В. Мерсияновой¹⁰⁷. Возможно, исследователям удастся выработать адекватный способ измерения данных о реалиях гражданского общества, который послужит основой для накопления временных рядов, качественного описания и лучшего понимания специфики гражданского общества в нашей стране.

Итак, гражданское общество все еще остается термином, которому недостает методологического и эмпирического фундамента, который мог бы сделать его полезной и плодотворной научной концепцией в долгосрочной перспективе. Необходимо очистить его от нормативист-

---

¹⁰⁶ Шушпанова И.С. Гражданское общество в социологическом измерении // Социологические исследования. – 2008. – № 11. – С. 59-63.

¹⁰⁷ Мерсиянова И.В. Мониторинг состояния гражданского общества в России: возможности реализации и перспективы развития // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2011. – № 1. – С. 43-46.

ской предвзятости, с которой реальности высокомерно предписываются (если не сказать навязываются) определённые требования, и сделать его инструментом проницательного описания и анализа реальности. Альтернатива – гражданское общество останется лишь широко принятым дискурсивным мифом, поводом для псевдонаучных текстов и дискуссий, политическим лозунгом, которому каждый актор сможет придавать любое подходящее и нужное ему значение, журналистским штампом и экспонатом музея гуманитарных наук.

Какие направления на этом пути превращения расхожего выражения в научную концепцию можно наметить? Не претендуя на исчерпывающий перечень, укажем, на наш взгляд, на основные.

1. Место концепции в методологическом аппарате социально-гуманитарных наук. Должны быть критически проанализированы все предпосылки, на которых строится концепция, прояснено соотношение этой концепции с другими популярными конструктами, такими как социальный капитал, доверие и др., выявлено соотношение дескрипции и прескрипции в понятии гражданского общества.

2. Контекстная зависимость гражданского общества (исторический, национальный (культурный), экономический, политический и другие контексты). Каковы исторические условия возникновения, достижения идеей популярности, ухода в забвение и нового возрождения, траектории пути, пройденного обществом до его текущего состояния, влияние социальных травм и накопленной социальной памяти на его сегодняшнюю конфигурацию? Существует ли набор социальных и других предпосылок, которые образуют необходимые и достаточные условия появления гражданского общества, или оно прорастает из разных социальных установок?

3. Типы и формы гражданского общества. Это поиск ответа на вопросы о наличии одного или нескольких идеальных типов гражданского общества и о возможности его национально-специфичных форм в противоположность универсализму, настаивающему на существовании только одной (западной? либеральной?) модели.

4. Границы гражданского общества. Кто образует гражданское общество, где мы проводим демаркационную линию, и по каким критериям помещаем (или не помещаем) акторов по ту или другую ее сторону?

5. Взаимоотношения гражданского общества и государства. В этой перспективе можно ожидать исследований, характеризующих различные типы взаимоотношений, например огосударствление, конфронта-

ция, партнёрство, их последствия и динамику. Особый интерес представляет систематизация знаний о функционировании и динамике гражданского общества до, во время и после перехода к демократическому режиму.

6. Взаимосвязь гражданского общества с уровнем развития экономики и динамикой ее развития. Становится ли развитое гражданское общество возможным только при определенном уровне экономического развития общества или само является предпосылкой высокой динамики экономического развития – либо эта взаимосвязь слаба или отсутствует?

7. Какова классовая база гражданского общества? Какие социальные группы являются носителями ценностей гражданского общества – реально и потенциально, чем это обусловлено?

8. Механизм производства, воспроизводства и изменения гражданского общества. Речь идет о поиске, вслед за указанием Ч. Тилли¹⁰⁸, контекстных, когнитивных и реляционных механизмов, представляющих «определенный класс событий, которые меняют отношения между выделенными элементами одинаковым или сходным образом в разнообразных ситуациях».

9. Должна быть проведена дискуссия об операционализации понятия, его эмпирических индикаторах и выработан признаваемый научным сообществом инструментарий эмпирических исследований, который станет концептуальной основой для накопления эмпирических данных, подлежащих анализу как в синхроническом (межстрановые сравнения), так и в диахроническом (временные ряды) аспектах.

10. Бытование, роль и функции гражданского общества как дискурсивного мифа. Ведь даже если за этим мифом не стоит никакого эмпирического референта, тем не менее он служит некоторым способом социального конструирования реальности, как дискурс о ведьмах в Средние века, не являясь подтверждением распространенности женщин-ведьм в ту эпоху, служил методом упорядочения социальных отношений. Задачей остается изучение форм и эффекта воздействия идеи на реальность и практику социально-политических акторов.

11. Наконец, для теории демократии гражданское общество имеет значение как сдвиг к новым способам участия в политике ранее исключенных из нее групп. Это направление исследований должно исходить

---

¹⁰⁸ Tilly C. Mechanisms in political processes // Annual Review of Political Science. – 2001. – Vol. 4. – June. – Pp. 21-24.

из понимания гражданского общества не как статичного образования, структурной целостности, а как процесса борьбы за навязывание своего видения гражданского общества, за отнесение одних и выведение за рамки гражданского общества других организованных социальных сил. Необходимо изучение гражданского общества как процесса, как набора конкретных практик того, как различные категории социальных субъектов используют идею для достижения своих целей.

1.3. Региональное гражданское общество: условия и факторы существования

Формирование гражданского общества предстаёт сегодня как устойчивая тенденция в рамках модернизации современного российского общества. Несмотря на все разнообразие мнений относительно возможности создания гражданского общества, оно уже функционирует и развивается как часть нашего социума.

Гражданское общество существует во взаимосвязи с государством. Эта взаимосвязь – «оппозиция – партнерство» – носит антиномический характер. При этом оппозиция гражданского общества государству органически сочетается с сотрудничеством. Гражданское общество следует рассматривать как универсальную социальную практику, позволяющую социальным субъектам реализовывать свои права и свободы.

Российское общество весьма многообразно по своим социокультурным характеристикам. Это создает различные условия для формирования гражданского общества в регионах. Его формирование следует рассматривать как часть процесса регионализации, состоящего из «...последовательных демократических изменений в обществе, государстве, на местах, направленных на повышение роли регионов».

В совокупности своих характеристик регион и выступает в качестве среды формирования и функционирования регионального гражданского общества. Именно здесь закладываются предпосылки возникновения гражданского общества, проявляются в действии различные социокультурные факторы. К их числу можно отнести культурную связь с территорией, проявляющую себя в региональной идентичности, в солидарности жителей региона, в их территориальных интересах. Важную роль играют социальное самочувствие, сложившаяся система ценностей, сформировавшийся между социальными субъектами уровень межличностного и институционального доверия.

Возникающее региональное гражданское общество – это модель, адекватная реальным условиям своего существования. При этом оно не является собой нечто принципиально отличное от национальной модели. В условиях региона гражданское общество предстаёт в виде специфического социального, экономического, культурного пространства, в котором достигается определённый баланс различных (индивидуальных и групповых, неформальных и институциональных) интересов, происходит их реализация в рамках многообразных неполитических форм коллективной жизни. От характера и уровня развития этих форм во многом зависит эффективность функционирования гражданского общества в том или ином регионе.

Современное региональное гражданское общество следует понимать прежде всего как сферу социального взаимодействия населения данной территории в различных областях общественной жизни на основе принципов самоуправления, саморегуляции, равенства, а также сложившихся в нём норм общежития как с государством, так и между собой. Это сфера, где происходит трансформация частного интереса в публичный, где граждане сквозь призму своих интересов активно взаимодействуют в общих делах. С одной стороны, происходит воздействие на власть, с другой – реализуется специфическая власть самого гражданского общества. Её отличительные черты – полиархичность и независимость; активная гражданская позиция субъектов как базовое основание.

В современной России гражданское общество, как и любой социальный феномен, может рассматриваться как многоуровневое явление. Российское гражданское общество представляет собой некую целостность в масштабах российского общества. Продуктом жизнедеятельности регионального социума становится региональное гражданское общество. Современное региональное гражданское общество представляет собой поливариантную систему взаимодействий и взаимосвязей, возникающих между социальными, экономическими, идеологическими и культурными субъектами и институтами данного региона, имеющую своей целью защиту интересов граждан от авторитаризма государства. В условиях региона гражданское общество предстает в виде специфического социального, экономического, культурного пространства, в котором достигается определённый баланс различных (индивидуальных и групповых, неформальных и институциональных) интересов, происходит их реализация в рамках многообразных неполитических форм

коллективной жизни. От характера и уровня развития этих форм во многом зависит эффективность функционирования гражданского общества в том или ином регионе¹⁰⁹.

Формирование регионального гражданского общества можно рассматривать как часть процесса регионализации, представляющего собой последовательные демократические изменения в обществе, государстве, на местах, направленные на повышение роли регионов в жизни всего общества¹¹⁰. Регион представляет собой динамическую самоорганизующуюся, самовоспроизводящуюся систему (автопоэсис), включающую территорию, территориальную общину, социально-экономическую инфраструктуру, органы местного самоуправления и выступающую в качестве субъекта социально-экономических и политических отношений в пределах государства¹¹¹.

Региональное гражданское общество имеет в качестве предпосылок своего формирования различные социокультурные факторы. К их числу относятся: культурная связь с территорией, проявляющая себя в региональной идентичности, в солидарности жителей региона; социальное самочувствие; уровень доверия, сформировавшийся между социальными субъектами; наличие прав и свобод граждан; сложившаяся система ценностей; сформировавшийся в регионе уровень протестной активности (потенциал протеста).

Сегодня во всех регионах СЗФО существует институциональная структура гражданского общества. В нее входят добровольные ассоциации граждан, благотворительные фонды, клубы по интересам, творческие и кооперативные объединения, потребительские, спортивные, религиозные, общественно-политические и иные организации и союзы. Данная институциональная система предполагает консолидацию индивидов, социальных групп, т.е. создание общественных объединений, заинтересованных во всеобщем благе, способных противостоять бюрократии номенклатуры. Некоммерческие организации занимаются оказанием социальных услуг населению, правозащитной деятельностью, осущест-

---

¹⁰⁹ Гужавина Т.А. Социальное доверие на региональном уровне // Социология. – 2011. – № 2. – С. 105.

¹¹⁰ Северное регионоведение в современной регионологии / отв. ред. Ю.Ф. Лукин. – Архангельск: Высшая школа делового администрирования ИУППК им. М.В. Ломоносова, 2005. – С. 5.

¹¹¹ Рязанцев И.П., Завалишин А.Ю. Территориальное поведение россиян. – М.: Академический проект; Гаудеамус, 2006. – С. 30.

влияют функции общественного контроля. С помощью институтов гражданского общества становится возможным не только активизировать участие граждан, привлечь их к процессу принятия властных решений, но и включить в практику работы органов власти эффективные формы взаимодействия с третьим сектором.

Третий сектор, или некоммерческие неполитические организации, представляет собой наиболее заметное проявление функционирования гражданского общества. Их взаимодействие с властью составляет «практическую» сторону гражданского общества. НКО – это, по сути, организационно оформленное гражданское общество, которое не относится к компетенции государства и служит иным интересам. Деятельность НКО становится важной для региональной власти в связи с происходящей трансформацией политической системы. Причина – в изменении самого механизма легитимации власти. Для демократических систем легитимность произрастает «снизу» и обеспечивается прежде всего выборностью и гражданской активностью населения. В конкурентной системе взаимодействие с гражданским обществом становится дополнительным источником легитимности власти, роста доверия к ней со стороны населения региона.

Для установления между властью и обществом отношений диалогического типа необходимо наличие нескольких условий. К числу наиболее важных из них, по мнению экспертов, следует отнести:

- наличие и структурированность участников социального партнёрства;
- готовность представителей гражданских организаций и органов власти к ведению диалога и сотрудничеству;
- наличие условий для реализации социального партнёрства: правовых, информационных, организационных.

Анализ этих условий позволит получить представление о возможностях и перспективах развития гражданского общества в регионе, о проблемах в данной сфере.

К категории информационных условий относятся: наличие представлений об отнесении организации к категории НКО или третьего сектора, наличие информации о деятельности таких организаций. Согласно результатам общероссийского исследования частной исследовательской группы «Циркон», проведённого в 2004 и 2012 гг., у большинства россиян нет ясного представления о том, какие организации составляют «третий сектор», многие общественные объединения (профсоюзы,

партии, клубы) в сознании граждан не относятся к НКО¹¹². Тем не менее за последние несколько лет уровень информированности россиян о деятельности НКО вырос. По сравнению с 2004-м в 2012 году граждане, которые вообще ничего не знали об НКО, перестали составлять большинство: их доля снизилась с 58 до 44%. Однако речь идёт в основном о росте «пассивной» информированности («знаю об НКО» и «что-то слышал») – с 22 до 35%. «Активная» информированность (связанная с личным опытом взаимодействия граждан с НКО) почти не изменилась – 5–6%¹¹³.

По результатам исследования ИСЭРТ РАН, в Вологодской области в период с 2008 по 2014 год определённно осведомлены о деятельности некоммерческих организаций или имели личный опыт взаимодействия с ними 7–13% населения (табл. 1). Уровень «пассивной» информированности в 2013–2014 гг. ниже, чем в 2008–2011 гг. (35–36% против 40–41%). Доля «ничего не знающих о деятельности НКО» в 2011–2013 гг. составляет 34–36%, примерно 1/5 населения в этот период даёт неопределённые ответы. Наиболее высокий индекс осведомлённости (128 пунктов) наблюдался в 2009 году, что может быть связано с расширением сферы деятельности НКО, особенно благотворительной, в острой фазе финансово-экономического кризиса. К 2014 г. показатель заметно снизился – до 108 п. (на 21 пункт), что явилось минимальным значением за весь период измерений (с 2008 г.). В то же время по сравнению с уровнем 2008 г. индекс оказался ниже только на 3 пункта, но удельный вес неопределённых суждений увеличился почти вдвое (с 12 до 22%).

Таблица 1. **Знаете ли Вы о деятельности некоммерческих (общественных) организаций (регионального отделения партий, профсоюзов, религиозных, правозащитных, благотворительных организаций, обществ и т.д.)?** (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2008 г.	2009 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.	Изменение (+ / -) 2014 г.		
						к 2013	к 2009	к 2008
Знаю, лично сталкивался	8,9	12,3	8,1	12,7	7,1	-6	-5	-2
Что-то слышал	40,7	40,3	39,7	34,7	35,9	+1	-4	-5
Ничего не знаю	38,7	24,5	34,0	33,6	35,5	+2	+11	-3
Индекс осведомлённости о работе НКО (в пунктах)	110,9	128,1	113,8	113,8	107,5	-6	-21	-3
Затрудняюсь ответить	11,8	22,9	18,2	19,0	21,5	+3	-1	+10

¹¹² Мойсов В., Шубина Л. Отношение россиян к ужесточению закона о некоммерческих организациях [Эл. рес.]. – Реж. дост.: http://www.zircon.ru/upload/iblock/1fb/Otnoshenie_rossijan_k_uzhestocheniju_zakona_ob_NKO.pdf

¹¹³ Там же.

Доля населения, достаточно хорошо информированного о деятельности НКО, существенно различается в зависимости от уровня образования, дохода, территориальной принадлежности. Так, в 2014 г. уровень информированности среди тех, кто имеет высшее или незаконченное высшее образование, был почти в три раза выше, чем среди лиц с неполным средним, средним, средним специальным образованием (13% против 5%; табл. 2). В группе 20% наиболее обеспеченных жителей по сравнению с 20% наименее обеспеченных разница показателя достигала 6 раз (12% против 2%), по сравнению с категорией 60% населения со средними доходами – 1,8 раза. В Вологде и Череповце удельный вес информированного об НКО населения составил 8–9% против 3% в районах.

Таблица 2. **Динамика удельного веса тех, кто «лично сталкивался, определённо знает» о деятельности НКО (в % от числа опрошенных*)**

Показатель	2011 г.	2013 г.	2014 г.	Изменение (+ / -) 2014 г.	
				к 2013 г.	к 2011 г.
<i>Пол</i>					
Мужской	7,3	11,2	6,6	-5	-1
Женский	8,8	13,9	7,5	-6	-1
<i>Возраст</i>					
До 30 лет	8,3	12,4	6,4	-6	-2
30–55 лет	7,2	12,6	8,2	-4	+1
Старше 55 лет	9,4	13,0	5,8	-7	-4
<i>Образование</i>					
Среднее и н/среднее	3,8	4,7	4,7	0	+1
Среднее специальное	7,7	10,1	4,5	-6	-3
Высшее и н/высшее	12,1	23,9	12,6	-11	+1
<i>Доходные группы</i>					
20% наименее обеспеченных	4,0	5,6	1,9	-4	-2
60% среднеобеспеченных	8,6	11,6	7,0	-5	-2
20% наиболее обеспеченных	10,6	25,3	12,4	-13	+2
<i>Территории</i>					
Вологда	14,1	16,5	11,2	-5	-3
Череповец	7,5	13,0	9,9	-3	+2
Районы	5,7	10,6	3,3	-7	-2
Область	8,1	12,7	7,1	-6	-1
* Вопрос задаётся 1 раз в год.					

Вместе с тем за последний год в наиболее информированных категориях населения зафиксированы самые значительные негативные изменения. Так, в высокодоходной группе уровень осведомлённости снизился на 13 п.п., в категории высокообразованных – на 11 п.п., в то время как в среднем по области – на 6 п.п.

Средства массовой информации формируют представления граждан об основных общественно-политических процессах в стране и мире. Объективность такой картины во многом зависит от разнообразия СМИ, отражающих плюрализм мнений. Принципиально важно, насколько полно в информационном поле представлена проблематика гражданского общества, в том числе развитие некоммерческого сектора, добровольчества, неформальных гражданских инициатив¹¹⁴. Однако очевидно, что освещение деятельности НКО в настоящее время не входит в круг приоритетов средств массовой информации, прежде всего телевидения как наиболее популярного из них.

Социальное партнёрство – это базовое основание гражданского общества. Оно во многом проявляет себя через добровольческую деятельность. По данным научных центров, в той или иной форме в добровольческой деятельности участвуют 40–60% россиян. В стране сегодня более развито неформальное добровольчество. Так, по данным фонда «Общественное мнение», 38% россиян являются неинституционализированными добровольцами, они не связаны организационно-правовыми отношениями с НКО, но включены в самоорганизацию по месту жительства; еще 4% – добровольцы, включённые в деятельность тех или иных НКО. Кроме того, 23% россиян в повседневной жизни не участвуют в общественной деятельности, но активно пользуются Интернетом, проявляя и элементы социальной активности (благотворительность, подписание петиций и др.). 38% россиян не включены ни в реальную, ни в виртуальную добровольческую активность¹¹⁵.

По данным ВЦИОМ, за последние три года в той или иной форме безвозмездно работали 58% россиян, в том числе на очистке дворов и парков от мусора – 16%, на ликвидации последствий стихийных бедствий – 6%. Это ниже среднеевропейского уровня социальной активности (от 65 до 70% участвовавших в акциях волонтеров), но сопоставимо с ним¹¹⁶.

¹¹⁴ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2013 год [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.oprf.ru/documents/1151/2013/5>

¹¹⁵ От редакции: Почему россияне не помогают убирать снег [Эл. рес.] // Ведомости. – 2013. – 26 мар. – Реж. дост.: http://www.vedomosti.ru/opiNioN/News/10425801/holodNyj_mart_13go#ixzz20dB30bFw 13

¹¹⁶ Там же.

В 2014 г. суммарная доля «участников» и «волонтеров» НКО выше средней по области наблюдается среди 20% её наиболее обеспеченных жителей, в категории лиц с высшим и незаконченным высшим образованием и среди жителей Череповца (16–17% против 11%).

По итогам исследования ФОМ, проведенного в 2012 г., социальная база гражданского общества неоднородна. Ее «ядро» составляют 5,4% взрослых россиян, которые являются членами общественных объединений или участвуют в их мероприятиях. Большинство россиян (83%) не состоят ни в каких общественных и некоммерческих организациях. Участие в профсоюзах отмечают 5% жителей России, в садовых и дачных товариществах – 3%, в товариществах собственников жилья и спортивных клубах – 2%. Те, кто принимал участие в некоммерческих объединениях граждан, чаще всего делали это в форме членства в организации, а также участия в отдельной инициативе¹¹⁷ (8%).

В третью группу входят 30% россиян. Они потенциально готовы объединяться для совместных действий, но реально не участвуют в них, не занимаются частной благотворительностью или добровольчеством и не информированы в достаточной мере о работе существующих организаций.

На «периферии» социальной базы находятся 35% взрослых россиян, которые оказались не готовы к объединению с другими людьми для достижения коллективных целей, хотя и могли бы заниматься благотворительностью, знают о существовании и деятельности общественных организаций.

Не готовы к объединению с другими людьми и никак не осведомлены о существующих формах гражданской активности только 5% россиян.

Исследователи отмечают, что гражданское общество в нашей стране имеет значительный потенциал роста. Практически каждый четвертый взрослый россиянин (25%), не участвуя в деятельности НКО и гражданских инициативах, готов объединяться с другими людьми для совместных действий, занимается благотворительностью в широком смысле, информирован об общественных объединениях и других негосударственных некоммерческих организациях, гражданских инициативах¹¹⁸.

---

¹¹⁷ От редакции: Почему россияне не помогают убирать снег...

¹¹⁸ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2013 год [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.oprf.ru/documents/1151/2013/5>

На протяжении 2011–2014 гг. 5% населения области подтверждают личное участие в работе некоммерческих организаций, что ниже уровня 2008–2009 гг. (7–8%; табл. 3). По сравнению с предыдущими годами в 2013–2014 гг. снизилась и доля добровольных участников (с 10–11 до 6%). В период с 2008 по 2014 год индекс участия уменьшился с 39 до 24 пунктов. Это свидетельствует об отсутствии реальных сдвигов в развитии основных институтов гражданского общества, несмотря на рост материальной поддержки со стороны государства. По словам Президента РФ В. Путина, в 2013 г. по сравнению с предыдущим годом государственное финансирование НКО было увеличено более чем в три раза: для реализации социально значимых проектов выделено свыше 3,2 млрд. рублей¹¹⁹. В 2014 году в тех же целях в виде грантов НКО из федерального бюджета выделено 2,7 млрд. рублей¹²⁰.

Таблица 3. **Принимаете ли Вы участие в деятельности некоммерческих организаций или являетесь членом какой-либо из них?** (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2008 г.	2009 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.	Изменение (+ / -) 2014 г. к			
						2013	2011	2009	2008
Являюсь членом организации	4,9	7,0	5,4	4,5	4,9	0	0	-2	0
Принимаю участие как доброволец, волонтер	6,4	9,9	10,4	6,2	6,4	0	-4	-4	0
Не участвую и не состою	85,3	81,0	82,9	88,2	87,0	-1	+4	+6	+2
Индекс участия в работе НКО	26,0	35,9	32,9	22,5	24,3	+1	-9	-12	-2

Рост недоверия россиян к «третьему сектору» во многом связан с появлением известных правовых норм, в соответствии с которыми в законодательство было введено понятие НКО, «выполняющих функции иностранных агентов». Принятие поправок сопровождалось не только массовыми прокурорскими проверками весной 2013 года, но и негативными комментариями со стороны политических лидеров, соответствующими публикациями в СМИ. «Третий сектор» возник в России недавно, и его общественная репутация по-прежнему неустойчива и чувствительна к влиянию внешних факторов¹²¹.

¹¹⁹ Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://news.kremlin.ru/news/19146>

¹²⁰ Об обеспечении в 2014 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества, реализующих социально значимые проекты и проекты в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина: Распоряжение от 17.01.2014 № 11-рп.

¹²¹ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2013 год.

В 2013 году на разных площадках обсуждались перспективы консолидации некоммерческого сектора. В отличие от бизнес-среды, в российском «третьем секторе» отсутствуют крупные корпоративные ассоциации, призванные осуществлять внутренние коммуникации и внешнее представительство. Имеющиеся сегодня ассоциации (объединения, союзы) НКО слабы и не имеют большого веса в обществе.

Взаимодействие НКО осуществляется в основном по отраслевому принципу (в рамках одной предметной области – благотворительность, защита детства и т.п.) или территориальному (в рамках одного региона). Взаимодействие реализуется в основном в виде неформального общения или официальных коммуникаций (собрания, конференции). Более широкие и глубокие связи, направленные на консолидацию сектора, такие как совместные проекты НКО, альянсы для решения каких-либо проблем, общение в рамках профессиональных ассоциаций, распространены в гораздо меньшей степени. Даже среди наиболее активной части НКО от 30 до 40% организаций не включены в процесс внутрисекторного сотрудничества, почти половина (45%) НКО не принимает участия в объединениях внутри некоммерческого сектора (как формальных, так и неформальных)¹²².

Можно было бы ожидать, что рост осведомлённости о некоммерческих организациях будет сопровождаться и ростом доверия, улучшением отношения к их деятельности. Однако, по данным ФОМ, распространённость положительных представлений об НКО в РФ в период с 2004 по 2012 г. снизилась.

В Вологодской области существенное влияние общественных организаций на жизнь региона отмечает не более 7% населения (в последние два года – 5%; табл. 4), а примерно каждый четвёртый убеждён в полном его отсутствии. Наиболее распространёнными являются неопределённые ответы, причём в период с 2011 по 2014 г. их доля значительно выросла (с 37 до 49%), но снизился удельный вес тех, кто считает влияние НКО незначительным (с 36 до 27%).

Возможно, это свидетельствует о росте «закрытости» людей в связи с законами, направленными на повышение прозрачности деятельности НКО, в том числе усложнением отчётности и увеличением количества проверок, что может восприниматься как недоверие к их работе со стороны государства.

---

¹²² Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2013 год.

Таблица 4. **На Ваш взгляд, в какой степени некоммерческие (общественные) организации влияют на жизнь Вологодской области?** (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2009 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.	Изменение (+ / -) 2014 г.		
					к 2013	к 2011	к 2009
Оказывают большое влияние	5,8	6,5	4,7	5,3	0	-2	-1
Оказывают незначительное влияние	18,4	29,7	22,4	21,5	0	-8	+4
Не оказывают никакого влияния	22,3	26,5	26,0	24,6	-1	-2	+3
Индекс влияния НКО	83,5	80,0	78,7	80,7	+2	+1	-3
Затрудняюсь ответить	57,0	37,3	46,9	48,6	+2	+12	-8

По мнению экспертов, полная зависимость НКО от государственного финансирования превращает их в структуры, близкие по содержанию деятельности к государственным агентствам или коммерческим организациям¹²³.

Это во многом обусловлено тем, что значительная часть руководителей разных уровней воспринимают отношения с общественностью как дополнительную нагрузку, при встречах с населением стремятся отделаться монологом вместо конструктивного диалога, не проявляют деловой реакции на предложения, поступающие из трудовых коллективов, с собраний и сходов граждан, из общественных формирований.

Ситуация усугубляется тем, что, вместо истинной общественной активности, в некоторых муниципалитетах возвращаются имитационно-демонстрационные её формы. Большинство механизмов общественного участия (референдумы, собрания, конференции, сходы, публичные слушания, опросы граждан, правотворческая инициатива) зачастую остаются невостребованными или превращаются из формы народного волеизъявления в его имитацию¹²⁴.

Неоднозначно воздействуют на ситуацию экономическая и политическая системы, сложившиеся в стране. На федеральном уровне необходимость развития общественной инициативы, общественного контроля всячески подчеркивается, активно идет процесс внедрения принципов открытости в работу органов власти. В то же время взаимоотношения между различными уровнями власти и особенно межбюджетные отно-

¹²³ Гражданское общество перед выбором // Экспертный сайт Высшей школы экономики – Реж. дост.: <http://opes.ru/1469385.html> 2

¹²⁴ Ресурсы российского добровольческого движения. Аналитический доклад по результатам исследований Фонда общественного мнения 2012–2013 гг. [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://corp.fom.ru/posts/184-broshjura-fom-resursy-rossijskogo-dobrovolcheskogo-dvizhenija>

шения объективно оказываются тормозом развития самостоятельности муниципалитетов, и в том числе развития гражданской инициативы на их территории¹²⁵.

Дотационность муниципальных образований делает местных глав более зависимыми от вышестоящих уровней власти, чем от населения собственного муниципалитета. Безденежье местных бюджетов не позволяет не только поддерживать инициативы граждан, но и достойно выполнять существующие публичные обязательства. Отсутствие средств оборачивается унынием и апатией населения. Кроме того, проблема заключается в том, что передача дополнительных обязанностей и полномочий не сопровождается передачей соответствующих финансовых средств, необходимых для осуществления этих полномочий. К примеру, это касается введения ответственности муниципальной власти в сфере межнациональных отношений.

Тем не менее данные социологических исследований свидетельствуют о том, что среди граждан немало тех, кто хотел бы приносить пользу, заниматься общественно значимыми проектами на уровне своего дома, микрорайона, города и посёлка. Однако зачастую таким людям не хватает знаний и опыта, они не всегда понимают, как можно реализовать тот или иной проект. Они не видят успешных примеров подобной деятельности и перспектив лично для себя: система кадровых «лифтов» практически не работает, а, значит, добиться повышения социального статуса и общественного признания, занимаясь общественной деятельностью, очень непросто.

Социально-психологической и политической базой развития добровольчества является мощный запрос наиболее активной части населения на институционализацию отношений в обществе, и в частности – на легитимацию и прозрачность взаимодействия между обществом и властью. При этом, если судить по высказываниям активистов, нарушителями норм чаще всего становятся представители властей. Этот конфликт усугубляется по мере преодоления аномии прежде всего в обществе, а не во власти. В описаниях активистов, участвовавших в дискуссиях, чиновники предстают не столько ленивыми недалёкими людьми, сколько реальной сплочённой группой, сильной и враждебно настроенной по отношению к гражданину¹²⁶.

---

¹²⁵ Ресурсы российского добровольческого движения...

¹²⁶ Там же.

Чиновники, монополюно распоряжающиеся властью, больше, чем любые другие монополисты, склонны получать ренту со своего монополюного положения. И временность этой ренты не облегчает, а усугубляет положение. Следовательно, реализация тех или иных гуманитарных целей, декларируемых активистами, неизбежно приводит к конфликту с властью и политизации этого конфликта, поскольку им приходится добиваться изменения системных, несправедливых, непрозрачных правил. Встречаются упоминания случаев противодействия властей процессам самоорганизации граждан и в тех случаях, когда инициативные группы или общественные организации берут на себя решение серьезных социальных проблем территории.

Проблемы взаимодействия институтов гражданского общества с представителями властей можно решить посредством широкого общественного диалога, базой которого могли бы стать региональные общественные палаты. Поскольку, как правило, речь идет о разных интересах разных групп, а не о «некомпетентном» населении и «компетентных» властях, общественные палаты могли бы стать площадкой для артикуляции и согласования этих интересов.

В своей работе НКО испытывают трудности прежде всего правового и экономического характера, и значительная их часть не обладает в настоящее время достаточной ресурсной базой для выполнения своих функций в полной мере. Их проблемы неоднократно озвучивались на заседаниях Общественной палаты Вологодской области, в частности вносились предложения об уменьшении до 10% налогооблагаемой прибыли предприятий, отчисляющих средства на благотворительные цели¹²⁷. Формой материальной поддержки гражданских инициатив может стать организация фондов местных сообществ на условиях паритетного участия органов местного самоуправления, граждан и местных предпринимателей¹²⁸.

В средствах массовой информации необходимо шире пропагандировать положительный опыт деятельности общественников. Общественным организациям должна оказываться экспертная поддержка в решении вопросов, требующих специальных знаний (медицинских, педагогических, юридических).

---

¹²⁷ Доклад о состоянии гражданского общества в Вологодской области за 2013 год. – Вологда, 2013. – С. 4.

¹²⁸ Резолюция Второго Гражданского форума Вологодской области «Сильное гражданское общество – основа устойчивого развития региона» [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.op35.ru/?module=Articles&action=view&aid=431>

В целом уровень развития гражданского общества в регионе остаётся невысоким. Не решены проблемы юридического (несовершенство нормативно-правового поля), организационно-экономического (слабость ресурсной обеспеченности некоммерческого сектора) и социального (неразвитость гражданской активности населения) характера. Подобная ситуация отмечается и на уровне России в целом. Пассивность граждан – прямой результат сформировавшейся в муниципальных образованиях управленческой модели, сложившейся социальной практики¹²⁹.

---

¹²⁹ Ресурсы российского добровольческого движения. Аналитический доклад по результатам исследований Фонда общественного мнения 2012–2013 гг. [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://corp.fom.ru/posts/184-broshjura-fom-resursy-rossijskogo-dobrovolcheskogo-dvizhenija> 18

ГЛАВА 2.

СОЦИАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

2.1. Социальное доверие в современном обществе: подходы к анализу

На вопрос о существовании гражданского общества в России, несмотря на все дискуссии, ведущиеся до сих пор по этому поводу¹³⁰, на наш взгляд, можно вполне определенно дать положительный ответ. Гражданское общество существует как совокупность негосударственных структур и отношений, которые складываются и в экономике, и в самоуправлении, и в культуре, и в семье, и в религиозной общине, и в частной, и в общественной жизни. Безусловно, эти отношения немыслимы без взаимодействия с государством, объединяющим людей посредством включения их в число своих граждан. У гражданского общества возникают свои отношения с государственной властью и свои требования к ней. К их числу можно отнести: соответствие политики воле народа, строгое соблюдение законов, защита прав и свобод человека и гражданина. Поэтому гражданское общество, функционирующее за рамками государственных институтов, выступает как участник управления страной, как механизм контроля за деятельностью государственной власти. Вот почему между гражданским обществом и государством должны складываться доверительные отношения.

---

¹³⁰ См.: Состоялось ли гражданское общество в России? // Социс. – 2007. – № 1. – С. 49-54; Шмидт Д. Какое гражданское общество существует в России // Pro et contra. – 2006. – № 1. – С. 6-24.

Как свидетельствует практика российских реалий, поддержка обществом власти, демонстрация доверия, лояльности к ней представляет важный фактор ее эффективности. Любая политическая власть стремится обеспечить со стороны общества лояльное к себе отношение. Повышение эффективности власти как соотношение между фактическим социальным результатом и целями властвования является показателем прогрессивного развития общества при минимальных затратах времени и ресурсов. Эта политика и обеспечивает социальную базу лояльности.

Социальное доверие обеспечивает предсказуемый характер окружающего нас мира и помогает создать формальные институты и организации, домашние хозяйства и семьи, а также конституировать сети друзей и знакомых. Кроме того, социальное доверие, существующее в обществе, укрепляет когнитивные стереотипы и установки к межгрупповому взаимопониманию, толерантности и межнациональному сотрудничеству, демократические устои, а также минимизирует негативные последствия глобального и регионального расширяющегося экономического неравенства. Этими и рядом других причин обусловлен всплеск интереса к проблеме доверия. Доверие является безусловным основанием для самоорганизации гражданского общества.

По оценке Ю. Левады, «доверие» означает самое общее, самое неопределённое, самое позитивное отношение человека к социальным феноменам разного рода¹³¹. Дискуссии относительно сущности, функций, типов, места и роли доверия в жизни общества разворачиваются достаточно широко. При этом взгляды исследователей могут различаться по многим позициям. Доверие рассматривается в контексте психологии, экономики, политологии, антропологии, социологии, что позволяет выявить его различные аспекты, а также взаимосвязь с другими понятиями в структуре названных теоретических направлений. История изучения данного феномена и внимания к нему насчитывает не одно столетие. Но и до сих пор однозначной интерпретации этого понятия нет. Исследователи отмечают, что доверие тесно связано с ожиданиями, относится к определённому объекту, имеет деятельностный характер, даёт возможность предсказать поведение контрагента, оценить степень риска поведения в той или иной ситуации¹³².

---

¹³¹ Левада Ю.А. Ищем человека: социологические очерки, 2000–2005. – М., 2006. – С. 178.

¹³² Castaldo S. Meanings of Trust: a Meta Analysis of Trust Definitions: Paper presented at Second Euram Conference. – Stockholm, 2002.

Однако мы не ставим себе задачей анализировать этимологические характеристики понятия «доверие» и его соотношение с другими родственными категориями¹³³.

К проблеме доверия обращались многие мыслители как прошлого, так и настоящего. В контексте концепции общественного договора ее рассматривали Дж. Локк, И. Кант, А. Смит, Э. Дюркгейм, М. Вебер. В рамках теории социального обмена феномен доверия интересовал П. Блау и Дж. Хоманса. В контексте трансформационных изменений этой проблемой занимались Н. Луман, Р. Патнэм, Ф. Фукуяма. Социокультурному анализу подверг доверие П. Штомпка.

По мнению А. Селигмена, «доверие является следствием ролевой неопределённости, связанной со структурной непрозрачностью ролей, в ситуации, когда системно определённые ожидания больше не жизнеспособны»¹³⁴. У Э. Гидденса социальное доверие – это связь веры и уверенности, основанной на знании¹³⁵. Поле доверия включает политические и экономические отношения, распространяется на социальные институты и организации, на социальный порядок в целом. Это могут быть правительство, страхование, банковские операции, принципы демократии, научное или профессиональное знание и т.п.

П. Штомпка определяет доверие как «"залог" (уверенность и опирающиеся на него действия), свидетельствующий о том, что неопределённые будущие действия других людей или функционирование оборудования либо учреждения будут нам полезны»¹³⁶. Он выделяет вертикальное и горизонтальное доверие. При этом доверие к государству и его институтам отнесено им к категории вертикального или публичного. Категория «вертикальное доверие» подразумевает, что доверие существует между партнёрами, находящимися на разных уровнях социальной иерархии. Таким представляется доверие граждан власти, которая осуществляет контроль над действиями людей, даже вопреки их воле, с ограничением диапазона их действий (легитимность власти). При этом любая власть вынуждена оправдывать доверие к себе со стороны граждан.

---

¹³³ Данный аспект вполне успешно разрабатывается в научной литературе в работах А. Алексеевой, А.Е. Купрейченко, В.Н. Тарасевича и др.

¹³⁴ Селигмен А. Проблема доверия / пер. с англ. И. Мюрберг, Л. Соболевой. – М.: Идея-Пресс, 2008. – 200 с. – С. 21.

¹³⁵ Гидденс Э. Последствия современности. – М.: Праксис, 2011. – С. 211-218.

¹³⁶ Штомпка П. Доверие – основа общества / пер. с пол. Н.В. Морозовой. – М.: Логос, 2012. – С. 112.

Для этого существует установленный срок полномочий, по результатам прохождения которого можно судить об эффективности власти, а также избирательная система, которая позволяет населению решить её «дальнейшую судьбу».

Рассматривая доверие как сложный по своей структуре феномен, мы можем представить его структуру как многоуровневое образование (рис. 1). В ней можно выделить базовый уровень, содержащий в себе представления об окружающем мире. Базовый уровень позволяет субъекту воспринимать окружающую действительность, ориентироваться в ней, оценивать риски окружающей среды. Полученные в процессе социализации знания становятся основой формирования межличностного уровня доверия. Данный уровень предстает в форме субъект-субъектных отношений. Здесь продолжается освоение информации о мире, осваиваются роли доверяющего и доверяемого. Социальный уровень включает в себя отношения доверия, формирующиеся в рамках группы или сообщества. Именно этот уровень доверия способствует формированию социальных сетей. И наконец, культура доверия как ресурс, основанный на сложившейся системе ценностей и норм, которая и дает возможность воспроизводить отношения доверия.

Рис. 1. Структура доверия

Для понимания сущности доверия важно помнить, что в нём выделяют два основных компонента: ожидания и действия. Ожидания можно трактовать как «значения, которые приписываются участниками себе и другим в процессе принятия решения о том, какие действия и реакции рационально эффективны, а также эмоционально и морально подходящи»¹³⁷. Ожидания содержат предполагаемый результат взаимодействия, а также оценку его последствий. «Всё социальное взаимодействие является бесконечным процессом действия на основании ожиданий, которые частично являются когнитивными, частично эмоциональными и частично моральными»¹³⁸. С другой стороны, доверие возможно только тогда, когда имеет место действие, основанное на ожидании. В этом случае мы активны по отношению к будущему. Любое наше действие имеет хотя бы частично неопределённые и непредсказуемые последствия.

Сложная структура общества порождает различные типы доверия. Причем типология доверия может носить поливариантный характер. Одни типы доверия основаны на внутренних структурообразующих факторах, другие – на факторах внешнего воздействия. Широкое распространение получила типология Э. Гидденса, который выделяет два основных типа доверия: персонифицированное (или межличностное) и доверие к абстрактным системам¹³⁹. Отметим, что персонифицированное, или межличностное, доверие следует рассматривать в качестве основы формирования социального доверия. Доверие, формирующееся по мере межличностного взаимодействия и сотрудничества в рамках формальных и неформальных институтов, становится основой для создания социальных сетей, содействует усилению доверия к действующим политическим институтам.

Доверие к абстрактным системам, по мнению Э. Гидденса, – это тот тип доверия, который формируется в современную эпоху. Именно доверие к абстрактным системам выполняет важнейшую функцию в обществе «позднего модерна» – обеспечивает ощущение надёжности повседневных отношений. Персонифицированное же доверие предстает как источник «чувства честности и аутентичности себя самого».

---

¹³⁷ Алексеева А. Уверенность, обобщенное доверие и межличностное доверие: критерии различия [Эл. рес.] // Социальная реальность. – 2008. – № 7. – Реж. дост.: <http://socreal.fom.ru/?link=ARTICLE&aid=540> (дата обращения: 23.10.2010).

¹³⁸ Barber B. The logic and limits of trust. New Brunswick. – N.J.: Rutgers University Press, 1983. – P. 189.

¹³⁹ Гидденс Э. Последствия современности. – М.: Праксис, 2011. – С. 211-218.

Другими словами, через механизм доверия минимизируется угроза, говоря словами Гидденса, «утраты личностного смысла»¹⁴⁰. Логика рассуждений Э. Гидденса позволяет понять, что поле доверия охватывает весь социальный порядок: политические и экономические отношения, институты и организации. В.В. Радаев, один из наиболее известных отечественных исследователей доверия, также выделяет институциональное доверие как наиболее значимое и отмечает, что «человек, во-первых, исходит из норм обобщённого доверия (*generalized trust*), в соответствии с которыми все поступают честно и оговорённые условия будут соблюдены, кто бы их ни предлагал, а во-вторых, испытывает высокое доверие к институтам (*institutional trust*), существование которых означает, что обман, если он случится, будет примерно наказан, формальные правила восторжествуют, а пострадавший получит возмещение ущерба»¹⁴¹.

Однако доверие к абстрактным системам не может заменить значимость для человека персонифицированного доверия, основанного на солидарности, симпатии и дружбе. Доверие в форме дружеских отношений в рамках примордиальных (изначальных) социальных групп: семьи, этноса, религиозной общности и др. становится альтернативным выходом для человека, столкнувшегося с «синдромом недоверия» (термин известного польского социолога П. Штомпки) к политическому режиму, экономической и общественной системе в целом.

Формирование социального доверия в современных условиях имеет иные основания. На смену традициям и авторитету как детерминантам доверия приходит добровольное желание людей поступать в соответствии с ожиданиями других. Кроме того, несмотря на технический прогресс и существенное приращение знаний о мире, современное общество остается «обществом риска». В этих условиях доверие выступает фактором «обеспечения самоорганизации общества и воспроизводства социальной структуры»¹⁴².

Доверие помогает создавать формальные институты и организации, домашние хозяйства и семьи, а также конституировать сети друзей и знакомых. Кроме того, доверие является конструктивной формой реакции на риск, средством преодоления неопределённости. Н. Луман счи-

---

¹⁴⁰ Гидденс Э. Там же.

¹⁴¹ Радаев В.В. Что такое рынок: экономико-социологический подход (окончание) // Экономическая социология. – 2007. – Т. 8. – № 1.

¹⁴² Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / отв. ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсиянова. – М.: ИД НИУ ВШЭ, 2013. – С. 31.

тает, что доверие становится необходимым условием общественного развития в силу нарастания неуверенности людей, порождённой увеличением сложности и непрозрачности современного общества¹⁴³.

Представляя собой совокупность социально обоснованных и социально подтверждённых ожиданий со стороны индивидов в отношении других индивидов, в отношении организаций, учреждений, в отношении норм и правил, составляющих фундаментальное содержание жизни, доверие поддерживает устойчивость и интегрированность общества, выступая основой горизонтальных и вертикальных общественных отношений.

В условиях российской действительности, характеризующейся значительным разнообразием социокультурных факторов, сложившихся в различных регионах страны, вызывает интерес прежде всего вопрос о том, насколько феномен доверия распространён в том или ином региональном социальном пространстве. Мы рассматриваем российский регион как единство социального, экономического, политического, культурного и территориального начал. Благодаря этой целостности он выступает на уровне государства субъектом социально-экономических отношений, выполняя определённые функции во внутригосударственном разделении труда и формируя (как социально-политический субъект) определённые политические отношения с Центром и другими регионами. При этом эти отношения не сводятся к дихотомии «господство – подчинение». Регион можно рассматривать в качестве динамической самоорганизующейся, самовоспроизводящейся системы (автопоэсиса)¹⁴⁴.

Состояние социального доверия такого территориального сообщества, как жители Вологодской области, факторы, на него влияющие, изучается ИСЭРТ РАН в ходе мониторинга общественного мнения¹⁴⁵.

---

¹⁴³ Luhmann N. Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives // Trust-Making and Breaking Cooperative Relations. – Oxford: Basil Blackwell, 1988. – P. 94-107.

¹⁴⁴ Рязанцев И.П., Завалишин А.Ю. Территориальное поведение россиян. – М.: Академический проект; Гаудеамус, 2006. – С. 30.

¹⁴⁵ Опросы проводятся ИСЭРТ РАН по репрезентативной выборке. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность обеспечивается соблюдением пропорций между сельским и городским населением, между жителями различных типов населённых пунктов (сельские населённые пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Опрашивается 1500 человек в возрасте 18 лет и старше в городах Вологде и Череповце и 8 районах области (Грязовецком, Никольском, Тарногском, Великоустюгском, Бабаевском, Вожегодском, Кирилловском, Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки составляет 3%.

Отметим прежде всего, что Вологодская область – это достаточно развитый в экономическом отношении регион, обладающий мощным индустриальным потенциалом. На его территории проживает около 1 млн. 190 тысяч человек, или почти 1% населения России. Являясь индустриально развитым, регион вносит существенный вклад в социально-экономическую жизнь страны. По объёму производства товаров и услуг на душу населения в 2013 г. он занимал 21 место в РФ¹⁴⁶. Вологодская область вполне может рассматриваться как миниатюрная модель России, воспроизводящая её даже по конфигурации географических границ.

Жители области дают ей преимущественно позитивные оценки. Две трети вологжан (75%) «рады» и «в целом довольны, что живут в своём регионе». Определяя личное отношение к региону, его жители отмечают в качестве его привлекательных черт «красивую природу» (около 60%), доброту и душевность людей (около 30%), называют свой регион «перспективным для жизни» (около 20%). Жители г. Череповца, являющегося крупным промышленным центром, в котором расположен металлургический гигант ПАО «Северсталь», выделили такие характеристики, как «перспективность региона для жизни» (48%), «множество возможностей для инициативных людей» (38%)¹⁴⁷.

На этом фоне формируется доверие к основным политическим институтам как федерального, так и регионального уровня. Представляет интерес анализ институционального доверия на примере доверия к такому институту, как государство, поскольку именно оно генерирует и поддерживает те нормы и правила, которые организуют жизнь социума. Наиболее ярко институциональное доверие проявляет себя через доверие к правительству и президенту. На уровне регионального сообщества институциональное доверие проявляется в доверии к региональной власти, к государственным структурам, к общественным организациям.

Анализ результатов опросов общественного мнения даёт возможность на основании имеющегося уровня доверия условно подразделить институты, действующие в рамках политической системы, на три группы. В первую входят институты с высоким уровнем доверия, которые представлены Президентом и Правительством РФ. На уровне областных структур это губернатор и правительство области, представ-

---

¹⁴⁶ Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ. Итоги 2013 г. [Эл. рес.]. – М., 2014. – Реж. дост.: <http://www.riarating.ru/>

¹⁴⁷ Социокультурные аспекты развития территории / А.А. Шабунова, К.А. Гулин, Н.А. Окулова, Т.С. Соловьева. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. – С. 66-76.

ляющие собой её руководство. Вторую группу – институты со средним уровнем доверия – составляют представительные органы власти – Госдума и Совет Федерации. На муниципальном уровне это органы местного самоуправления. Третью группу, где оценки находятся на достаточно низком уровне, составляют общественные организации, профсоюзы, партии.

Первая группа наиболее влиятельна. Эти институты символизируют исполнительную власть в государстве и регионе. Ту самую власть, с которой мы ассоциируем государство, к которой обращаемся за помощью и поддержкой и которой бываем недовольны. Это те структуры, в руках которых реальная власть и материальные ресурсы. Несмотря на явную тенденцию падения уровня доверия к высшей власти среди жителей региона, она тем не менее лидирует среди других институтов и общественных структур. С государством в определённой степени связывают свои интересы практически все основные группы населения. Это тот институт, который консолидирует социальное пространство региона, она, дает ощущение включённости в социальное пространство страны.

Однако это не единственный фактор, поддерживающий высокий уровень доверия к государству и персонам, его представляющим. Вторым аспектом, на наш взгляд, уходит корнями в политическую историю России. Технология передачи власти такова: власть обычно достаётся правителю «по факту». Если ранее это был механизм наследования, то в современной истории – выборы. Но и сейчас сначала политик получает власть, а затем уже наступает время запуска механизма его избрания. В стране нет практики ротации власти, обеспечивающей ее переход к другой, оппозиционной политической силе. Случаев передачи власти подобным образом в современной истории страны нет. А это означает отсутствие опыта участия в избрании правителя, который ещё не был у власти, как нет у нас и оппозиции в европейском смысле этого слова. Та же практика и на региональном уровне. Кроме того, культурная память хранит следы таких событий, как смута и гражданская война, дополненные воспоминаниями о «крутых 90-х». Фактически доверие имеет эндогенную природу, т.е. основано на внутривнутриполитических факторах. Современная история добавила сюда опыт экономических кризисов. Эти периоды связаны в общественном сознании с безвластием либо с серьёзными трудностями в функционировании власти. В итоге любая власть рассматривается как меньшее зло, чем её отсутствие. Однако в последние годы, когда в активный период вступает поколение, вырос-

шее в принципиально иных социальных и политических условиях, в общественном мнении начинает зарождаться идея выборности высших российских чинов. Как показали события на Болотной и на Сахарова, для этого нужны прежде всего «честные выборы». К самому же механизму выборности у россиян недоверия нет.

Можно согласиться с мнением Л. Гудкова относительно такой особенности институционального доверия в российском обществе: более высокое доверие институтам авторитарного характера и более низкое к институтам, обеспечивающим демократическое участие граждан. Так, по данным опроса Левада-центра, в октябре 2012 г. свое доверие Президенту выразило 52% жителей России, Правительству – 50%, Совету Федерации – 22%, Госдуме – 21%, местной власти – 23%, профсоюзам – 16%, политическим партиям – 10%¹⁴⁸. Та же тенденция наблюдается и на Вологодчине. Низкий уровень доверия жителей области не является исключительным феноменом, некой региональной особенностью. Данный аспект в полной мере объясним с точки зрения концепции институциональных матриц С.Г. Кирдиной¹⁴⁹. Согласно данной концепции, для России характерно преобладание X-матрицы, которая тяготеет к унитарной организации властных структур и выстраиванию их во властную вертикаль. В российских условиях эти институты показывают более высокую эффективность и являются более привычными, если учитывать исторические и культурные особенности страны.

Источниками доверия служат, наряду с политическими и историческими, экономические и социальные факторы. Это прежде всего экономическое благополучие. Экономически благополучные слои населения доверяют тем институтам, которые обеспечивают им это положение. По данным мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН, среди тех, кто идентифицирует себя как богатых и имеющих средний достаток, доверие высшим органам власти демонстрирует более 60% респондентов (табл. 5). Данный уровень сохраняется по результатам исследований с 2000 г. и по настоящее время. Доверие Правительству в этой группе тоже выше среднего и составляет за указанный период около 50%. Более высокий, чем в других группах, уровень доверия и другим структурам. В целом он выше, чем средний уровень по региону в целом.

---

¹⁴⁸ Гудков Л. Социальный капитал и идеологические ориентации // Pro et Contra. – 2012. – Май–июнь. – С. 6-31.

¹⁴⁹ Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. – 2-е изд., испр. и доп. – Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН, 2001.

Таблица 5. **Распределение ответов на вопрос: «Определите, пожалуйста, своё отношение к действующим в стране институтам власти и общественным структурам»**
(в % от числа респондентов, идентифицирующих себя как «богатых» и «людей среднего достатка»)

Вариант ответа	2000 г.	2005 г.	2007 г.	2009 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.
<i>Президенту РФ</i>							
Полностью/ в основном доверяю	62,1	64,2	69,0	57,2	62,3	60,6	67,2
Полностью/ в основном не доверяю	8,0	10,1	3,6	8,4	11,4	12,8	8,2
<i>Правительству РФ</i>							
Полностью/ в основном доверяю	48,5	43,1	50,3	52,0	59,0	53,8	59,4
Полностью/ в основном не доверяю	16,3	24,3	15,3	11,8	12,4	17,2	13,4
<i>Государственной думе</i>							
Полностью/ в основном доверяю	27,4	32,4	36,8	39,6	43,0	43,7	42,2
Полностью/ в основном не доверяю	30,9	30,9	23,9	18,5	21,4	21,6	23,4
<i>Руководству области</i>							
Полностью/ в основном доверяю	33,7	39,2	46,9	42,3	48,8	49,1	45,1
Полностью/ в основном не доверяю	22,7	25,3	17,5	18,2	18,7	17,9	23,8
<i>Органам местного самоуправления</i>							
Полностью/ в основном доверяю	-	-	40,8	42,2	45,5	42,9	42,0
Полностью/ в основном не доверяю	-	-	21,6	20,0	21,0	21,9	25,9
Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области / ИСЭРТ РАН.							

На наш взгляд, доверие этой группы населения в значительной степени носит рациональный характер и основано на осознании эффективности политики, проводимой властью. Однако доля тех, кто относится к данной группе населения, составляет по данным мониторинга около 40% от числа опрошенных. Выделенная группа состоит из экономически благополучных людей, уверенных в завтрашнем дне. Это тот потенциал, на который не только можно, но и нужно опираться при осуществлении модернизации в регионе. Среди этой группы специалисты, служащие, представители бизнес-среды. Последним принадлежит особая роль в социально-экономическом развитии региона. Сегодня, по оценкам Правительства Вологодской области, в сфере малого и сред-

него бизнеса задействовано около трети общей численности занятых в экономике¹⁵⁰. Инвестиции и поддержка малого бизнеса будут развиваться. Доверие для этой группы имеет многофакторное значение. Оно обеспечивает взаимодействие внутри предпринимательских сетей, а также со стороны тех, на кого направлена их деятельность; доверие необходимо во взаимодействии с различными госструктурами. Вот почему данная группа требует к себе самого пристального внимания. Исследования в этом направлении еще предстоят.

Участие в общественной и политической жизни теряет свой смысл в глазах жителей области, поскольку они не видят общих целей с властными и общественными структурами, которым не доверяют. Отсутствуют и целевые программы на государственном или региональном уровне, которые могли бы объединить людей. Потеря смысла в общественной деятельности вызвана ещё и тем, что данный вид деятельности перестал быть востребован на уровне социума. Эта работа почти не поощряется, она не представляет интереса для средств массовой информации. Если в советский период истории страны общественная деятельность рассматривалась как характеристика гражданина, существовали устойчивые институциональные формы для ее осуществления, начиная с октябрятской звёздочки и заканчивая партийным или государственным лидерством, то в современных условиях гражданская активность остается невостребованной. Общественные организации либо решают узкие задачи объединившихся там людей, либо существуют формально. Низкий уровень активности граждан, низкая эффективность деятельности общественных организаций – всё это вместе взятое свидетельствует о наличии отчуждённости данных субъектов от государства, от власти, от общественной жизни. Формирование гражданского общества в нашей стране, и в Вологодской области в частности, – процесс сложный и длительный.

Наметилась тенденция к снижению активности граждан в других сферах. Исследование, проведённое ИСЭРТ РАН в 2008–2010 гг. в рамках проекта «Социокультурный портрет региона»¹⁵¹, выявило, в частности, изменения в характере использования жителями области своего

---

¹⁵⁰ Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://vologda-oblast.ru>

¹⁵¹ Модернизация экономики региона: социокультурные аспекты / А.А. Шабунова, К.А. Гулин, М.А. Ласточкина, Т.С. Соловьева. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012.

свободного времени. Здесь тоже наблюдается снижение активности. Реже посещаются общественные места, учреждения культуры. Явно наблюдается снижение спроса на культурные услуги, причём эта тенденция характерна для всей области и не зависит от типа поселения. Население отдаёт предпочтение пассивным формам досуга, таким как просмотр телепередач, использование сети Интернет¹⁵².

Снижение активности можно наблюдать ещё в одной сфере – это инновационная активность. Как отмечает куратор проекта «Социокультурный портрет региона» по Вологодской области д.э.н. А.А. Шабунова, «за последние 5 лет 14% жителей Вологодской области принимали участие в создании или внедрении чего-либо нового, из них 4% выступали в роли организатора, а 10% участвовали наравне с другими. Для каждого пятого вологжанина вопрос остался непонятен. В то же время следует отметить, что 14% – это своего рода норма активного участия в инновациях. Таким образом, инновационная активность населения области близка к норме, хотя низкий индекс инновативности говорит о том, что население недоиспользует свой потенциал»¹⁵³.

К числу негативных последствий низкого уровня институционального доверия можно отнести снижение ответственности граждан за происходящее в стране, в регионе, городе и т.д. Чем шире масштаб социального пространства, тем ниже самооценка граждан, тем выше уровень отчуждённости от происходящего (табл. 6). Люди ориентируются на свой малый круг: семью, друзей, работу.

Таблица 6. **Распределение ответов на вопрос: «Чувствуете ли Вы себя ответственным за состояние дел?»*** (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2011 г.	2013 г.	2014 г.	Изменение (+ / -) 2014 г.	
				к 2013 г.	к 2011 г.
<i>В Вашей семье</i>					
Да	77,9	80,4	82,0	+2	+4
Нет	13,3	10,5	10,5	0	-3
Индекс	164,6	169,9	171,5	+2	+7
Затрудняюсь ответить	8,8	9,1	7,5	-2	-1

¹⁵² Социокультурные аспекты развития территории / А.А. Шабунова, К.А. Гулин, Н.А. Окулова, Т.С. Соловьева. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. – С. 66-76.

¹⁵³ Шабунова А.А. Социокультурный портрет Вологодской области // Социальный капитал как ресурс модернизации в регионе: проблемы формирования и измерения: материалы Межрегиональной научно-практической конференции, 16–17 октября 2012 г.: в 2 ч. – Ч. 1. – ЧГУ, 2012. – С. 44-58.

Вариант ответа	2011 г.	2013 г.	2014 г.	Изменение (+ / -) 2014 г.	
				к 2013 г.	к 2011 г.
<i>У Вас на работе</i>					
Да	52,7	49,1	48,3	-1	-4
Нет	27,8	29,5	31,8	+2	+4
Индекс	124,9	119,6	116,5	-3	-8
Затрудняюсь ответить	19,5	21,4	19,9	-2	0
<i>В Вашем доме, дворе, где Вы живёте</i>					
Да	38,0	37,2	38,2	+1	0
Нет	40,7	38,1	43,4	+5	+3
Индекс	97,3	99,1	94,8	-4	-2
Затрудняюсь ответить	21,3	24,7	18,4	-6	-3
<i>В Вашем городе, районе</i>					
Да	15,6	10,9	14,8	+4	-1
Нет	57,1	57,6	60,5	+3	+3
Индекс	58,5	53,3	54,3	+1	-4
Затрудняюсь ответить	27,3	31,5	24,7	-7	-3
<i>В нашей области</i>					
Да	9,2	5,8	8,2	+2	-1
Нет	63,5	61,4	66,0	+5	+3
Индекс	45,7	44,4	42,2	-2	-4
Затрудняюсь ответить	27,3	32,8	25,8	-7	-2
<i>В стране в целом</i>					
Да	9,8	4,9	7,8	+3	-2
Нет	62,9	60,9	66,2	+5	+3
Индекс	46,9	44,0	41,6	-2	-5
Затрудняюсь ответить	27,3	34,1	26,0	-8	-1
* Вопрос задаётся 1 раз в год.					
Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области / ИСЭРТ РАН.					

Состояние отчуждённости, сопровождающее низкий уровень институционального доверия, приводит к тому, что вологжане демонстрируют все более высокий уровень неготовности участвовать в общественной жизни страны, неверие в собственные силы. Данные мониторинга свидетельствуют о неверии вологжан в возможность повлиять на состояние дел в стране, области, городе (районе), даже в своём доме, дворе (табл. 7). Более того, намечается рост отрицательных оценок.

Приведённые данные позволяют, с одной стороны, прояснить факторы, определяющие характер доверия общественным и государственным институтам, с другой – увидеть состояние дел в сообществах людей,

Таблица 7. **Как Вы считаете, можете ли Вы лично сегодня повлиять на состояние дел?*** (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2011 г.	2013 г.	2014 г.	Изменение (+ / -) 2014 г.	
				к 2013	к 2011
<i>В Вашей семье</i>					
Да	77,1	76,9	77,5	+1	0
Нет	12,7	12,8	13,2	0	+1
Затрудняюсь ответить	10,1	10,3	9,3	-1	-1
<i>У Вас на работе</i>					
Да	50,7	42,9	40,9	-2	-10
Нет	29,6	36,1	38,3	+2	+9
Затрудняюсь ответить	19,7	21,1	20,9	0	+1
<i>В Вашем доме, дворе, где Вы живёте</i>					
Да	35,6	34,5	33,5	-1	-2
Нет	42,7	41,1	47,1	+6	+4
Затрудняюсь ответить	21,7	24,5	19,4	-5	-2
<i>В Вашем городе, районе</i>					
Да	12,3	7,1	9,4	+2	-3
Нет	62,1	65,7	68,6	+3	+6
Затрудняюсь ответить	25,7	27,2	22,0	-5	-4
<i>В нашей области</i>					
Да	7,7	3,0	4,1	+1	-4
Нет	66,6	69,1	73,3	+4	+7
Затрудняюсь ответить	25,7	27,9	22,5	-5	-3
<i>В стране в целом</i>					
Да	6,6	2,5	3,7	+1	-3
Нет	67,4	69,5	73,5	+4	+6
Затрудняюсь ответить	26,0	27,9	22,8	-5	-3
* Вопрос задаётся 1 раз в год.					
Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области / ИСЭРТ РАН.					

в которых проявляются межличностные связи. Доверие, формирующееся по мере межличностного взаимодействия и сотрудничества, формируется в рамках формальных и неформальных институтов. Именно поэтому оно становится основой для создания социальных сетей, содействует усилению доверия к действующим институтам.

Следует различать оценку своей активности и готовность участвовать в деятельности каких-либо объединений. В этой связи наметившийся некоторый рост уровня готовности людей к взаимодействию, к объединению с другими можно трактовать двояко. С одной стороны, это тот потенциал, опираясь на который можно повысить эффективность структур гражданского общества. Здесь требуется работа активистов

НКО и органов МСУ, рассматриваемых нами как пограничная структура между гражданским обществом и государственной властью. МСУ отражает уровень объединения общества и государства, границы включения граждан в решение значимых для них государственных вопросов. С другой стороны, рост готовности к объединению может означать повышение степени неудовлетворённости деятельностью и МСУ, и госорганов. Это потенциал для объединения с целью выражения своих интересов, отличных от интересов власти.

Вопрос о том, какие социальные группы могут поддержать модернизационные процессы и станут их субъектами, – один из наиболее значимых. Выявить эти группы можно, изучая институциональное доверие в регионе. Выше мы отмечали, что в качестве опоры могут рассматриваться представители среднего класса. В качестве группы поддержки можно рассматривать жителей двух наиболее крупных городов области, являющихся её административными, культурными, промышленными центрами, – Вологды и Череповца. Жители именно этих городов наиболее активны в своих оценках. Это свидетельствует о том, что они имеют достаточное представление о деятельности государственных структур и общественных организаций, так или иначе сталкивались с ними, наблюдали их деятельность. Около 70% горожан высказывают свое отношение к действующим институтам, остальные относятся к категории либо «затрудняющихся с ответом», либо «никому не доверяющих», либо отказавшихся от ответа. Что касается сельской местности, то здесь доля выразивших свое доверие/недоверие к различным структурам составляет менее половины (около 45%). Большая же часть воздерживается от оценки. Данный факт может свидетельствовать не только об апатичности селян, но и об отсутствии у них необходимой информации. Вполне возможно, что жители малых городов и сельских поселений не видят эффекта от деятельности оцениваемых структур, их влияния на условия жизни, не связывают их деятельность с изменениями в своей жизни к лучшему. Низкий уровень и оценок, и активности оценивания в сельской местности требует более глубокого анализа складывающейся ситуации и может быть свидетельством снижения социального капитала, отсутствия условий для реализации потенциальных возможностей в силу утраты или ограниченности материальных, социальных, культурных ресурсов¹⁵⁴. Доверие способствует накоплению различных

---

¹⁵⁴ Кожина Т.П. Институциональное доверие: региональный аспект // Проблемы развития территории. – 2013. – № 3 (65). – С. 100-115.

активов в обществе. Это и социальные, и политические, и экономические, и культурные активы. Именно они обеспечивают воспроизводство социума на конкретной территории.

В качестве примера рассмотрим те активы, которые формируются в политической сфере. Здесь поддержку имеют, как уже отмечалось, институты авторитарного характера: государство, силовики, церковь. Деятельность структур гражданского общества выражена слабо, несмотря на то, что статистика свидетельствует о существовании в регионе значительного количества НКО.

Так, например, в Вологодской области, по данным Росстата, в 2013 г. было зарегистрировано 42 148 предприятий и организаций, из них 8689 (20,6%) по организационно-правовым формам являлись некоммерческими организациями. По сравнению с уровнем 2009 г. общая численность предприятий увеличилась на 15,8%, в то время как количество некоммерческих организаций снизилось на 1,7% (на 149 единиц)¹⁵⁵. При этом примерно каждая пятая НКО в 2013 г. и каждая четвёртая в 2009 г. являлись потребительским кооперативом (соответственно 21 и 24%).

Одновременно (по состоянию на 1 декабря 2014 г.) в Едином государственном реестре некоммерческих организаций по Вологодской области числилось 1932 НКО, в том числе 879 общественных объединений и 155 религиозных организаций. В список входят юридические, религиозные, профессиональные, ветеранские, женские, молодёжные, патриотические, творческие, спортивные организации, редакции газет, информационно-аналитические центры, благотворительные фонды, объединения по интересам, общества защиты прав потребителей, общества защиты животных, профсоюзы, казачьи общества, национально-культурные объединения и другие.

По данным Росстата, в 2013 г. в Вологодской области насчитывалось 1297 предприятий, собственность которых принадлежит некоммерческим и религиозным организациям. В период с 1995 по 2005 г. их численность возросла более чем в два раза (с 1005 до 2195 единиц), однако в дальнейшем наблюдается постепенное снижение (на 40,9% с 2005 по 2013 г.).

Несмотря на многочисленность НКО, уровень доверия к ним со стороны населения низок (табл. 8). Причин, на наш взгляд, несколько. Прежде всего, это ориентация деятельности только на узкий круг граждан,

---

¹⁵⁵ Регионы России [Эл. рес.]. – Реж. дост.: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14p/Main.htm

Таблица 8. **Представления жителей Вологодской области о деятельности общественных организаций** (2014 г., в % от числа опрошенных)

Знаете ли Вы о деятельности в Вологодской области некоммерческих (общественных) организаций (региональных отделений партий, профсоюзов, религиозных, правозащитных, благотворительных организаций, обществ и т.д.)?	
Лично сталкивался, определенно знаю	7,1
Что-то слышал	35,9
Ничего не знаю	35,5
Затрудняюсь ответить	21,5
Принимаете ли Вы участие в их деятельности или являетесь членом какой-либо из них?	
Являюсь членом организации	4,9
Принимаю участие как доброволец, волонтер	6,4
Не участвую и не состою	87,0
На Ваш взгляд, в какой степени некоммерческие (общественные) организации влияют на жизнь области?	
Оказывают большое влияние	5,3
Оказывают незначительное влияние	21,5
Не оказывают никакого влияния	24,6
Затрудняюсь ответить	48,6

чьи интересы они выражают. Ветеранские организации, организации инвалидов, филателистов, любителей животных и т.д. работают в основном с теми, кто входит в их состав по основному признаку (ветеран, инвалид, любитель). В их деятельности наблюдается замкнутость, ориентация на узкопрофильные интересы и неготовность объединяться с другими структурами для решения общезначимых задач. Деятельность большинства организаций не имеет ориентации на широкую общественность. Вот почему при оценке населением деятельности НКО мы получаем крайне низкие показатели вовлечённости граждан в их деятельность и информированности о существовании и деятельности этих организаций. Это снижает потенциал гражданского общества и уровень социального капитала региона.

Эксперты называют несколько причин упадка гражданской активности¹⁵⁶:

- ужесточение федерального законодательства по регистрации, отчетности и контролю за деятельностью НКО; этот вопрос в последние годы неоднократно ставился перед властью на многих переговорных площадках;

¹⁵⁶ Доклад о состоянии гражданского общества в Вологодской области [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.op35.ru/?action=view&aid=110&module=Articles> (дата обращения: 14.11.2014).

- слабая ресурсная база общественного сектора; по этой причине многие зарегистрированные организации, не найдя источников финансирования, свернули свою деятельность;
- разочарование граждан в возможности объединёнными силами решить уставные задачи организаций, особенно в части защиты прав своих членов, в условиях отчужденных взаимоотношений с властью;
- прекращение деятельности общественных объединений, имеющих льготы по налогообложению, в связи с отменой этих льгот;
- ликвидация лжеНКО, созданных в качестве звеньев в схемах «оптимизации» налогообложения;
- сокращение иностранных грантовых программ по поддержке некоммерческого сектора в России;
- чрезмерное ограничение условий и практическое отсутствие льгот по благотворительной деятельности граждан и предпринимательских структур;
- низкий общественный статус безвозмездного и добровольного труда граждан на общее благо¹⁵⁷.

Конкретная оценка реально действующих НКО возможна при осуществлении специальных социологических исследований, проводимых опросными методами. По материалам опроса, проведенного Институтом социально-экономического развития территорий РАН в 2008 г., участие жителей области в общественных организациях характеризуется следующими данными. На вопрос: «Являетесь ли Вы членом какой-либо общественной организации?» получены следующие ответы (в % от числа опрошенных): профсоюзы – 11,2%; политические партии – 1,3%; общество ветеранов – 0,2%; общество инвалидов – 0,1%. Не являются членами общественных организаций 85,3% населения; отказались от ответа – 1,9%¹⁵⁸.

Подводя некоторые итоги, следует отметить, что для развития региона, для развертывания в нем эффективных модернизационных процессов необходима оценка имеющихся социальных ресурсов, и прежде всего социального капитала, основным показателем которого выступает доверие. Доверие нельзя рассматривать в статике. Оно представляет

---

¹⁵⁷ Доклад о состоянии гражданского общества в Вологодской области [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.op35.ru/?action=view&aid=110&module=Articles> (дата обращения 14.11.2014.)

¹⁵⁸ Социокультурные аспекты развития территории / А.А. Шабунова, К.А. Гулин, Н.А. Окулова, Т.С. Соловьева. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. – С. 94-95.

собой процесс весьма динамичный по своему характеру, многообразный по формам и социальным функциям. Носителями доверия выступают различные акторы. И для выстраивания модернизационной политики важно понять, какие социальные группы являются носителями модернизационного потенциала, насколько они готовы им воспользоваться. Важно понять и обратную сторону процесса: каков уровень доверия властных структур своим гражданам. Это даст возможность оценить уровень и характер существующей реципрокности. Изучение доверия населению со стороны власти позволило бы поставить в равное положение партнеров доверительных отношений.

Возникает необходимость в разработке и реализации программы, ориентированной на возрождение социального доверия, содержащей меры, способные повысить гражданскую активность. Такая программа должна иметь своим основанием социальную политику региональной власти. В ней должны быть выделены направления деятельности власти по обеспечению гражданам условий для создания достойной жизни и для самореализации творческого (трудового) потенциала; по доступности качественного образования; по минимизации социальных рисков и по защите отдельных социальных групп; по обеспечению социального партнёрства и баланса экономической свободы и общественных интересов; по формированию среднего класса и снижению уровня социальной поляризации; по развитию местного самоуправления, являющегося основным показателем реальной демократии и приближения власти к народу.

Для разработки программы необходим не только анализ ситуации, но и поиск способов воздействия на акторов: в одном случае с целью повышения компетентности, стимулирования инновационной активности, в другом – для снижения уровня агрессивности. Итогом программы должна стать оценка достигнутого уровня доверительности, зрелости гражданского общества, достижения целей модернизации.

2.2. Политическое доверие в контексте отношений между гражданским обществом и государством (региональной властью)

Доверие является одним из важнейших факторов, определяющих характер социальных отношений, способствующих установлению горизонтальных и вертикальных общественных связей, поддержанию устойчивости и интегрированности общества. Доверие выступает соци-

альным механизмом, характеризующим эффективность или значимость различных институтов общества. Доверие способствует консолидации общества, являясь основанием для отношений сотрудничества и солидарности, формирования гражданских ассоциаций (общественные и инициативные движения, политические партии, клубы по интересам, этнические, религиозные объединения, группы взаимопомощи и др.)¹⁵⁹. Подчеркивая роль доверия в организации общественной жизни, американский социолог А. Селигмен отмечает, что только на основе доверия власти возможно поддержание порядка в долгосрочной перспективе¹⁶⁰. Э. Гидденс определяет доверие как уверенность в надёжности личности или системы. Поле доверия охватывает межличностные, экономические политические отношения, распространяется на институты и организации, на символическую систему и на социальный порядок в целом¹⁶¹. При этом доверие к абстрактным системам (таким, как принципы демократии, правительство, государственное страхование, национальная валюта, научное и профессиональное знание) обеспечивает ощущение надёжности повседневных отношений¹⁶². П. Штомпка подчёркивает значимость социального доверия как предпосылки жизнеспособности политической системы¹⁶³. Он акцентирует внимание на таком определяющем результате трансформационных изменений на посткоммунистическом пространстве, как «синдром недоверия» политическому режиму, экономической и общественной системе в целом. При этом альтернативным выходом для человека становится доверие в рамках товарищеских отношений и изначальных социальных групп (семьи, этноса, религиозной общности и др.). Расширение поля недоверия как в горизонтальных общественных отношениях, так и в вертикальных влечет за собой серьёзные социальные проблемы – от различных форм напряжённости и отчуждения до открытых конфликтов. Такими же индикаторами климата общественного недоверия являются массовая эмиграция, «бегство» капиталов, самоизоляция в закрытом мире семьи или каких-либо других узких групп.

---

¹⁵⁹ Заболотная Г.М. Феномен доверия и его социальные функции [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://kk.convdocs.org/docs/index-28204.html>

¹⁶⁰ Селигмен А. Проблема доверия: пер. с англ. – М: Идея-Пресс, 2002. – 200 с.

¹⁶¹ Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1991. – Pp. 256.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Sztompka P. *Trust: A Sociological Theory*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – Pp. 214.

В сфере вертикальных политических взаимоотношений индикаторами недоверия являются абсентеизм (отказ от участия в выборах), сокращение социальной базы поддержки институтов власти, акции протеста против официального политического и экономического курса. Кроме того, неуверенность в эффективности официальных структур и институциональных процедур приводит к расширению области использования неформальных практик, несмотря на их противозаконный или полуполюгальный характер. Взятки, блат, бартер, «крыша» – формы проявления квазидоверительных отношений, компенсирующие отсутствие базового доверия¹⁶⁴. Как отмечают исследователи, в постсоветском обществе наблюдается в целом отрицательный баланс между доверием и недоверием: отсутствие доверия к экономической и политической системе заменяется доверием к отдельным личностям¹⁶⁵.

Необходимость диалога власти и общества на основе взаимного доверия в последнее десятилетие всё чаще отмечается на федеральном уровне власти. В 2004 г. Президентом РФ В. Путиным была озвучена идея создания общественных экспертных советов и общественной палаты «как площадки для широкого диалога, где могли бы быть представлены и подробно обсуждены гражданские инициативы, как места проведения общественной экспертизы ключевых государственных решений и законопроектов»¹⁶⁶. Общественная палата была сформирована в 2009 г. соответствии с Федеральным законом «Об Общественной палате Российской Федерации»¹⁶⁷ от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ. Важность «совместной работы государства и общества», гражданского участия в принятии ключевых государственных решений была подчеркнута В. Путиным в его Послании Федеральному Собранию РФ 12 декабря 2013 года. В последние годы в стране создаются общественные советы при органах исполнительной государственной власти. Уже в течение нескольких лет работают такие институты общественного контроля, как Общественная палата России, общественные палаты субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, общественные советы муниципальных

---

¹⁶⁴ Урбан М. Социальные отношения и политические практики в посткоммунистической России // Полис. – 2002. – № 4.

¹⁶⁵ Вершинин С.В. Социальное недоверие как проблема постсоветского общества [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.werschinin.ru/?ml=28>

¹⁶⁶ Выступление Президента России на расширенном заседании Правительства 13 сентября 2004 года [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.1tv.ru/news/polit/81339>

¹⁶⁷ Об Общественной палате Российской Федерации (с измен. и дополн.): Фед. зак. от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://base.garant.ru/12139493/>

органов, общественные советы при федеральных органах исполнительной власти. Так, в 2013 г. в Вологодской области созданы общественные советы (31) при всех органах государственной исполнительной власти¹⁶⁸. С августа 2014 г. вступил в действие Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» от 21.07.2014 № 212-ФЗ¹⁶⁹. Вместе с тем созданные общественные структуры сталкиваются в своей деятельности с определёнными трудностями. Зачастую «мнение общества остаётся без внимания...при принятии законов»¹⁷⁰.

Ведущие российские исследователи подчёркивают важность определения состояния гражданского общества в России в целом и в конкретном регионе, понимания того, на какой стадии развития гражданское общество находится или находилось¹⁷¹. Гражданский потенциал общества измеряется как совокупность мнений граждан о политике государства, ее социальной и гражданской направленности, функционировании в интересах граждан социальных и политических институтов¹⁷².

Ключевым фактором развития гражданского общества является доверие людей на уровне межличностных отношений и по отношению к действующим в стране государственным и общественным институтам. Международный сравнительный анализ институционального доверия в течение многих лет проводит американское PR-агентство «Edelman PR Worldwide» в рамках программы Trust Barometer. Результаты проекта ежегодно в январе представляются на Всемирном экономическом форуме в Давосе (Швейцария)¹⁷³. Основной целью этого исследования является определение в различных странах мира уровня доверия представителей элитных социальных групп – «informed public» (людей с высшим образованием, высоким уровнем дохода, регулярно пользующихся деловой и политической информацией) таким ключевым институтам, как государство, бизнес, СМИ, неправительственные организации. В

---

¹⁶⁸ Публичный доклад о результатах деятельности Департамента внутренней политики Вологодской области за 2013 год [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.vologda-oblast.ru>

¹⁶⁹ Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Фед. зак. от 21.07.2014 № 212-ФЗ [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.pravo.gov.ru>

¹⁷⁰ Встреча Президента РФ с членами Общественной палаты 9 июля 2014 г. [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.kremlin.ru/transcripts/46177>

¹⁷¹ Левашов В.К. Гражданское общество в современной России (социологические измерения). – М.: ИСПИ РАН, 2006. – 52 с.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ В январе текущего года представляются данные прошедшего года, в котором проводились опросы.

начале 2010-х годов первые позиции по доверию занимают так называемые растущие рынки (ОАЭ, Китай). В развитых западных странах, особенно в США и Франции, с 2014 г. отмечаются негативные изменения – переход из группы «нейтральных» (neutral) в группу «недоверяющих» (distrusters). Исследователи Edelman Trust Barometer полагают, что «западный скептицизм укрепляется, растущие рынки развиваются»¹⁷⁴. Российская Федерация в мировом рейтинге институционального доверия до 2015 г. находилась на последних позициях, несмотря на положительные изменения в период с 2012 по 2014 г., когда средний показатель увеличился с 32 до 37%. (табл. 9). В 2015 г. позитивная тенденция усилилась: Россия впервые вошла в первую десятку стран по доверию власти и масс-медиа (сохранив при этом низкие позиции по доверию бизнесу и особенно неправительственным организациям – НПО). Страна по-прежнему остаётся «недоверяющей», однако средний уровень доверия (45%) заметно приблизился к «нейтральному» (50%).

Таблица 9. **Уровень доверия ключевым институтам среди информированного населения в возрасте 25–64 лет** (6–9 баллов по 9-балльной шкале; в % от числа опрошенных)

Институт	Среднемировое значение					Россия					Рейтинг России среди				
											23 стран	26 стран		27 стран	
	2011	2012	2013	2014	2015	2011	2012	2013	2014	2015	2011	2012	2013	2014	2015
Власть	52	43	48	45	48	39	26	29	27	54	22	24	24	22	6
Бизнес	56	53	59	59	57	41	41	40	45	45	23	20	25	23	23
Масс-медиа	49	52	57	53	51	37	33	38	35	44	18–20	25*	25	25	9
НПО	61	58	63	66	63	42	28	40	41	38	23	25*	25	26	25
Среднее	55	51	57	56	55	40	32	36	37	45	22	25*	26	26	22

* Среди 25 стран.
 Источник: Edelman Trust Barometer [Эл. pec.] – Реж. дост.: <http://www.edelman.com>

Уровень доверия ключевым институтам среди всего населения, как правило, ниже, чем в категории «лидеров мнений». К 2015 г. почти две трети из исследуемых 27 стран стали «недоверяющими», за год их число увеличилось с 13 до 17, а средний уровень доверия по сравнению с предыдущим годом немного уменьшился (с 47 до 46%). В России наблюдается тенденция роста, хотя и в меньшей степени, чем среди «информированной» части населения, – с 37 до 40%.

¹⁷⁴ About trust: global results [Эл. pec.] – Реж. дост.: <http://www.edelman.com/insights/intellectual-property/>

Необходимо отметить, что для РФ характерна существенная дифференциация в социально-экономическом развитии на региональном и внутрирегиональном уровне, что обуславливает специфику доверия¹⁷⁵. В то же время общим для населения страны является доверие в первую очередь главе государства. Это объясняется преобладанием патерналистских установок населения и общественного запроса на порядок в стране. Согласно данным исследования НИУ ВШЭ, наиболее важными демократическими ценностями для россиян выступают закон, порядок и справедливые суды. По степени значимости эти ценности опережают такие, как свободные и честные выборы, свобода слова, независимая пресса и политическая оппозиция¹⁷⁶.

В период с 2013 по 2014 год существенно возрос уровень доверия Президенту РФ: в Вологодской области – с 47 до 57% (табл. 10), в целом по России – с 55 до 79% (по данным Левада-центра¹⁷⁷). Это связано с поддержкой населением решения о присоединении Крыма к России и политики президента по отношению к Украине. Вслед за поддержкой президента укрепилось доверие федеральной исполнительной и законодательной власти: Правительству РФ (с 40 до 47%), Совету Федерации (с 35 до 40%), Государственной Думе (с 32 до 35%), а также Общественной палате РФ (с 30 до 33%). В 2013–2014 гг. наблюдается более высокий по сравнению с предыдущими периодами уровень доверия силовым структурам. Так, в период с 2007 по 2014 г. уровень доверия армии, прокуратуре, полиции возрос на 8–10 п.п. (с 28–32 до 36–39%). Это может свидетельствовать об одобрении политики укрепления данных институтов, которые связываются в представлении людей с наведением порядка в стране.

В соответствии с обозначенными приоритетами доверие таким общественным институтам, как некоммерческие организации, профсоюзы, СМИ, жители области оказывают реже (в пределах 24–30% за весь период измерений). Эти оценки не подверглись изменениям за последний год, в отличие от оценок в стране в целом, где зафиксирован рост доверия печати, радио, телевидению (с 24 до 36%) и профсоюзам (с 18 до 28%).

---

¹⁷⁵ Николаев И.А., Точилкина О.С. Экономическая дифференциация регионов: оценки, динамика, сравнения: аналитический доклад. – М., 2011; Калужнова Н.Я. Экономика недоверия // Экономика региона. – 2014. – № 1. – С. 56-66.

¹⁷⁶ Козырева П.М., Смирнов А.И. О границах политического доверия // Власть. – 2014. – № 5. – С. 5-10.

¹⁷⁷ Доверие институтам власти [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.levada.ru/13-11-2014/doverie-institutam-vlasti>. (Приведена доля респондентов, выбравших вариант ответа «Вполне заслуживает доверия».)

Таблица 10. **Динамика уровня доверия действующим в стране государственным и общественным институтам*** (в % от числа опрошенных)

Полностью/ в основном доверяю	2007	2011	2012	2013	2014	Изменение +/- 2014 к		
						2013	2011	2007
<i>Уровень доверия > 55%*</i>								
Президенту РФ	60,3	50,5	45,7	47,0	57,0	+10	+7	-3
<i>Уровень доверия > 40%</i>								
Правительству РФ	41,9	47,4	39,6	40,4	48,4	+8	+1	+6
Церкви	44,8	47,5	41,4	43,9	44,7	+1	-3	0
Совету Федерации	34,9	35,5	32,3	34,6	40,2	+5	+5	+5
<i>Уровень доверия >35%</i>								
Прокуратуре	31,1	35,4	33,9	40,1	38,6	-1	+3	+7
Армии	28,7	34,1	31,3	37,5	37,9	0	+4	+9
Руководству области	40,6	36,6	34,6	37,8	37,5	0	+1	-3
Суду	32,1	35,8	36,1	39,3	36,9	-2	+1	+5
ФСБ	34,2	35,8	33,2	37,5	36,4	-2	+1	+2
<i>Уровень доверия от 30 до 35%</i>								
Полиции	28,3	32,1	29,3	33,7	35,4	+2	+3	+7
Государственной думе	29,5	32,0	30,5	31,6	35,2	+3	+3	+6
Органам местного самоуправления	32,3	33,9	29,3	32,7	35,1	+2	+1	+3
Общественной палате РФ**	-	27,3	28,1	29,9	32,8	+3	+6	-
<i>Уровень доверия >25%</i>								
Общественной палате области**	-	25,7	25,4	29,2	29,4	0	+4	-
СМИ	27,5	28,7	29,5	30,2	27,8	-2	-1	0
Профсоюзам	28,6	30,0	25,6	27,8	26,6	-1	-3	-2
Общественным организациям	24,4	26,7	26,5	26,8	25,5	-1	-1	+1
<i>Уровень доверия < 25%</i>								
Директорам, руководителям предприятий	23,6	22,3	25,1	27,5	21,9	-6	0	-2
Политическим партиям, движениям	17,6	22,8	20,9	20,4	20,2	0	-3	+3
Банковским, предпринимательским кругам	21,3	20,4	21,3	23,4	18,9	-4	-2	-2
* Ранжировано по 2014 г.								
** Институт включён в список в 2010 г.								
Примечание. Полу жирным шрифтом выделены институты гражданского общества.								

Политические партии пользуются доверием примерно у каждого пятого жителя области. Как показали результаты исследования ИСЭРТ РАН, значительная доля населения не видит в действующих в настоящее время партиях выразителей своих интересов, причём в период с 2007 по 2014 г. этот показатель возрос почти в два раза (с 18 до 35%). Низкий

уровень доверия партиям отмечается и в целом по стране. По результатам исследования Левада-центра, в 2013 г. им доверяло 12% населения, в 2014 г. – 18%¹⁷⁸.

Наряду с политическими партиями на последних позициях по уровню доверия находятся банки и руководители предприятий, уровень доверия которым за последний год снизился соответственно с 23 до 20% и с 28 до 23%. Ухудшение оценок может быть вызвано снижением доходов населения и активизацией его кредитования по высоким процентам. По данным статистики, в последние годы отмечается снижение роста реальных денежных доходов населения. По сравнению с уровнем предыдущего года этот рост составил: в 2012 г. – 10,1%, в 2013 г. – 5,4%, в 2014 г. – 1,8%¹⁷⁹. Нужно отметить также, что это восстановительный рост после кризиса 2008 и 2009 годов, вызвавшего снижение доходов соответственно на 1,3 и 9,6%.

Таким образом, уровень доверия общественным институтам значительно ниже, чем государственным, за исключение церкви, которая в сознании россиян тесно связана с государством. В XVII – начале XX века РПЦ входила в систему органов государственного управления, а в современный период пользуется поддержкой со стороны государства. В этих условиях доверие церкви во многом обусловлено спецификой патерналистского мировоззрения, этатистской сущностью российского общества¹⁸⁰.

Если институциональное доверие можно рассматривать как обезличенное доверие организациям, которые реализуют официально установленные правила, нормы и предписания, то межличностное доверие позволяет активно осуществлять интеракции (коммуникации) между людьми и на этом основании укреплять общество¹⁸¹.

Как показывает исследование ИСЭРТ РАН, более половины населения области готово доверять только ближайшему окружению – родственникам и друзьям (в среднем за 2010–2014 гг. – 55%; табл. 11). Доля лиц

---

¹⁷⁸ Доверие институтам власти [Эл. pec.]. – Реж. дост.: <http://www.levada.ru/13-11-2014/doverie-institutam-vlasti> (Приведена доля респондентов, выбравших вариант ответа «Вполне заслуживает доверия».)

¹⁷⁹ Уровень жизни: стат. сб. [Эл. pec.] / Вологдастат. – Реж. дост.: http://vologdastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/vologdastat/resources/

¹⁸⁰ Молодов О.Б. Доверие как фактор консолидации общества // Вопросы территориального развития. – 2013. – № 3. – С. 4.

¹⁸¹ Кривоусков В.В. Доверие в консолидации российского общества: социологическая концептуализация и институциональная оптимизация: автореф. дис. ... д. соц. наук (22.00.04). – Р/нД., 2013. – 51 с.

с высоким уровнем доверия за рассматриваемый период не превышала 19% (в 2014 г. – 15%), что заметно ниже общероссийского уровня. По результатам международного исследования Всемирного обзора ценностей (World Values Survey) (2010–2014 гг.), доля жителей России, полагающих что «большинству людей можно доверять», превысила среднемировое значение (28% против 25%), но значительно отстаёт от уровня стран-лидеров¹⁸².

Таблица 11. **Кому Вы можете доверять?** (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2010	2011	2013	2014	Среднее за 2010 – 2014
В наше время никому нельзя доверять	26,1	24,7	27,9	27,9	26,7
Только самым близким друзьям и родственникам	58,1	56,5	52,5	53,4	55,1
Большинству знакомых мне людей можно доверять	12,8	16,1	15,2	12,2	14,1
Доверять нужно всем людям без исключения	2,3	2,5	1,6	3,1	2,4

Межличностное доверие способствует сплочённости, согласию в обществе. Сплочённость характеризуется также эмоциональной вовлечённостью, удовлетворенностью принадлежностью к групповой общности, целенаправленной деятельностью в общих интересах. Уровень сплочённости определяется степенью единства ценностных установок, мнений по ключевым направлениям функционирования социума.

Позиция России по отношению к событиям на Украине в марте – апреле 2014 г. И присоединение Крыма и Севастополя к Российской Федерации в качестве её субъектов послужили фактором роста сплочённости в обществе. По сравнению с 2013 г. в наиболее значительной степени улучшились оценки сплочённости на уровне страны: доля положительных суждений увеличилась с 14 до 29%, впервые превысив соответствующий показатель в отношении региона (табл. 12). Выступает ли это проявлением тенденции или носит ситуативный характер, покажут дальнейшие исследования.

¹⁸² По результатам 6-й волны исследования (2010–2014 гг.) в пятёрку стран с наиболее высоким уровнем межличностного доверия входят Нидерланды (66,1%), Китай (60,3%), Швеция (60,1%), Новая Зеландия (55,3%), Австралия (51,4%). Наименьшим уровнем доверия (от 3,2 до 5,0%) отличаются Тринидад и Тобаго, Филиппины, Колумбия, Гана (WVS Wave 6 (2010–2014); WVS Wave 5 (2005–2009) [Эл. pec.]. – Реж. дост.: <http://www.worldvaluessurvey.org>).

Таблица 12. **Как Вы считаете, чего сегодня больше: согласия, сплочённости или несогласия, разобщённости?** (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2011	2013	2014	Изменение (+ / -) 2014 к	
				2013	2011
<i>В нашей стране</i>					
Больше согласия, сплочённости	14,2	14,1	28,9	+15	+15
Больше несогласия, разобщённости	61,1	59,5	44,1	-15	-17
<i>В нашей области</i>					
Больше согласия, сплочённости	19,3	15,9	26,9	+11	+8
Больше несогласия, разобщённости	55,6	54,4	44,7	-10	-11
<i>В месте Вашего проживания</i>					
Больше согласия, сплочённости	24,1	28,4	39,1	+11	+15
Больше несогласия, разобщённости	51,5	44,3	34,3	-10	-17
<i>В Вашем окружении</i>					
Больше согласия, сплочённости	46,9	52,1	61,4	+9	+15
Больше несогласия, разобщённости	29,3	23,2	18,3	-5	-11
Примечание. Сумма ответов меньше 100%, т.к. не представлен вариант «Затрудняюсь ответить».					

В значительной, хотя и меньшей степени за последний год возрос удельный вес положительных оценок сплочённости на уровне региона (с 16 до 27%), места проживания (с 28 до 39%), семьи и ближайшего окружения (с 52 до 61%). В отношении ситуации на территории проживания в 2014 г. можно отметить, что впервые за весь период измерений был отмечен баланс в сторону положительных отзывов.

Несмотря на эти позитивные изменения, при оценке согласия и сплочённости в стране и регионе продолжают преобладать негативные суждения, и этот разрыв, даже после существенного снижения в 2014 г. по сравнению с предыдущими годами, достигает 1,5–1,7 раза. По-прежнему наиболее значительные категории населения наблюдают согласие и сплочённость только в своём ближайшем окружении. Такие оценки подтверждают выводы исследователей об аномии, уходе в частную жизнь, отчуждении от власти, укрепляющейся привычке надеяться только на собственные силы¹⁸³. На согласие и сплочённость на уровне страны и региона чаще всего указывают те, кто проживает в сёлах, небольших городах и посёлках области, лица со средним и неполным средним образованием, а также в возрасте 18–30 и старше 55 лет и 20%-я группа наименее обеспеченных жителей области. В то же время на уровне места

¹⁸³ Sztompka P. Trust: A Sociological Theory. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – Pp. 214; Кара-Мурза С.Г. Аномия в России: причины и проявления [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://litfile.net/web/410204/423000-424000> 7

проживания и ближайшего окружения самые высокие оценки дают жители области с высшим и незаконченным высшим образованием и население Череповца.

Как следует из результатов исследования ИСЭРТ РАН, основной формой гражданского участия жителей Вологодской области являются выборы. Так, своё участие в парламентских и президентских выборах в декабре 2011 г. и марте 2012 г. подтвердили 65–68% населения (табл. 13), участие в муниципальных выборах в сентябре 2013 г. – 41%.

Таблица 13. В каких мероприятиях общественной и политической жизни Вам приходилось участвовать в текущем/ прошлом году?* (в % от числа опрошенных)

Мероприятие	2011 г. (декабрь)	2013 г. (февраль)	2014 г. (апрель)	Изменение (+/-) 2014 г. к	
				2013 г.	2011 г.
Выборы	68,3	64,9	41,4	-24	-27
Коллективное благоустройство, субботники	12,1	15,5	17,1	+2	+5
Сбор пожертвований, средств, вещей для нуждающихся	6,9	6,3	9,9	+4	+3
Работа ТСЖ, домового комитета, совета самоуправления	6,1	6,9	8,2	+1	+2
Проведение избирательной кампании	4,7	5,3	3,7	-2	-1
Деятельность общественных организаций	4,2	2,7	3,5	+1	-1
Деятельность профсоюзных организаций	2,7	3,8	3,5	0	+1
Ни в чем подобном не участвовал	20,6	29,0	43,7	+15	+23

* В зависимости от месяца опроса вопрос задавался о событиях текущего или прошедшего года.

Другая традиционная форма общественного участия – субботники по благоустройству территории. В период с 2011 по 2014 г. наблюдается рост подобного вида гражданской активности населения (с 12 до 17%). Более популярным становится и участие в благотворительности: 10% в 2014 г. против 6–7% в 2011–2013 гг. Постепенно активизируется и участие населения в работе по управлению многоквартирными домами (с 6% в 2011 г. до 8% в 2014 г.).

По оценкам, в выборах муниципального уровня чаще принимают участие жители районов (54%), лица со средним специальным образованием (49%), население в возрасте старше 55 лет (46%), а также 20%-я группа наиболее обеспеченных жителей области (44%). Наименьшая «избирательная активность» зафиксирована в 2014 г. в Вологде (28%), а наиболее значительное снижение доли участвующих в выборах по сравнению с уровнем 2011 и 2013 гг. – в Череповце (31% против 70–78%).

Участие в деятельности общественных организаций и профсоюзов привлекает только 3–4% населения области. Непопулярна и работа в религиозных организациях, в отделениях политических партий (1% и менее). При этом на фоне отсутствия выборов федерального уровня в период с 2011 по 2014 г. более чем в два раза возросла доля тех, кто не принимает участия в общественных мероприятиях (с 21 до 44%).

Недостаточная гражданская активность населения, отмечаемая и на общероссийском уровне, связана с низким уровнем общественной инициативы, иждивенческой позицией граждан, ожидающих, что всё за них должны устроить власти, отсутствие желания участвовать в какой-либо форме в решении местных вопросов. Ярким показателем этой тенденции стало снижение явки на местные выборы, прошедшие в сентябре 2013 года, когда был зафиксирован своего рода исторический минимум: явка во многих крупных городах страны была ниже 20%¹⁸⁴. В Вологодской области также отмечена низкая явка на муниципальные выборы, особенно в крупных населённых пунктах. Так, явка на выборы главы г. Вологды составила 22,9%; главы городского поселения г. Бабаево – 29,8%, глав Вологодского, Череповецкого, Бабаевского, Вашкинского районов – в пределах 33,1–42,3%; глав сельских поселений Борисовское, Андреевское, Вепское национальное – 47,0–57,5%.

Основные препятствия для проявления общественной активности жители области видят в психологических установках – безразличии, привычке надеяться на других, в том числе на власть (в 2014 г. 23–24%; табл. 14). Вместе с тем не менее важными оказываются такие факторы социального характера, как неверие в возможность повлиять на решения властей и даже боязнь преследований. По сравнению с уровнем 2008 г. доля тех, кто считает главной причиной безразличное отношение к общественно значимым делам, снизилась почти в два раза (с 44 до 24%), но увеличилась значимость фактора неверия (с 21 до 27%). Кроме того, за два последних года чаще, чем в предыдущие периоды, в качестве главного препятствия для проявления гражданской активности указывается фактор занятости, нехватки времени (15–16% в 2013–2014 гг. против 10–12% в 2008–2011 гг.). В условиях замедления экономического роста людям требуется прикладывать больше усилий для поддержания достойного уровня жизни.

---

¹⁸⁴ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2013 год [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.oprf.ru/documents/1151/2013/>

Таблица 14. **Какие препятствия Вы считаете главными для общественной активности и проявления людьми своей гражданской позиции?** (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2008	2011	2013	2014	Изменение (+ / -) 2014 г. к		
					2013	2011	2008
Безразличие к общим делам, индивидуализм	43,5	26,2	24,1	23,5	-1	-2	-20
Неверие в возможность оказывать влияние на решения властей	20,7	24,3	27,2	22,7	-5	-2	+2
Привычка надеяться на готовое, в том числе на власть	24,8	19,1	22,0	21,9	0	+3	-3
Боязнь наказания, преследований со стороны вышестоящих руководителей, властей, правоохранительных органов	–	15,9	19,9	19,7	0	+4	–
Недостаток знаний, некомпетентность	20,9	15,2	19,1	15,9	-3	+1	-5
Недостаток времени, чрезмерная занятость	9,9	12,3	15,5	15,0	-1	+3	+5
Отсутствие способности к организации	9,5	8,3	11,1	10,7	0	+3	+1
Опасения негативной реакции со стороны окружающих	–	6,7	9,4	7,4	-2	0	–
Затрудняюсь ответить	14,9	27,3	29,7	29,9	0	+3	+15

Очевидно, общественное участие не является для людей мотивирующим фактором – не рассматривается как возможность продвижения по социальной лестнице, как способ повышения социального статуса. В то же время общественная деятельность может и должна стать важнейшим каналом вертикальной мобильности¹⁸⁵. В этой связи особенно актуальны создание комфортной среды для проявления гражданского участия, поиск механизмов стимулирования гражданской активности, самоорганизации гражданского общества.

При этом важно выяснить, насколько население готово к самоорганизации, взаимодействию на уровне согласования социально значимых целей с целью улучшения уровня и качества своей жизни. По данным исследования ИСЭРТ РАН, в Вологодской области отмечается тенденция роста потенциала гражданского участия. В период с 2011 по 2014 г. представительство жителей области, заявивших о готовности объединиться с другими людьми для совместных действий по защите своих интересов, увеличилось с 47 до 55% (табл. 15), удельный вес отрицательных суждений снизился более чем в полтора раза (с 25 до 15%). Позитивные изменения зафиксированы во всех социально-демографических группах. Примечательно, что, в отличие от ситуации с реальным участием,

¹⁸⁵ Малышев В.А. Социальные лифты в жизни российской молодёжи [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.dissercat.com/content/sotsialnye-lifty-v-zhizni-rossiiskoi-molodezhi/>

потенциал гражданского участия в городах Вологде и Череповце заметно выше, чем в районах области (59–60% против 50% в 2014 г.).

По данным ФОМ, в 2013 г. (март) в целом по России готовность к объединению выразило 59% населения, неготовность – 29%¹⁸⁶. Позитивные установки в большей степени характерны для жителей Москвы (74%), людей с высшим образованием (69%), имеющих доход свыше 20 тыс. рублей. Для жителей Вологодской области характерен высокий по сравнению с общероссийскими данными уровень неопределённых суждений (в 2013 г. – 37% против 12% в РФ).

Таблица 15. **Готовы ли Вы объединиться с другими людьми для каких-либо совместных действий по защите общих интересов?** (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2011	2013	2014	Изменение (+/-) 2014 к	
				2013	2011
Готов и скорее готов	47,1	43,0	54,6	+12	+8
Не готов и скорее не готов	25,2	19,9	15,1	-5	-10
Затрудняюсь ответить	27,7	37,1	30,3	-7	+3

Таким образом, в современном мире вовлечённость людей в практики гражданского участия, взаимодействие государства и общества являются необходимым условием социально-экономического развития. Выразителями интересов граждан выступают институты гражданского общества. Не случайно исследованию тенденций развития гражданского общества на мировом, российском, региональном, муниципальном уровнях в последние два десятилетия уделяется всё больше внимания. С целью обеспечения общественного участия в принятии государственных решений в России предпринимается следующее:

- делаются попытки законодательно оформить отношения государства и институтов гражданского общества¹⁸⁷;
- уделяется большое внимание повышению прозрачности деятельности органов власти и общественных организаций;
- создаются региональные общественные палаты и общественные советы при органах власти;

¹⁸⁶ Ресурсы российского добровольческого движения. Аналитический доклад по результатам исследований Фонда общественного мнения 2012–2013 гг. [Эл. pec.]. – Реж. дост.: <http://corp.fom.ru/posts/184-broshjura-fom-resursy-rossijskogo-dobrovolcheskogo-dvizhenija> 18

¹⁸⁷ О некоммерческих организациях (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.01.2012): Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 16.11.2011) [Эл. pec.]. – Реж. дост.: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=law;n=117981/>

- существенно растёт финансовая поддержка деятельности НКО со стороны государства.

Вместе с тем исследователи отмечают невысокий уровень развития гражданского общества в России (как и на постсоветском пространстве в целом), выделяя факторы, препятствующие развитию гражданского общества, такие как:

- низкий уровень доверия населения некоммерческим (общественным) организациям и слабая вовлечённость людей в их деятельность;

- распространённость неинституционализированных форм гражданского участия, охватывающих, как показывают результаты общероссийских социологических опросов, 40–60% населения страны;

- наличие проблем материального и организационного характера, слабость ресурсной базы НКО;

- недостаточная информационная поддержка институтов гражданского общества со стороны СМИ;

- установление опосредованного государственного надзора над общественным контролем (согласно закону «Об основах общественного контроля в РФ» общественный контроль может осуществляться только общественными палатами и общественными советами при органах власти и создаваемыми ими структурами)¹⁸⁸;

- принятие неоднозначных законов, имеющих запретительный характер (таких, как «закон об иностранных агентах»¹⁸⁹, «имеющий крайне расплывчатое законодательное определение», что приводит к «высокой степени произвола и избирательного подхода в процессе

---

¹⁸⁸ Об основах общественного контроля в Российской Федерации [Эл. рес.]: Федеральный закон от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>; Диалог. Солидарность. Ответственность. Предложения Общероссийского гражданского форума [Эл. рес.]. – Режим дост.: http://civil-forum.ru/news/predlozheniya_obshcherossiyskogo_grazhdanskogo_foruma.html

¹⁸⁹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента: Федеральный закон от 20 июля 2012 г. № 121-ФЗ [Эл. рес.]. – Режим дост.: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/409556/#ixzz31UYmvYQa> 19

По поручению Президента РФ Министерством юстиции предложен механизм выхода НКО из реестра «иностраннных агентов»: О внесении изменений в статьи 27 и 38 Федерального закона «Об общественных объединениях» и статью 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях» [Эл. рес.]: Фед. зак. от 08.03.2015 № 43-ФЗ. – Режим дост.: <http://www.pravo.gov.ru>

“назначения” “иностранным агентом”»¹⁹⁰ и служит причиной прекращения деятельности некоторых из них¹⁹¹);

- увеличение количества проверок общественных организаций, усложнение отчётности, не способствующие росту популярности НКО в обществе.

При этом значительная часть населения выражает готовность к объединению с целью общественно значимой деятельности (59% в 2013 г. по данным ФОМ), что свидетельствует о наличии потенциала гражданского участия.

На территории Вологодской области в период с 2011 по 2014 г. выявлен ряд положительных изменений в индикаторах состояния гражданского общества:

- улучшились оценки согласия, сплочённости людей на уровне страны, региона, места проживания, личного окружения;
- увеличилась доля тех, кто принимает участие в таких традиционных формах общественной деятельности, как коллективное благоустройство территории (с 12 до 17%) и сбор пожертвований, вещей для нуждающихся (с 7 до 10%);
- выше стал удельный вес населения, отметившего участие в работе ТСЖ, домоуправления (8% против 6%);
- увеличилась готовность людей к объединению для совместных действий с целью защиты своих интересов (с 47 до 55%);
- зафиксирован рост доли населения, доверяющего Общественным палатам РФ и Вологодской области (соответственно с 27 до 33% и с 26 до 29%).

Однако одновременно отмечается негативная динамика или сохранение показателей гражданского участия на низком уровне:

- значительная часть населения наблюдает согласие и сплочённость только в своём ближайшем окружении, причём данная категория обнаруживает тенденцию к росту;
- жители области реже стали «брать на себя ответственность» и ощущать возможность повлиять на происходящее вне рамок семьи (на работе, в доме/дворе, городе/селе, области, стране);
- снизился уровень межличностного доверия: с 19 до 15% уменьшилась доля тех, кто считает, что нужно доверять всем или большинству знакомых людей;

---

¹⁹⁰ Доклад Уполномоченного по правам человека за 2014 год [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.rg.ru/2015/05/06/doklad-site-doc.html>

¹⁹¹ Там же.

- доверие СМИ, общественным организациям, профсоюзам значительно ниже, чем доверие органам власти и правоохранительной системе;
- уменьшилась доля тех, кто определяет свою гражданскую позицию как «активную» (с 27 до 22%), в то время как доля противоположных оценок увеличилась с 48 до 54%;
- участие в деятельности общественных организаций и профсоюзов отмечают только 3–4% населения, в работе политических партий и религиозных организаций – 1% и менее.

Преобладание неинституционализированных форм гражданского участия, с одной стороны, и значительный потенциал участия – с другой, свидетельствуют, в частности, о непроработанности в стране и регионе механизмов раскрытия, реализации этого потенциала, стимулирования включённости населения в общественно значимые проекты. Вместе с тем обеспечение устойчивого развития возможно лишь на основе заинтересованного участия гражданского общества. Развитию институтов гражданского общества продолжает препятствовать ряд нерешённых проблем юридического, организационно-экономического и социального характера: несовершенство нормативно-правового поля, слабость ресурсной обеспеченности некоммерческого сектора; неразвитость гражданской активности населения. Как отмечают исследователи Фонда «Общественное мнение», пассивность граждан – прямой результат сформировавшейся в муниципальных образованиях управленческой модели, сложившейся социальной практики.

Судя по результатам опросов общественного мнения, наиболее выраженной гражданской позицией, наличием потенциала гражданского участия обладают высокообразованные и обеспеченные люди, средний класс развивающегося общества знания. С целью информированности и заинтересованности населения необходима организация широкой просветительской деятельности, активное участие СМИ, широкое подключение социальной рекламы. Остаются актуальными вопросы совершенствования нормативно-правовой базы в отношении институтов гражданского общества, создание «климата доверия», информационная поддержка гражданских акций в СМИ, создание условий для роста ресурсной базы организаций «третьего сектора».

Рост гражданской активности, «социального гражданского потенциала страны» был отмечен в Послании Президента РФ Федеральному

Собранию 2014 года¹⁹². В Послании обозначена необходимость снятия законодательных и административных барьеров для негосударственного сектора в социальной сфере, обеспечения равного доступа к финансовым ресурсам. Вновь подчёркнута роль взаимодействия общества и государства: «Каждый, кто готов брать на себя ответственность, должен быть вовлечён в реализацию планов развития страны, конкретных регионов и муниципалитетов. Если государство и общество действуют в одной повестке, в атмосфере сотрудничества и доверия, – это гарантия достижения успеха».

С динамикой и характером современного гражданского общества напрямую связаны перспективы устойчивого развития, социальным ядром которого в современных условиях является высокообразованный средний класс. Социологическое измерение потенциалов гражданского общества и среднего класса показывает, что в этой сфере жизнедеятельности общества существуют значительные резервы. От того, как они будут задействованы, зависит направление вектора развития социально-политической ситуации: устойчиво созидательное или саморазрушительное¹⁹³.

---

¹⁹² Послание Президента Федеральному Собранию 4 декабря 2014 года [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://president.kremlin.ru/news/47173>

¹⁹³ Левашов В.К. Россия на развилке социополитических траекторий развития // Мониторинг общественного мнения. – 2011. – № 3. – С. 5-23.

ГЛАВА 3.

ПРОТЕСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

3.1. Основные концепции протестного поведения в зарубежной и отечественной науке

Социально-политические процессы, происходящие в современном российском обществе, сопровождаются распространением настроений неудовлетворённости людей существующей ситуацией в той или иной сфере общественной жизни, другими словами, социальной напряжённости. Одним из аспектов проявления социальной напряжённости на социально-психологическом и поведенческом уровнях является социальный протест.

Понятие «протест», социальный или собственно политический, охватывает достаточно широкий круг явлений. В обществоведческой науке существуют различные концепты трактовки данного понятия.

Появление самостоятельной темы исследований социального протеста в мировой социологии относится ко времени «молодежной революции» 1960-х гг., когда мощная социальная потребность в понимании сути молодежного бунта вызвала рост интереса к проблематике протеста.

В зарубежной научной литературе формируются различные теоретические концепции протеста – парадигма коллективного действия (Ч. Тилли, А. Обершол, М. Зальд, С. Тэрроу, Э. Фромм, У. Корнхаузер, Г. Блюммер, С. Липсет, Р. Мертон, Дж. Маккарти и др.) и теория относительной депривации (С. Стауффер, М. Мертон, В. Руинсиман, Дж. Дэвис, Т. Гарр, Р. Тернер и др.), в которых основное внимание уделяется мотивам участия личности в протесте – относительно стихийном и неоргани-

зованном поведении людей, реагирующих на неопределенную или угрожающую ситуацию. В социологической науке существуют несколько теорий коллективного поведения: теория заражения Г. Лебона, теория конвергенции Г. Олпорта, теория возникновения норм В. Тэрнера, теория политического протеста Д. Школьника, теория прирастающей ценности Н. Смелзера, теории Х. Ортеги-и-Гассета, Д. Рисмена.

Каждая из них объясняет различные аспекты коллективного поведения. Теории, которые опираются на иррациональные психологические факторы, помогают в осмыслении причин массовых самоубийств. Социальные протесты, перерастающие в такие формы, как демонстрации или беспорядки, можно глубже всего понять через призму теорий, выделяющих роль «рациональных» факторов: теории конвергенции, политического протеста или прирастающей ценности.

Сторонники теории коллективного поведения определяют социальный протест как один из типов коллективного поведения, а само понятие «протест» сопоставляют с таким понятием, как «толпа». Некоторые авторы (Г. Лебон, Г. Тард, З. Фрейд, Г. Блумер) интерпретируют социальный протест как социально-психологический феномен, понимание сущности которого следует искать в проблемах психологического порядка: в психологии толпы и массы. В социологической мысли середины XX в. в рамках рассматриваемого подхода социальные протесты, как и любая другая форма коллективного поведения, связываются с повышенной эмоциональной напряжённостью (массовая враждебность, социальное беспокойство, массовое возбуждение, паника, истерия, агрессия) и характеризуются иррациональностью (необычностью, стихийностью, непредсказуемостью).

Социальные протесты, по мнению исследователей данного направления, – это движения радикально настроенных, революционизированных, «буйствующих толп», которые нарушают общественный порядок и законы. Наиболее разрушительная форма массового протестного поведения – революция.

Другие авторы, также рассматривающие социальный протест как одну из форм коллективного поведения, полагают, что протестное поведение детерминировано социальными условиями, а не психологическими факторами. Показательным в этом отношении является подход Н. Смелзера, который, изучая природу протестного поведения, придавал большое значение определённым социальным условиям и деятельности представителей власти. Социальный протест с точки зрения этого иссле-

дователя – попытка изменить социальную среду. Он включает общие (для коллективного поведения) элементы, объясняющие его природу: массовые социально-политические волнения как основное благоприятствующее условие; разрушение доверия, враждебность в отношениях между определёнными социальными субъектами и представителями власти; распространение в определённых социальных кругах убеждённости во враждебном, предубеждённом отношении властей к данному социальному субъекту; различные активизирующие факторы, ситуативные катализаторы (прецеденты) массовых выступлений; мобилизация к действиям – процесс «собирания» социального субъекта («толпы»); неадекватный социальный контроль – позиция и реакция представителей власти, провоцирующие стихийное массовое поведение.

Теории коллективного действия/поведения, являющиеся одними из основных подходов к осмыслению понятия социального протеста в зарубежной литературе, до сих пор преобладают в американских исследованиях по данной проблематике (У. Гэмсон, Д. Сноу и др.).

В 1960–1970-е годы следует отметить и другие концепты социального протеста, например Л. Милбрайт и В. Кляйн рассматривали социальный протест как форму социальной или политической активности. Данный исследовательский подход подвергается серьезной критике, так как существуют формы социального протеста, которые проявляются в виде преднамеренной пассивности, а не только социальной активности. Примером такой формы протеста может служить абсентеизм (уклонение от участия в избрании органов власти), отказ от участия в официальных акциях, организуемых в поддержку властей, и в других подобных мероприятиях.

Безусловно, между социальным протестом, социальной активностью, социальными движениями, коллективными действиями существует тесная связь. Однако все вышеназванные понятия относятся к разным категориальным рядам социологической науки. Тезисы «социальный протест», «социальная активность» и «коллективные действия» служат характеристиками поведения социальных субъектов (первый – направленность и значимость поведения, второй – определённую его предпосылку, третий – одну из его форм). Понятия «социальное движение» и «социальная инициатива» описывают не само поведение людей, а некий продукт этого поведения, который воплощен в социальной структуре общества.

Авторы, исследующие социально-политические процессы, определяют социальный протест как социально-политический феномен. Так, в работах А. Марша протест рассматривается как форма «нетрадиционного» политического поведения. При этом критерием традиционных и нетрадиционных политических действий служит наличие и, соответственно, отсутствие правил и законов, способствующих регулярному представлению интересов различных социальных групп.

Еще одна трактовка понятия – Д. Школьника – представляет социальный протест как форму политической борьбы социальных субъектов, в политическом самосознании которых возникло недовольство «системой», политикой властей. В таком понимании социальный протест – крайняя мера в условиях, когда недоступны санкционированные обществом средства выражения политических позиций. Недоступность «политически институциональных» средств ведет к ориентации на «неинституциональные» – протестные.

Каждая из упомянутых выше теорий объясняет разные аспекты коллективного поведения, целесообразно рассматривать эти теории в совокупности, что поможет объяснить сложную и загадочную стихию человеческого поведения.

Протест рассматривается западными учеными и в теории мобилизации ресурсов, которая представляет одно из направлений социологии общественных движений. Она появилась в 70-е годы XX века, её сторонниками были Дж. Маккарти, М. Зальд, М. Асим, К. Вильсон, А. Обершол. В рамках этого подхода общественное движение определяется как присущая тому или иному обществу совокупность установок на социальное изменение. Данная теория представляет социальные движения как нормальный, рациональный, институционализированный политический вызов недовольных групп. Граница между конвенциональной политикой и социальным движением размывается, но не исчезает совсем. Общественное движение – это конфликтный тип коллективного действия, когда конфликт возникает между интересами власти и социальных субъектов.

Фундаментальные социально-экономические изменения создают условия для возникновения движений, так как меняются доминирующий тип организационной структуры и положение социальных сил в обществе. Если эти изменения осознаются лидерами движения, они могут использоваться в качестве ресурса мобилизации.

Уровень материального благосостояния и экономического развития общества, как считают Дж. Маккарти и М. Зальд, также влияет на развитие общественных движений. В богатых обществах сектор общественных движений больше, они носят узкоцелевой реформаторский характер. В бедном обществе распространены более радикальные движения с широкими целями. В богатых обществах свободное время и деньги являются ресурсами движения, при этом возможно спонсорство. Существуют финансовые фонды, которые дают возможность организовать новые движения. Лидеры – антрепренёры таких движений – провоцируют социальное недовольство.

В 70-е годы XX в. на Западе широкое распространение получила концепция относительной депривации, введённая в научный оборот С. Стауффером, а затем получившая развитие в работах М. Мертона и В. Руинсимана. Она описывает определённые виды ограничений в социально-экономической жизни, испытываемые теми или иными группами местного (локального) сообщества и создающие условия для возникновения политической или социальной напряжённости.

Эта теория исходит из идеи о том, что политический порядок поддерживается в той степени, в которой в его рамках люди обеспечены средствами, позволяющими им работать для достижения своих устремлений. Напряжённость возникает тогда, когда группа начинает усматривать разрыв между устремлениями и доступными средствами. «Относительность» здесь вытекает из неоспоримого социологического факта, что установки людей, направленные на средства и устремления, формирует их групповая идентичность. Относительная депривация создает и формирует латентную социальную напряжённость. Потенциал социальной напряжённости является функцией масштаба, интенсивности и типа относительной депривации.

Тип относительной депривации зависит от групп ценностей, на которые она воздействует. Понятие масштаба описывает распространённость депривации на каждый из видов ценностей – экономические, социальные или политические. Масштаб следует рассматривать как некий континуум, поскольку в любой из групп населения необходима идентификация индивидов, которые ощущают себя депривированными к некоторым видам ценностей. Исследования относительной депривации включают два уровня: материальный и ценностный, причем ни один из них нельзя сколько-нибудь полно интерпретировать без учёта его соотношения с другим.

Согласно этой теории, механизмом, запускающим протест и насилие, является увеличение разрыва между быстрым ростом ожиданий, вызванных общественными изменениями, и возможностями их реального удовлетворения. Под депривацией же понимается субъективное чувство недовольства по отношению к своему настоящему. Иначе говоря, ощущение недовольства, расхождение между потребностями и возможностями их удовлетворения ведет к стрессу, агрессии, протестным ориентациям личности, а отсюда и к появлению протестных движений.

Ведущие теоретики XX века (К. Маркс, Р. Дарендорф, Г. Зиммель, Л. Коузер и др.), которые являлись сторонниками диалектических и функциональных теорий социального конфликта, внесли важный вклад в изучение феномена социально-политического протеста.

По мнению авторов данного исследовательского направления, конфликт по формам проявления подразделяется на протест и восстание. Однако протест определяется как форма проявления политического конфликта, предметом которого выступают конкретные действия и политика властей. Во многих случаях протестное поведение не является крупномасштабным и продолжительным, к этому типу протестной активности можно отнести такие формы, как демонстрации, всеобщие забастовки, уличные столкновения и прочие действия, которые часто связаны с нарушением общественного порядка. Восстание, в отличие от протеста, касается более фундаментальных вопросов уровня «кто правит?», «с помощью каких средств?» и, безусловно, предполагает применение обоюдного вооруженного насилия представителями политического режима и его оппонентами.

С появлением на Западе в 60–70-е годы XX столетия невиданных ранее крупномасштабных форм коллективных действий («новые общественные движения») возникают теории «политического протеста», которые объясняют его природу и сущность. В зависимости от собственных научных целей исследователи включают в это понятие различные политические акции и формы политического участия граждан. Так, в справочной и энциклопедической литературе можно найти определение политического протеста (лат. *protestor* – публично доказываю, греч. *Politike* – политика) как вида политического участия, выражающегося в проявлении отрицательного отношения к политической системе в целом или к ее отдельным элементам, нормам, ценностям в открытой, демонстративной форме.

К формам политического протеста относят митинги, забастовки, демонстрации, терроризм и прочее¹⁹⁴.

Американские исследователи Дж. Дженкинс и Б. Кландерманс определяют политический протест как «коллективное действие или систему коллективных действий, направленных на изменение систем представительной и/или исполнительной власти, проводимой государственной политики или взаимоотношений между гражданами и государством в целом»¹⁹⁵.

По определению американского учёного С. Тэрроу, политический протест включает в себя использование разрушительных коллективных действий, которые направлены на институты, элиты, властвующие группы для достижения некоторых коллективных целей и требований протестующих. По мнению данного исследователя, структуру протестного действия составляют следующие компоненты:

- прямой характер, посредством которого отвергается институциональное посредничество;
- возможность насилия, которое является ультимативной формой протеста;
- экспрессивность протеста: протестующие часто не способны заявить инструментальные требования и выражают протест с помощью аллегорических обвинений и неадекватной лексики;
- обращенность требований протестующих на другие группы или элитные группировки;
- наличие, несмотря на экспрессивность протеста, определенной стратегии при выборе форм поведения, объекта критики и собственных целей¹⁹⁶.

Из представленных выше определений политический протест следует понимать как вид коллективного внесистемного политического участия.

Необходимо отметить, что проблема социального протеста относится к недостаточно проработанным темам современной отечествен-

---

¹⁹⁴ Погорелый Е.Д., Филиппов К.В., Фесенко В.Ю. Новейший политологический словарь. – Р/нД: Феникс, 2010. – 318 с. – С. 56.

¹⁹⁵ Jenkins J.S., Klandermans B. The Politics of Protest. Comparative Perspectives on State and Social Movements. – Univ. of Minnesota Press: UCL Press, 1995. – P. 6. – С. 6.

¹⁹⁶ Костюшев В.В., Горьковенко В.В. Социологическое описание коллективных протестных действий: информационная база данных акций протеста (PRODAT-SPb) // Общественные движения в современной России: от социальной проблемы к коллективному действию. – М.: Ин-т социологии РАН, 1999. – С. 144-177.

ной социологии. Социологические исследования протеста в российском обществе стали проводиться сравнительно недавно, с начала девяностых годов, хотя отдельным аспектам протестного поведения посвящено уже немало работ.

Возникновение проблематики социального протеста в отечественной науке тесно связано с реальными социальными процессами и политическими событиями и имеет волнообразный характер разработки. Можно выделить два основных этапа становления направления исследований протеста:

1. Вторая половина 1960-х – середина 1970-х гг. – анализ отечественными исследователями массовых протестных движений в западном обществе.

2. С конца 1980-х гг. и до настоящего времени – исследования социальных протестов в российском обществе.

В советской научной мысли 1960-х годов многие работы по исследованию протеста были посвящены критике соответствующих западных концепций, в противовес которым ставилась теория классовой борьбы и социальной революции. На данном этапе изучением протестной проблематики занимались такие отечественные философы, как К.Г. Мяло, В.В. Большаков, Э.Я. Баталов.

В отечественной социологии выделяются некоторые схожие концепты социального протеста, как и у зарубежных исследователей. Один из концептов заключается в понимании социального протеста как формы социальной или политической активности. Подобной точки зрения придерживаются: М.М. Назаров, В.В. Бондалетов, Л.Н. Алисова, З.Т. Голенкова, Г.М. Андреева, А.В. Петровский.

Следующий концепт – понимание социального протеста как формы проявления социальных движений, коллективных действий и/или социальных инициатив. Среди отечественных ученых к данному направлению относились Ю.Е. Волков, А.М. Кацва, Е.А. Здравомыслова, В. Костюшев, В.В. Сафронов, А.Н. Ротмистров и др.

Третий подход рассматривает социальный протест как форму социального конфликта. Под социальным конфликтом в данном направлении подразумевается прежде всего столкновение между людьми или большими социальными группами, которое представляет повсеместное явление, следовательно, любое общество подвержено конфликтам. Несмотря на различия между диалектическим и функциональным подходом в теориях, которые трактуют сущность социального конфликта, в

них есть некоторые общие положения. Они выявлены отечественными социологами, среди которых можно отметить Е.И. Степанова, А.В. Дмитриева, Ю.Е. Растова, В.В. Нагайцева, и составляют основу содержания конфликтологической парадигмы в социологии. К этим положениям, имеющим принципиальное значение для методологии социологических исследований протестного поведения социальных субъектов, следует отнести следующие.

Во-первых, любые акции социального протеста – это проявление социального конфликта между сторонниками сохранения и изменения сложившихся в обществе порядков. Поэтому теоретико-методологическая основа социологического исследования социального протеста должна экстраполироваться из конфликтологической парадигмы социологии.

Во-вторых, социальный протест как феномен общественной жизни закономерен, систематически происходит в любом обществе в силу действия объективных законов, по которым реализуется совместная деятельность и противодействия социальных субъектов, но это не означает, что любая протестная акция оправданна, легальна и целесообразна.

В-третьих, однопричинных акций социального протеста не бывает, любая конкретная форма протеста возникает как итог взаимодействия комплекса конкретных объективных и субъективных причин.

В-четвертых, протест является инцидентной фазой конфликта, изучение которой предполагает выявление того, что было до инцидента (конфликтная ситуация) и что – после (апелляции, конфронтация и т.п.).

В-пятых, социологический анализ любой протестной акции предполагает диагностику того конфликта, в котором эта акция состоялась. Эта диагностика должна осуществляться по определенной методике и технологии с помощью методов эмпирической социологии.

В-шестых, каждая акция социального протеста имеет как негативные, так и позитивные (для общества и протестантов) последствия. Каких последствий больше – этот вопрос и необходимо решать в исследовании акций протеста¹⁹⁷.

Опыт применения конфликтологического подхода в исследовании протестного поведения населения является довольно перспективным направлением в объяснении и понимании феномена социального про-

---

¹⁹⁷ Артюхина В.А. Методологические проблемы социологических исследований протестного поведения // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 5 (30). – С. 418- 419.

теста. Необходимо отметить, что требуется более детальная и углубленная проработка методологии конфликтологической концепции, которая позволит учитывать качественно новые характеристики протестного поведения (роль современных технологий и виртуальных социальных сетей в революционных процессах), ярко проявляющихся в ходе массовых акций протеста.

Второй этап исследований протеста начинается с конца восьмидесятых годов и охватывает период перестройки и рыночных реформ. Особенности возникновения данного научного направления обусловлены радикальными переменами, которые наблюдались в обществе в этот период, вследствие которых произошел бурный рост протестного движения в нашей стране.

В данном исследовательском направлении можно выделить три тенденции. Первая – изучение протеста с ориентиром на теорию относительной депривации, в которой чувство недовольства личности является главным фактором возникновения протеста (М. Назаров, А. Кинсбургский, М. Топалов, Д. Ольшанский, Г. Монусова, Ю. Левада и др.).

Вторая – обращение не только к депривационным моделям, но и к различным версиям теорий мобилизации ресурсов, политического процесса, парадигмы новых общественных движений и т.д. В основе этого «политического» подхода лежит предположение о том, что основные факторы, повышающие вероятность обращения к протесту, связаны не с депривацией, а с вовлеченностью в политику и возможностью влиять на принимаемые политические решения. Сторонником данного направления в западной социологии был А. Марш. Отечественные исследователи В. Гельман, В. Костюшев, М. Назаров, Е. Здравомыслова, В. Сафронов отмечают связь разных форм политического протеста с развитием партий, движений, неправительственных общественных организаций (т.е. атрибутов гражданского общества). Незрелость последних – это та характеристика политической культуры, которая препятствует формированию политической активности вообще и политического протеста в частности.

Наряду с экономическими и политическими аспектами можно встретить упоминания и других факторов. А. Бузгалин называет помимо хронических невыплат зарплаты такие факторы, как осознание работниками несправедливого отношения к ним со стороны новых собственников предприятий, передел собственности, разворовывание предприятий их же собственниками, что может привести к массовым увольне-

ниям и ликвидации предприятия как такового¹⁹⁸. Б. Максимов обращает внимание на организационные факторы, а также на борьбу интересов неких влиятельных групп¹⁹⁹. Д. Стребков выделяет четыре группы факторов, влияющих на протестное поведение: экономические (непосредственно влияющие на материальное положение людей), политические (активная деятельность партий и движений, отдельных политических или профсоюзных лидеров), информационные (влияние СМИ, зачастую предоставляющих информацию в искажённом виде, что может вести как к нагнетанию, так и к разрядке обстановки), социальные (безработица, преступность, национальные конфликты, прочие индикаторы социальной стабильности)²⁰⁰.

Важно отметить, что в большинстве отечественных работ по данной тематике рассматриваются только отдельные факторы протестного поведения. Попытка более расширенного анализа предложена М. Мининым. Он связывает понятие протеста с понятием конфликта, который определяется как столкновение противоположных интересов, целей, взглядов, идеологий между социальными субъектами (индивидами, социальными группами, классами).

Воспользовавшись процессуальной моделью конфликта, автор разделяет факторы протеста на три группы: формирования конфликтной ситуации, проведения акции и участия в акции. Они «вступают в действие» на разных стадиях развития конфликта. Факторы первой группы не имеют непосредственного отношения к акциям протеста, однако именно они формируют фон социальной напряжённости, из которой возникают конфликты и протестные действия. Они призваны ответить на вопрос: «Почему (по какой причине) произошла данная акция?» В этой группе можно выделить следующие факторы: экономический, фактор лояльности, депривационный, фактор ожиданий, технологический, фактор конфликта интересов, информационный. Факторы следующей группы призваны ответить на вопрос: «Из-за чего стало возможным проведение акции?» Здесь отчётливо проявляются различия между стихийными и организованными акциями. К таким факторам относятся:

---

¹⁹⁸ Бузгалин А.В. От отчаяния к конструктивным действиям: протестное рабочее движение в России 90-х превращается в альтернативное // Альтернативы. – 1999. – № 4. – С. 28-39.

¹⁹⁹ Максимов Б.И. Классовый конфликт на Выборгском ЦБК: наблюдения и анализ // Социологические исследования. – 2001. – № 1. – С. 46-58.

²⁰⁰ Стребков Д.О. Экономические детерминанты протестного поведения населения России // Экономическая социология. – 2000. – № 1. – С. 48-66.

фактор массового скопления, повод, фактор появления лидера или инициативной группы, которая готова «повести за собой» протестующих. Наконец, третья группа – мотивационные факторы, или факторы участия в акции, которые являются ответами на вопрос: «А почему я, собственно, участвую в акции протеста?» В этой группе можно выделить: фактор солидарности (поддержки), активную гражданскую позицию, желание набрать политический капитал, психологический фактор, материальное вознаграждение участия. В каждом конкретном случае степень влияния факторов является различной, приведенный выше список может быть дополнен.

Третья тенденция (начиная с 1990-х гг.) – обращение исследователей к современным отечественным концепциям феномена социального протеста в России. В связи с этим появляются новые направления российских исследований 1990-х гг.:

1. Разработка методологических и общетеоретических вопросов, связанных с использованием конфликтологического подхода к анализу социальных протестов.

2. Исследование репертуара коллективных действий, потенциала протеста в обществе в контексте культурологического подхода (В. Сафронов, А. Дука, В. Костюшев и др.).

3. Отдельным исследовательским направлением является изучение забастовки как формы коллективного протеста, достаточно широко представленное в научной литературе. В работах А. Кравченко, Н. Корнева, А. Нозимовой, А. Зайцева выделены современные причины и характеристики забастовок.

4. Разработка проблематики социального протеста в регионах в контексте современной концепции жизненных сил социальных субъектов (С.И. Григорьев, Ю.Е. Растов, В.В. Бондарев и др.).

Важную роль в изучении сущности социального протеста играет анализ причин и факторов формирования и развития протестной активности. Систематизация подходов по данной проблеме была осуществлена Т.В. Павловой и С.В. Патрушевым²⁰¹, выделявшими экономический, политический, психологический и ряд других подходов. Отмечается, что сторонники экономического подхода исходят из того, что протестующие реагируют прежде всего на факторы экономического характера: падение уровня жизни, рост цен, низкую зарплату, ее задержки и т.п.

---

²⁰¹ Институты коллективного договора и коллективного действия в современных политико-экономических системах: опыт сравнительного исследования / под ред. Т.В. Павловой, С.В. Патрушева. – М.: ИСП РАН, 2005. – 425 с.

Согласно политическому подходу, по мнению Т.В. Павловой и С.В. Патрушева, активность индивида в проявлении протестных настроений, в обращении к протестным действиям связана с такими факторами, как интерес к политике, вовлеченность в политическую жизнь, вера в возможность влияния на политические решения, высокая оценка вероятности, что протест будет услышан.

По мнению А. Кинсбургского, «вклад идеологических и политических факторов в формирование нынешнего уровня социального недовольства в целом невелик и значительно уступает по весу факторам экономического, материального порядка»²⁰².

В отечественной литературе, так же как и в зарубежной, изучался политический протест. В определениях зарубежных исследователей данное явление понимается прежде всего как коллективный вид внесистемного политического участия.

Многие российские авторы относят политический протест к категории неконвенциональной или нелегальной модели политического участия, которая сводит его только к прямым действиям коллективных акторов. Д.Д. Челпанова исходит из понимания протестного поведения как «формы участия, включающего совокупность публичных негативных реакций социальных субъектов на деятельность политического режима, с целью влияния на принятие решений»²⁰³.

Недостатком данных определений является то, что они исключают пассивные формы протестного поведения, например, в виде сознательного неучастия населения в политической жизни. Однако постсоветские политические реалии России демонстрируют множество эмпирических данных, которые свидетельствуют, что в условиях снижения доверия к избирательным институтам реакцией большинства слоев населения становится «электоральный протест», который выражается в виде голосования «против всех», порчи избирательных бюллетеней или сознательного игнорирования процедуры выборов.

Существует еще один достаточно спорный вопрос, который связан с оценкой некоторыми исследователями «политического протеста» как формы сугубо неконвенционального политического участия. Примером такой оценки могут быть научные взгляды В.В. Сафронова, который понимает протест как форму нелегального политического участия

---

²⁰² Кинсбургский А., Топалов М. «Гражданские качели» России: от массового протеста до поддержки реформ // Власть. – 2006. – № 5. – С. 51.

²⁰³ Челпанова Д.Д. Характер и динамика протестной активности на юге России: автореф. ... дис. канд. соц. наук. – Новочеркасск, 2011. – 23 с. – С. 13.

граждан. Он указывает, что отличие политического протеста от неконвенционального поведения в том, что эти акции не предусмотрены законами, но в то же время не предполагают обращения к насилию. Он также предполагает, что неконвенциональные, протестные и насильственные акции образуют одномерную иерархию.

С нашей точки зрения политический протест довольно многогранное, сложное социально-политическое явление, которое может проявляться в самых разных формах, включающих в себя как конвенциональные (законные), так и неконвенциональные (выходящие за рамки законодательного регулирования) политические акции и поведенческие практики. Исходя из вышеизложенного можно сказать, что наиболее подходящей является точка зрения российских ученых В. Костюшева и В. Горьковенко, которые включают в понятие «политический протест» не только конфронтационные и насильственные, но и конвенциональные акции – начиная с демонстраций, голодовок и заканчивая символическими жестами (водружение флага).

Таким образом, в понятие «политический протест» с нашей точки зрения должны быть включены не только активные и публичные формы социального недовольства, но и пассивные политические поведенческие реакции, посредством которых выражается социальное недовольство существующей политической системой или ее отдельными элементами.

В сфере эмпирического знания к основным направлениям работы относятся: а) проведение эмпирических исследований протеста (Ю. Левада, А. Ослон, Б. Грушин, Ю. Растов); б) создание баз данных об акциях протеста (В. Костюшев, В. Сафронов); в) обсуждение проблем методики исследований протестов (Е. Здравомыслова, Ю. Растов, В. Нагайцев и др.).

В настоящее время изучением социального протеста в России занимаются исследовательские структуры разного типа. Проблематика протеста разрабатывается в рамках проектов Института социально-политических исследований РАН (М. Назаров), Института проблем занятости РАН и Министерства труда России (Л. Гордон и Э. Клопов), Института социологии РАН и Секции общественных движений Санкт-Петербургского филиала ИС РАН (В. Костюшев), Калужского института социологии (А. Зайцев) и некоторых других.

В настоящий период некоторыми авторами (Л. Гордон, Э. Клопов, А. Назимова, А. Темкина, А. Кравченко, А. Зайцев) изучается рабочее движение. С осени 1989 года усилилось внимание социологов к анализу

забастовок как специфической для рабочего движения формы протеста, проявления производственного конфликта.

Безусловным лидером в изучении этнических движений является группа этносоциологов Института этнологии и антропологии РАН под руководством Л. Дробижевой. Здесь выполняется обширная программа: международные проекты, в том числе по этническим конфликтам и напряжённости, в рамках которых разрабатываются концепции движений и осуществляется их мониторинг в различных регионах постсоветского пространства – в странах Балтии, в Армении, Молдове, Украине, России (республики Башкортостан, Саха Якутия, Калмыкия, Тува и др.). Предмет исследования составляют отдельные этнические движения (причины их возникновения, организационные формы, ресурсы, лидерство, взаимодействия с властью, цикл мобилизации).

Проблемами экологических движений занимается группа научных сотрудников ИС РАН (О. Яницкий, В. Глазычев).

В Центре гендерных исследований ИСЭПН РАН (первый руководитель – А. Посадская), Центре гендерных проблем Санкт-Петербурга (руководитель – О. Липовская) начинается изучение женского движения. Оно определяется как коллективные действия, обусловленные положением женщин в обществе. Позднее тематика включается в проекты СПбФ ИС РАН (руководитель – С. Голод), Центра независимых социологических исследований (координатор – Е. Здравомыслова). В рамках Российского общества социологов создана секция исследования социогендерных отношений и женского движения (руководитель – Г. Силластэ). Большое значение для становления этой сферы имеют исследовательские контакты и поддержка западного феминистского движения (США, Германия, Финляндия).

Особое место занимает разработка проблем социального протеста в регионах в контексте современной концепции жизненных сил человека (С.И. Григорьев, Ю.Е. Растов, В.В. Бондарев и др.).

С начала 1990-х годов стали проводиться эмпирические исследования показателей социального недовольства и протестного потенциала в российском обществе. Одной из первых такие исследования во всероссийском масштабе начала проводить Служба изучения общественного мнения Vox Populi – ещё с 1992 года.

Исследования динамики таких субъективных показателей, как ожидания людей относительно возможности проведения массовых акций протеста в их городе или районе, а также их готовности принять участие в этих акциях, проводятся Фондом общественного мнения (ФОМ),

исследовательским холдингом «Ромир», Центром исследования политической культуры России, Федеральным агентством правительственной связи и информации. Наиболее продолжительные и детальные динамические ряды (почти ежемесячные замеры показателей с начала 1993 года) содержатся в публикациях Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ)²⁰⁴.

Институт социально-экономического развития территорий РАН отслеживает основные тенденции динамики протестных настроений жителей региона в рамках регулярного мониторинга общественного мнения, проводимого на территории Вологодской области с 1995 года²⁰⁵.

Таким образом, в зарубежной и отечественной науке существуют различные концептуальные направления и подходы к определению моделей и форм социального протеста, факторов формирования протестной активности (табл. 16). Достаточно разработанной является проблематика реального социального протестного поведения.

Таблица 16. **Изучение социального протеста в отечественной и зарубежной науке**

Зарубежная наука	Отечественная наука
<p>Теоретические направления, занимающиеся проблемой протеста и факторов формирования протестного поведения:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Теория коллективного поведения (Г. Лебон, Г. Тард, З. Фрейд, Г. Блумер, Н. Смелзер). 2. Теория мобилизации ресурсов (Дж. Маккарти, М. Зальд, М. Асим, К. Вильсон, А. Обершол). 3. Теория относительной депривации (С. Стауффер, М. Мертон, В. Руинсиман). 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Основные направления исследования протеста: депривационный подход (Д. Ольшанский, Г. Монусова, А. Кинсбургский и М. Топалов), «политический» подход (В. Гельман, В. Костюшев, М. Назаров, В. Сафронов). 2. Изучение отдельных направлений протестной активности: рабочего движения (Л. Гордон, Э. Клопов, А. Назимова, А. Темкина); этнических движений (Л. Дробижева), экологических движений (О. Яницкий), женского движения (А. Посадская, О. Липовская, С. Голод, Е. Здравомыслова, Г. Силластэ). 3. Эмпирические исследования показателей социального недовольства и протестного потенциала в российском обществе (ФОМ, «Ромир», ВЦИОМ).

²⁰⁴ Модернизация экономики региона: социокультурные аспекты / А.А. Шабунова, К.А. Гулин, М.А. Ласточкина, Т.С. Соловьева. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – 155 с.

²⁰⁵ Всего опрашивается 1500 респондентов в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий:

- пропорций между городским и сельским населением;
- пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города);
- половозрастной структуры взрослого населения области.

Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов.

Ошибка выборки не превышает 3%.

В современной социологии можно констатировать отсутствие единой теории протестного поведения и разделяемой всеми (или хотя бы большинством) исследователями методологии его эмпирического анализа²⁰⁶. Большинство работ, посвящённых этой тематике, носят описательный характер: не анализируются причины, мотивы, факторы потенциальной протестной активности. Требуется разработка проблема протестного потенциала, особенно на региональном уровне. Показатели протестного потенциала являются важным индикатором социального неблагополучия в социуме, распространения настроений недовольства ситуацией, существующей в той или иной сфере общественной жизни.

В связи с этим теоретико-методологическое исследование проблемы социального протеста особенно актуально для коррекции стратегии федеральной и региональной социальной политики с целью снижения уровня социальной напряжённости в обществе, предотвращения социальных конфликтов.

3.2. Протестный потенциал населения региона как объект социальной политики

В современных условиях наибольшую научную и практическую значимость приобретает изучение потенциальной протестной активности населения. Под протестной активностью понимают охват (вовлечённость) граждан различными формами массовых выступлений и его динамику. Под протестным потенциалом понимают намерение (склонность) граждан участвовать в протестных акциях при определенных условиях. Потенциальная склонность людей к участию в акциях протеста изучается путем анализа эмпирических данных.

Одной из первых состоянием и динамикой потенциала протеста во всероссийском масштабе стала проводить Служба изучения общественного мнения Vox Populi – уже с начала 1992 г. Однако наиболее продолжительные и детальные динамические ряды (почти ежемесячные замеры показателей с начала 1993 г.) содержатся в публикациях ВЦИОМ.

Данные мониторинга общественного мнения, проводимого ИСЭРТ РАН, позволяют проследить динамику потенциала протеста в регионе, выявить группы лиц, отличающихся определенным эмоциональным

---

²⁰⁶ Растов Ю.Е. Протестное поведение в регионе // Социологические исследования. – 1996. – № 6. – С. 46-48.

настроим и допускающих возможность своего участия в протестных выступлениях, проанализировать факторы формирования протестной активности.

Анализ регулярных наблюдений по Вологодской области показал, что наиболее высокий уровень потенциала протеста жителей области наблюдался в условиях финансово-экономического кризиса 1998–1999 гг. (в среднем 37%). При этом большинство представителей «протестной группы» высказывали готовность к радикальным действиям в защиту своих интересов («Если надо, возьму оружие, выйду на баррикады» – 14%).

В течение 2000–2004 гг. на фоне существенного улучшения ситуации в экономической и социально-политической сферах общественной жизни наблюдалась нисходящая динамика протестного потенциала: протестные настроения высказывала примерно четверть населения региона.

В 2005 г. после довольно продолжительного периода относительного затишья протестная активность как форма социального действия вновь вошла в повседневную жизнь значительного числа жителей региона. По сравнению со среднегодовыми показателями 2000–2004 гг. уровень потенциала протеста в области заметно увеличился, приблизившись к уровню 1999 г. (32%). Большинство «протестующих» выступили приверженцами мирных форм протеста («выйти на митинг, демонстрацию» были готовы 14% опрошенных). Основным фактором усиления социальной напряженности в регионе явилась начавшаяся с января 2005 г. реализация крупных проектов социального реформирования (монетизация льгот, повышение стоимости услуг ЖКХ для граждан), которая повлекла за собой массовые акции протеста, прокатившиеся по всей стране, в том числе и по Вологодской области.

В 2006 – 2007 гг. в условиях стабилизации социально-экономической и общественно-политической ситуации в стране и регионе произошло заметное снижение степени внутренней конфликтности в обществе. По результатам опросов, в 2007 г. потенциал протеста в Вологодской области опустился до самой низкой отметки за весь период измерений. Протестные настроения проявляет только 1/5 населения региона.

В 2008 г. протестные настроения жителей области существенно не менялись, оставаясь на уровне 2007 г. В условиях нарастания кризисных процессов в экономике страны и региона в 2009 г. потенциал протеста жителей Вологодской области возрос незначительно (с 20 до 22%), несколько превысив показатели 2007–2008 гг. (табл. 17). По сравнению с периодом финансово-экономического кризиса в России в 1998–1999 гг.

протестные настроения населения в 2009 г. менее выражены (22% против 37% соответственно). Причем в зависимости от форм протеста в 2009 г. в «протестной группе» преобладала доля приверженцев «мирных» протестных действий («выйду на митинг, демонстрацию» – 11%), тогда как в 1998–1999 гг. большинство «протестующих» высказывали готовность к радикальным действиям в защиту своих интересов («Если надо, возьму оружие, выйду на баррикады» – 15%).

Таблица 17. **Динамика потенциала протеста в Вологодской области**
(в % от числа опрошенных)

	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	Изменение (+/-) 2014 г.	
												к 2013 г.	к 2000 г.
Потенциал протеста	24,3	32,2	26,3	20,7	19,6	21,9	20,0	19,8	20,1	17,3	18,6	+1	-6
Выйду на митинг, демонстрацию	8,0	13,9	11,0	9,6	9,7	10,8	9,6	10,9	10,3	9,3	10,7	+1	+3
Буду участвовать в забастовках, акциях протеста	7,7	10,8	9,0	5,7	5,4	6,0	6,1	4,7	5,7	4,2	3,9	0	-4
Если надо, возьму оружие, пойду на баррикады	8,6	7,5	6,3	5,3	5,1	5,0	4,3	4,3	4,2	3,8	4,0	0	-5

В 2010–2012 гг. в условиях восстановительного экономического роста потенциальная протестная активность населения Вологодской области сохранилась на уровне средних показателей 2007–2009 гг., а в 2013 г. потенциал протеста опустился до самой низкой отметки за весь период измерений: протестные настроения проявляет только 17% населения региона.

В 2014 г. протестные настроения высказывали 19% жителей. Склонность населения региона к участию в акциях протеста несколько возросла по сравнению с 2013 г. (17%) и приблизилась к показателям 2010–2012 гг. (20%). По сравнению с уровнем 2000 г. протестный потенциал в области заметно снизился (на 6 п.п.).

Что касается форм протеста, то в «протестной группе» преобладает доля приверженцев «мирных» протестных действий («выйду на митинг, демонстрацию» – 11%).

Анализ данных мониторинга позволяет выделить категории лиц, которые отличаются определенным социально-психологическим настроением и имеют предрасположенность к активным действиям в случае возникновения социального конфликта.

В гендерном разрезе намерение участвовать в акциях протеста значительно сильнее выражено у представителей мужского пола (в среднем за 8 месяцев 2014 г. – 22%) по сравнению с женским (16%), т.е. мужчины более склонны к проявлению протестных настроений, чем женщины (табл. 18).

Таблица 18. **Динамика потенциала протеста в различных социально-демографических группах населения** (в % от числа опрошенных)

	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	Изменение (+/-) 2014 г.	
												к 2013 г.	к 2000 г.
Пол													
Мужской	29,4	36,2	28,3	23,6	23,2	25,1	22,2	22,6	23,0	19,3	21,7	+2	-8
Женский	20,9	28,9	24,8	18,3	16,8	19,3	18,3	17,5	17,7	15,7	16,1	0	-5
Возраст													
До 30 лет	25,2	34,9	26,0	20,2	20,2	20,7	20,4	19,7	18,7	17,4	17,6	0	-8
30-55 лет	27,2	33,0	27,3	20,8	20,0	22,6	21,6	20,7	21,3	17,3	19,3	+2	-8
Старше 55 лет	18,0	28,6	25,2	20,9	18,5	21,7	17,0	18,3	19,2	17,4	18,3	+1	0
Образование													
Н/среднее и среднее	20,9	22,8	24,3	19,2	20,7	20,7	20,2	20,6	22,8	17,3	21,8	+5	+1
Среднее специальное	25,9	32,6	26,7	21,0	20,9	23,6	19,9	19,7	20,0	18,2	17,2	-1	-9
Н/высшее и высшее	22,9	33,6	28,4	20,4	16,8	21,3	19,9	19,2	17,5	16,5	16,7	0	-6
Доходные группы													
20% наименее обеспеченных	27,5	33,4	29,6	23,9	24,8	24,3	23,9	27,2	25,0	21,7	22,4	+1	-5
60% средне-обеспеченных	24,6	34,5	26,6	21,2	19,9	22,3	21,1	19,0	20,4	16,4	19,3	+3	-5
20% наиболее обеспеченных	21,1	28,6	24,0	16,1	14,0	19,8	15,1	14,7	13,9	13,6	9,9	-4	-11
Территории													
Вологда	24,8	39,8	28,5	21,4	21,9	23,5	22,4	21,6	23,3	20,3	18,9	-1	-6
Череповец	21,1	31,4	23,0	20,3	17,2	21,2	22,1	19,7	18,5	17,6	22,4	+5	+1
Районы	25,9	29,1	27,1	20,6	19,8	21,4	18,0	19,0	19,3	15,7	16,4	+1	-10

Склонность к участию в протестных акциях в большей степени свойственна представителям возрастной категории от 30 до 55 лет (19%), а также лицам, имеющим неполное среднее и среднее образование (22%). В разрезе уровня доходов наиболее высокий показатель социального недовольства отмечается в 20%-й группе наименее обеспеченных (22%) и в 60%-й категории людей со средним достатком (19%); в разрезе территорий области – в Череповце (22%). По сравнению с 2013 г. в 2014 г. доля «протестующих» в данных категориях несколько возросла.

Многолетние регулярные социологические исследования на территории Вологодской области позволяют выявить и проанализировать детерминанты потенциальной протестной активности в регионе.

Для исследования наиболее значимых факторов, способствующих накоплению скрытой протестной активности, нами был использован корреляционный анализ, отражающий степень взаимосвязи исследуемых признаков. Коэффициент корреляции рассчитывается в диапазоне от 0 до 1. При значении коэффициента от 0 до 0,5 существует слабая связь, от 0,5 до 0,75 – средняя связь, от 0,75 до 1,0 – тесная зависимость факторов.

Анализ данных показал, что протестные настроения жителей региона формируются под воздействием ряда факторов. Первым и главным фактором накопления скрытой протестной активности является отношение к деятельности различных структур и институтов власти. По данным опросов, за рассматриваемый период негативные оценки политической ситуации давали около половины жителей области, отрицательные суждения относительно работы федеральных, а также региональных и местных органов власти высказывали около 30% населения. Значение корреляции уровня неодобрительных оценок деятельности властей и протестного поведения населения за период 2000–2014 гг. составило в среднем 0,9, т.е. их связь достигла высокой степени зависимости (рис. 2 и 3). Таким образом, основную силу «протестантов» составляют те, кто обеспокоен в первую очередь решением проблем политического характера.

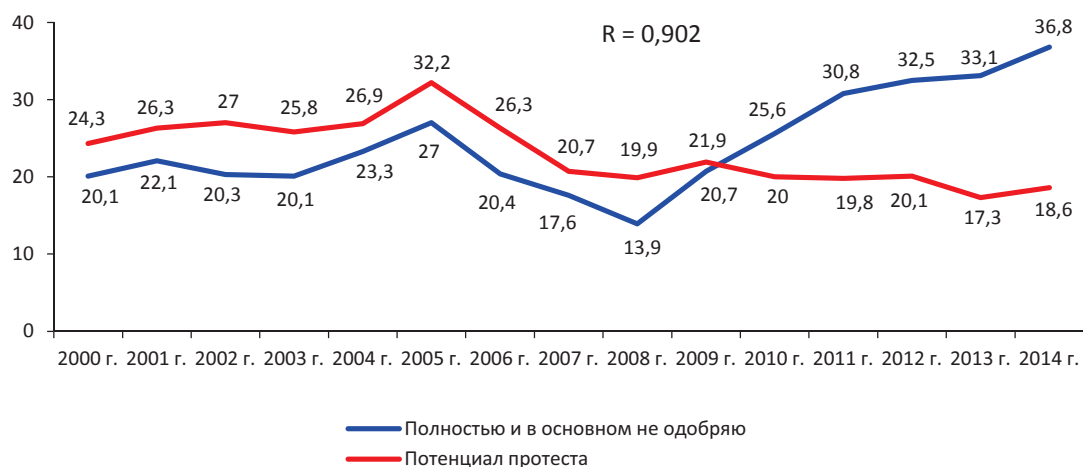

Рис. 2. Потенциал протеста и доля населения, неодобрительно оценивающего деятельность федеральных властей (Президент РФ, Правительство РФ, палаты Федерального Собрания РФ; в % от числа опрошенных)

Рис. 3. Потенциал протеста и доля населения, негативно оценивающего деятельность региональных и местных властей (губернатор, Законодательное Собрание области, главы муниципальных образований, советы местного самоуправления; в % от числа опрошенных)

Сопоставление данных регулярного мониторинга позволяет сравнить уровень потенциальной протестной активности жителей округа с различными оценками социально-политической обстановки и деятельности властных структур.

Сравнительный анализ данных мониторинга показал, что жители области, характеризующие политическую обстановку в России как «напряженную, критическую, взрывоопасную», более склонны к протестным проявлениям, чем те, кто считает ее «благополучной, спокойной» (в среднем за 2014 г. – 27% против 11%; табл. 19).

Не исключают возможности своего участия в протестных акциях 45% жителей области (в среднем за 2014 г.), негативно оценивающих деятельность Президента РФ, и только 10% населения, «полностью и в основном одобряющего» политику главы государства. При этом среди тех, кто негативно относится к деятельности главы государства, протестные настроения по сравнению с уровнем 2013 г. усилились.

В среднем за 2014 г. 40% населения Вологодской области, отрицательно относящегося к деятельности Правительства РФ, допускают возможность своего участия в массовых выступлениях протеста. Причем показатель протестного потенциала в данной категории имеет восходящую динамику. В категории жителей области, придерживающихся противоположного мнения, «протестная группа» почти в 6 раз меньше (7%).

Наиболее высокий уровень протестного потенциала в зависимости от оценок деятельности региональных и местных органов власти отмечается среди жителей, неодобрительно отзывающихся о работе губернатора, глав местных администраций. Доля «протестующих» в соответствующих категориях составляет по 34%. Среди жителей региона, «полностью и в основном одобряющих работу главы области и глав местных администраций, протестный потенциал составляет 7 и 8% соответственно.

Таким образом, наиболее существенным фактором, детерминирующим усиление социальной напряжённости в регионе, является неодобрение деятельности властных структур, в большей степени – федерального уровня.

Таблица 19. **Потенциал протеста в группах населения в зависимости от оценок политической ситуации и деятельности властей** (в % от числа представителей каждой категории)

	2000 г.	2005 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	Изменение (+/-) 2014 г.	
											к 2013 г.	к 2000 г.
Как бы Вы оценили в целом политическую обстановку в России?												
Благополучная, спокойная	16,8	31,3	17,8	16,2	15,1	11,8	10,1	12,2	9,9	11,1	+1	-6
Напряженная, критическая, взрывоопасная	28,8	37,2	29,0	27,1	32,9	32,9	32,6	30,4	26,7	27,4	+1	-1
Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ?												
Полностью и в основном одобряю	24,0	29,8	18,6	17,9	18,7	13,5	7,9	11,4	7,9	9,9	+2	-14
Полностью и в основном не одобряю	36,0	45,9	38,5	36,6	42,8	45,7	52,2	38,9	40,1	44,9	+5	+9
Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Правительства РФ?												
Полностью и в основном одобряю	22,9	31,0	16,4	16,7	18,8	12,4	6,3	8,8	6,1	7,4	+1	-16
Полностью и в основном не одобряю	33,7	41,6	34,0	34,1	39,5	39,2	46,1	38,2	37,1	40,2	+3	+7
Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность губернатора области?												
Полностью и в основном одобряю	23,5	29,6	17,5	16,0	18,9	12,0	6,3	10,1	7,3	6,9	0	-17
Полностью и в основном не одобряю	35,8	42,5	32,1	32,9	36,5	39,3	47,2	38,3	37,4	34,1	-3	-2
Как Вы оцениваете деятельность глав местных администраций?												
Полностью и в основном одобряю	22,3	29,7	17,8	16,9	18,6	11,8	6,8	10,3	5,8	8,4	+3	-14
Полностью и в основном не одобряю	33,5	40,2	26,5	26,9	33,3	34,5	41,0	35,6	35,4	33,7	-2	0

Вторая группа факторов, показавшая тесную связь с уровнем потенциала протеста, относится к социальному самочувствию жителей области (рис. 4 и 5). Низкий уровень запаса терпения, характерный в среднем за рассматриваемый период для четверти населения, и негативное эмоциональное состояние, которым отличается около 40% населения, являются важными составляющими потенциального социального протеста. Коэффициент корреляции протестных настроений с данными индикаторами составил за период измерений в среднем 0,8.

Рис. 4. Потенциал протеста и доля населения с низким уровнем запаса социального терпения (в % от числа опрошенных)

Рис. 5. Потенциал протеста и доля населения с негативными оценками социального настроения (в % от числа опрошенных)

В зависимости от оценок социального настроения наибольшую потенциальную склонность к участию в массовых выступлениях проявляет население, испытывающее отрицательные эмоции («напряжение, раздражение, страх, тоску» – 38% в среднем за 2014 г.). При этом доля «протестующих» в данной категории стала заметно больше, чем в 2013 г. Удельный вес «протестующих» в категории людей, находящихся в «прекрасном настроении, нормальном, ровном состоянии», составляет в среднем по области 12% и имеет явную тенденцию к снижению (табл. 20).

Потенциальной протестной активностью отличается и довольно значительная часть населения области с низким уровнем социального терпения («терпеть наше бедственное положение уже невозможно» – в среднем 40%). Причем по сравнению с уровнем 2013 г. протестные настроения в данной категории усилились. Протестный потенциал той части населения, которая высказывает позитивные суждения («все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно и терпеть»), более чем в 2 раза ниже (15%).

Таблица 20. **Потенциал протеста в группах населения в зависимости от оценок социального самочувствия** (в % от числа представителей каждой категории)

	2000 г.	2005 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	Изменение (+/-) 2014 г.	
											к 2013 г.	к 2000 г.
Что бы Вы могли сказать о своем настроении в последние дни?												
Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние	20,6	28,6	16,8	16,1	15,4	13,9	14,3	13,7	11,6	12,1	+1	-9
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	30,0	39,3	31,2	29,0	35,4	32,7	35,6	35,3	33,3	37,6	+4	+8
Какое из приведенных ниже высказываний наиболее соответствует сложившейся ситуации?												
Все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно и терпеть	21,1	29,6	18,0	16,2	19,1	14,8	13,3	14,2	14,1	15,4	+1	-6
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	36,9	47,8	43,5	45,3	41,2	45,3	51,0	51,4	37,0	40,2	+3	+3

Третью группу факторов, влияющих на изменение протестного поведения, составляют индикаторы, отражающие оценки экономической ситуации в стране и регионе, а также материальное положение населения. Судя по данным опросов, доли жителей области, негативно оценива-

ющих экономическую ситуацию в стране и регионе, в среднем в период с 2000 по 2013 г. составляют по 25% соответственно; удельный вес тех, кто считает своё материальное положение «плохим», – около 30%, идентифицирующих себя с низкообеспеченными категориями, а также тех, кто имеет достаточно средств только на приобретение продуктов питания, – около половины населения области. Наиболее показательными в этом отношении являются индикаторы социальной самоидентификации и оценка покупательной способности доходов (рис. 6 и 7). Коэффициент корреляции протестных настроений и показателей, характеризующих материальное благосостояние населения, составляет 0,7.

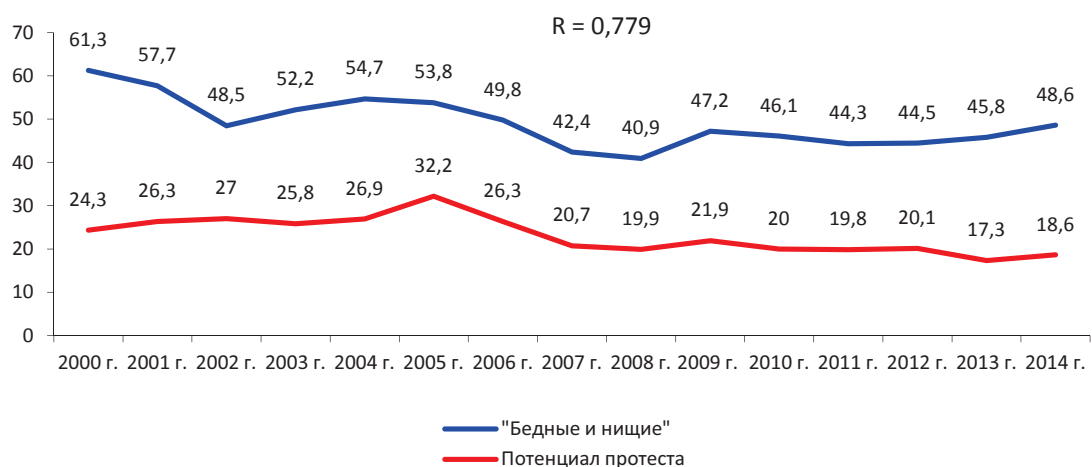

Рис. 6. Потенциал протеста и доля населения, идентифицирующего себя с категориями «бедных» и «нищих» (в % от числа опрошенных)

Рис. 7. Потенциал протеста и доля населения с низким уровнем покупательной способности доходов (в % от числа опрошенных)

Проведённые в Вологодской области социологические исследования предоставляют возможность проанализировать потенциальную протестную активность населения в зависимости от его оценок экономического положения в стране и регионе, а также собственного материального благополучия. Индикаторы, отражающие такие оценки, составляют следующую группу факторов, влияющих на изменение протестного поведения.

Как показали результаты опросов, наиболее высоким уровнем потенциальной протестной активности отличаются жители области, негативно оценивающие экономическое положение России (в среднем за 2014 г. – 34%) и области (30%; табл. 21). Среди тех, кто считает экономическую ситуацию в стране и регионе «очень хорошей и хорошей», доля «протестующих» составляет только 5 и 4% соответственно.

По оценкам, протестные настроения чаще присущи жителям области с негативными характеристиками материального положения своей семьи (в среднем за 2014 г. – 36%). В группе населения, считающего собственное материальное благосостояние «очень хорошим и хорошим», протестный потенциал находится на более низких отметках (6%). Причем если в 2005–2006 гг. разрыв между этими категориями по уровню потенциала протеста был несущественным, то в 2010 г. он составил уже 2,2 раза, в 2013 г. – 4,7 раза, в 2014 г. – 6,4 раза.

Потенциал протеста наиболее высок среди населения, относящего себя к категориям «бедных» и «нищих» (в среднем за 2014 г. – 29%). В группе «богатых» и «среднеобеспеченных» только 9% жителей области допускают возможность своего участия в протестных выступлениях. На протяжении всего периода измерений потенциал протеста среди «бедных и нищих» превышал соответствующий показатель среди «богатых и среднеобеспеченных» в 1,2–1,5 раза. В 2010 г. этот разрыв составил 2,5 раза, в 2013 г. – 2,7 раза, в 2014 г. – 3,1 раза. Это обусловлено увеличением доли «протестующих» среди лиц с низким экономическим статусом.

Наибольшая склонность к протестным проявлениям отмечается среди жителей региона, отличающихся низким уровнем покупательной способности доходов («денег хватает в лучшем случае на еду» – 33%). При этом в 2014 г. протестные настроения в данной категории усиливаются.

В целом фактор материального положения населения является менее значимым по сравнению с фактором политико-идеологического недовольства. Недовольство, имеющее экономическую, материальную природу, в первую очередь находит выход в конструктивных социальных действиях.

Таблица 21. Потенциал протеста в группах населения в зависимости от оценок социально-экономической и политической ситуации, материального положения (в % от числа представителей каждой категории)

	2000 г.	2005 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	Изменение (+/-) 2014 г.	
											к 2013 г.	к 2000 г.
Как бы Вы оценили экономическое положение России?*												
Очень хорошее и хорошее	Н.д.	32,7	22,6	18,6	19,0	11,1	11,5	16,5	7,9	5,3	-3	-
Очень плохое и плохое	Н.д.	37,3	33,5	31,7	28,1	33,0	30,7	36,1	30,1	33,5	+3	-
Как бы Вы оценили экономическое положение области?***												
Очень хорошее и хорошее	Н.д.	39,7	20,1	17,9	19,7	10,1	11,6	13,9	7,6	3,8	-4	-
Очень плохое и плохое	Н.д.	34,9	35,3	30,5	27,9	32,7	36,0	34,7	28,7	30,4	+2	-
Как бы Вы оценили материальное положение Вашей семьи?***												
Очень хорошее и хорошее	Н.д.	39,9	17,2	18,1	26,7	14,2	10,8	13,7	6,0	5,7	0	-
Очень плохое и плохое	Н.д.	33,3	33,0	32,5	32,8	30,8	33,9	35,9	33,1	36,2	+3	-
Какая из приведенных ниже оценок наиболее точно характеризует Ваши денежные доходы?												
Денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать	20,1	28,4	15,6	14,2	17,2	13,5	12,1	11,0	6,4	5,6	0	-15
Денег достаточно для покупки необходимых товаров	23,6	33,2	20,7	18,7	21,3	16,9	15,6	17,3	13,0	13,3	0	-10
Денег хватает в лучшем случае на еду	25,3	32,1	23,3	23,7	25,1	27,1	29,6	28,4	29,2	33,2	+4	+8
К какой категории Вы себя относите?												
Богатым и среднеобеспеченным	19,0	29,2	15,5	15,0	19,8	11,8	10,5	12,1	8,8	9,1	0	-10
Бедным и нищим	28,5	36,3	28,3	27,0	27,5	29,7	30,7	30,5	27,0	28,5	+2	0
* Вопрос задаётся с 2003 г.												
** Вопрос задаётся с 2005 г.												

Таким образом, исследования показали, что в период с 2000 по 2014 г. наиболее высоким уровнем потенциальной протестной активности отличаются категории жителей области, негативно характеризующие социально-экономическую и политическую ситуацию в стране и регионе, собственное материальное положение, не одобряющие деятельность властных структур, испытывающие отрицательные эмоции. Более того, в данных категориях склонность к участию в акциях протеста в течение периода измерений не имеет тенденции к снижению или даже усиливается.

Таблица 22. Потенциал протеста в группах населения в зависимости от партийно-политических предпочтений* (в % от числа представителей каждой категории)

Партия	2002	2005 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	Изменение (+/-) 2014 г.	
											к 2013 г.	к 2002 г.
Всероссийская политическая партия «Единая Россия» (Б. Грызлов)	24,3	26,4	13,6	13,9	14,5	11,3	7,2	9,1	8,0	9,3	+1	-15
Коммунистическая партия РФ (Г. Зюганов)	40,0	42,2	31,8	27,3	23,6	25,5	28,9	29,8	24,3	31,2	+7	-9
Либерально-демократическая партия России (В. Жириновский)	41,6	45,2	31,7	31,7	33,5	28,2	30,6	26,8	26,2	31,7	+6	-10
Партия «Патриоты России» (Г. Семигин)	Н.д.	Н.д.	32,1	39,7	48,8	47,4	54,4	43,8	–	–	–	–
Партия «Правое дело» (Г. Бовт, Л. Гозман, Б. Титов)	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	51,6	36,8	47,1	48,8	–	–	–	–
Партия «Справедливая Россия» (С. Миронов)	Н.д.	Н.д.	18,8	19,0	28,0	23,7	24,5	25,6	24,9	24,4	-1	–
Российская объединенная демократическая партия «Яблоко» (С. Митрохин)	36,0	37,0	32,1	42,9	40,7	36,7	30,5	38,4	–	–	–	–
Другая	40,3	41,4	28,7	33,3	37,5	53,8	44,4	47,4	32,9	37,5	+5	-3
Никакая	26,1	31,2	23,2	23,6	25,9	24,5	26,6	24,9	20,6	23,0	+2	-3
Затрудняюсь ответить	16,7	21,4	18,2	13,3	19,2	16,4	13,8	12,0	12,2	11,7	-1	-5

* Приведены данные с 2002 г., т.к. Всероссийская политическая партия «Единая Россия» образована 1 декабря 2001 года в форме объединения политических движений «Единство» и «Отечество – Вся Россия».

В разрезе партийно-политических предпочтений наиболее высоким протестным потенциалом в течение рассматриваемого периода отличались сторонники либерально-демократической партии России (34%), коммунистической партии РФ (32%; табл. 22). В 2009–2012 гг. высокий уровень потенциала протеста наблюдался среди тех, кто считает выразителем своих интересов партию «Правое дело» (44%) и партию «Патриоты России» (42%). Среди приверженцев «Единой России» доля «протестующих» в несколько раз меньше (в среднем – 18%), причем в период с 2002 по 2014 г. их удельный вес снизился более чем в 2 раза.

Сравнительная характеристика групп протеста и населения региона как референтной группы

Результаты социологических измерений позволяют осуществить сравнительный анализ группы лиц, склонных к проявлению протестных настроений, и «остальных» жителей области по различным параметрам.

В среднем около 40% потенциальных участников акций протеста негативно оценивают экономическое положение страны и региона (среди «остального» населения – около 20%; табл. 23). При этом в последние годы как среди «протестующих», так и среди «остальной» части населения отмечается тенденция роста негативных характеристик экономической ситуации.

Негативно характеризуют собственное материальное положение и покупательную способность доходов в среднем более 40% «протестующих» (среди «остальных» – 25 и 36% соответственно); около 60% представителей «группы протеста» идентифицируют себя с категориями «бедных и нищих» (среди «остальных» – более 40%). На протяжении последних лет в рассматриваемых группах наблюдается постепенное сокращение разрыва в субъективных оценках «уровня бедности». Так, доля населения с низким экономическим статусом в «группе протеста» только в 1,2–1,7 раза выше, чем среди «остальных». Удельный вес тех, кому «денег хватает в лучшем случае на еду», среди «протестующих» лишь в 1–1,3 раза превышает соответствующий показатель среди «остального» населения.

Почти половина представителей «группы протеста» испытывает негативные эмоции («напряжение, раздражение, страх, тоску»), а каждый третий отличается низким уровнем запаса социального терпения («терпеть бедственное положение уже невозможно»); среди «остальных» – 27 и 12% соответственно. В 2009–2014 гг. по сравнению с периодом 2005–2008 гг. доля негативных оценок среди «протестующих» значительно возросла.

Более половины жителей области, склонных к проявлению протестных настроений, оценивают политическую обстановку в стране как «напряженную, критическую, взрывоопасную» (среди «остальных» – 35%). В 2009–2014 гг. по сравнению с предыдущими годами измерений их удельный вес заметно увеличился (в среднем 62% против 48%).

Около 30% «протестующих» неодобрительно оценивают деятельность Президента РФ, а около 40% отрицательно относятся к деятельности Правительства РФ (среди «остальных» – 12 и 20% соответственно).

В 2009–2014 гг. в группе «потенциала протеста» доля лиц, негативно характеризующих работу федеральных властей, существенно возросла.

Доля негативных оценок работы губернатора области и глав местных администраций среди представителей «протестной группы» только в 1,5–1,8 раза превышает аналогичный показатель среди «остального» населения области. В последние годы среди «протестующих» наблюдалась тенденция постепенного возрастания удельного веса неодобрительных оценок деятельности региональных властей.

Таблица 23. **Доля лиц с негативными оценками в группе потенциала протеста и среди остальной части населения** (в % от числа опрошенных)

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
<i>Доля населения, негативно оценивающего экономическое положение страны</i>										
Потенциал протеста	32,3	24,7	24,4	29,2	50,6	52,4	52,8	45,8	50,4	46,7
Остальные	23,3	17,6	12,6	15,4	38,5	26,7	22,5	20,4	24,5	20,5
<i>Доля населения, негативно оценивающего экономическое положение области</i>										
Потенциал протеста	28,1	20,0	24,3	27,4	52,3	55,7	54,9	50,8	59,6	58,7
Остальные	21,8	12,9	11,6	15,2	40,3	28,7	24,1	24,0	31,1	30,1
<i>Доля населения, негативно оценивающего материальное положение семьи</i>										
Потенциал протеста	41,4	29,2	35,5	39,7	47,4	50,5	51,0	48,9	53,7	55,5
Остальные	34,6	21,2	18,8	20,1	28,6	28,5	24,5	21,9	22,8	21,0
<i>Доля населения с низкой оценкой покупательной способности доходов («денег хватает в лучшем случае на еду»)</i>										
Потенциал протеста	41,7	40,0	40,1	36,6	45,0	48,0	50,4	45,7	54,2	59,1
Остальные	42,0	39,5	35,1	29,0	38,9	32,7	29,8	29,1	27,8	26,8
<i>Доля населения, идентифицирующего себя с категорией «бедные; нищие»</i>										
Потенциал протеста	60,7	59,3	58,1	56,2	58,0	68,4	68,6	67,6	72,8	75,1
Остальные	50,5	46,4	38,3	37,2	44,1	40,5	38,2	38,7	41,4	42,5
<i>Доля населения с негативной оценкой настроения («испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску»)</i>										
Потенциал протеста	44,5	44,2	42,8	39,6	48,3	53,8	52,2	47,6	50,9	51,1
Остальные	32,7	29,3	24,6	23,7	24,7	27,7	23,2	21,9	21,4	19,0
<i>Доля населения с низким уровнем запаса социального терпения («терпеть наше бедственное положение уже невозможно»)</i>										
Потенциал протеста	28,4	28,7	28,6	28,9	32,8	39,6	39,5	40,4	30,3	28,3
Остальные	14,7	13,5	9,7	8,5	13,7	12,0	9,3	9,6	10,8	8,6

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
<i>Доля населения, оценивающего политическую обстановку в стране как «напряженную, критическую, взрывоопасную»</i>										
Потенциал протеста	51,5	46,2	47,8	46,4	63,8	60,3	62,5	65,4	63,5	68,9
Остальные	41,4	38,9	30,5	30,5	37,5	30,8	31,8	37,6	36,7	43,4
<i>Доля населения, не одобряющего деятельность Президента РФ</i>										
Потенциал протеста	29,7	19,7	21,5	19,3	33,1	43,2	67,5	63,2	68,0	58,2
Остальные	16,6	11,7	8,9	8,2	12,9	12,8	15,2	24,9	21,3	14,6
<i>Доля населения, не одобряющего деятельность Правительства РФ</i>										
Потенциал протеста	42,9	37,1	38,8	30,3	38,3	50,2	71,9	67,4	73,4	66,5
Остальные	28,6	23,2	19,6	14,4	17,2	19,5	20,7	27,3	26,1	21,5
<i>Доля населения, не одобряющего деятельность губернатора области</i>										
Потенциал протеста	37,1	36,1	34,5	35,2	41,0	53,6	72,8	63,6	71,7	74,4
Остальные	23,9	24,1	19,0	17,6	20,9	20,8	20,1	25,7	25,2	31,2
<i>Доля населения, не одобряющего деятельность глав местных администраций</i>										
Потенциал протеста	43,2	42,8	41,2	40,4	44,5	55,1	70,4	64,9	74,1	70,5
Остальные	30,5	31,0	29,8	26,8	25,6	26,3	25,0	29,4	28,4	29,4

Большинство представителей «группы протеста», а также «непротестующих» считают, что властные структуры не обеспечивают соблюдение основных норм демократического общества. Причем в обеих рассматриваемых группах доли неодобрительных оценок деятельности государства достаточно близки и сохраняются на стабильно высоком уровне в течение всего периода измерений (табл. 24).

Таблица 24. **Как Вы считаете, обеспечиваются ли государством следующие нормы демократического общества в нашей стране?** (вариант ответа «нет»; в % от числа опрошенных)

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
<i>Равенство всех граждан перед законом</i>										
Потенциал протеста	67,1	69,7	70,7	70,7	69,2	65,9	71,9	76,0	72,4	72,6
Остальные	62,1	62,9	53,0	51,8	46,7	48,5	46,6	57,8	52,9	55,4
<i>Личная безопасность</i>										
Потенциал протеста	64,5	66,6	70,0	61,9	65,9	68,5	64,4	68,5	68,6	60,4
Остальные	61,9	62,4	49,2	50,9	44,0	46,6	41,8	50,5	43,3	46,2

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
<i>Соблюдение прав человека</i>										
Потенциал протеста	60,0	61,1	62,5	60,3	61,0	69,3	61,8	69,2	67,5	60,4
Остальные	53,4	55,6	43,6	46,2	42,2	41,6	38,3	46,5	43,3	45,2
<i>Социальные гарантии</i>										
Потенциал протеста	62,2	60,1	61,2	62,5	56,4	60,7	58,1	68,2	66,8	64,6
Остальные	50,5	55,7	42,0	46,2	34,0	35,3	37,1	47,3	41,8	43,4
<i>Свобода политического выбора</i>										
Потенциал протеста	35,6	36,0	44,3	42,6	42,3	49,3	49,1	59,9	56,5	49,7
Остальные	24,9	29,9	27,2	26,1	20,3	21,5	20,9	36,6	32,0	30,6
<i>Терпимость к чужому мнению</i>										
Потенциал протеста	46,1	43,7	53,8	48,9	49,8	59,6	51,7	61,3	58,7	52,4
Остальные	39,1	40,2	36,5	36,4	30,9	31,1	28,8	38,2	37,9	35,9
<i>Свобода слова</i>										
Потенциал протеста	41,3	35,3	47,9	42,4	43,3	46,3	44,2	52,7	59,7	54,2
Остальные	30,3	33,3	28,2	27,0	22,3	24,0	22,1	31,6	33,9	33,8

Анализ структуры партийно-политических предпочтений населения региона показывает, что представители «протестной группы» являются менее активными сторонниками партии «Единая Россия» по сравнению с «остальными» жителями области. Доля приверженцев этой партии среди «протестующих» в среднем почти в 2 раза ниже (табл. 25). При этом представители «группы протеста» чаще, чем «остальные», указывают, что выразителями их интересов являются оппозиционные партии – КПРФ, ЛДПР, «Патриоты России» и др.

Таблица 25. **Какая партия выражает Ваши интересы?** (в % от числа опрошенных)

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
<i>Всероссийская политическая партия «Единая Россия» (Б. Грызлов)</i>										
Потенциал протеста	16,1	20,5	19,9	28,8	24,8	17,8	11,3	13,2	13,6	15,9
Остальные	21,3	22,3	32,9	43,5	41,0	35,1	36,0	33,1	32,7	35,9
<i>Коммунистическая партия РФ (Г. Зюганов)</i>										
Потенциал протеста	10,6	10,0	10,8	9,2	8,5	11,3	15,1	15,7	15,8	16,5
Остальные	6,9	6,4	6,0	6,0	7,7	8,3	9,1	9,3	10,4	8,4

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
<i>Либерально-демократическая партия России (В. Жириновский)</i>										
Потенциал протеста	11,7	11,5	11,6	11,8	10,2	10,2	12,1	10,5	10,9	12,7
Остальные	6,8	6,7	6,5	6,2	5,7	6,5	6,8	7,2	6,5	6,3
<i>Партия «Патриоты России» (Г. Семигин)</i>										
Потенциал протеста	н.д.	н.д.	1,5	1,4	3,1	2,5	2,8	2,2	-	-
Остальные	н.д.	н.д.	0,8	0,5	0,9	0,7	0,6	0,7	-	-
<i>Партия «Правое дело» (Г. Бовт, Л. Гозман, Б.Титов)</i>										
Потенциал протеста	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	2,5	0,8	1,9	2,2	-	-
Остальные	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	0,7	0,3			-	-
<i>Партия «Справедливая Россия» (С.Миронов)</i>										
Потенциал протеста	н.д.	0,2	7,1	4,5	4,6	4,4	7,0	8,4	6,7	4,6
Остальные	н.д.	0,4	8,0	4,7	3,3	3,5	5,3	6,1	4,2	3,3
<i>Российская объединенная демократическая партия «Яблоко» (С. Митрохин)</i>										
Потенциал протеста	2,3	1,9	1,0	0,7	1,1	1,2	1,0	1,6	-	-
Остальные	1,9	1,6	0,5	0,2	0,5	0,5	0,6	0,6	-	-
<i>Другая</i>										
Потенциал протеста	17,3	12,3	9,6	9,2	0,2	0,4	0,2	0,5	4,5	0,6
Остальные	11,6	8,9	6,2	4,5	0,1	0,1	0,1	0,1	1,9	0,2
<i>Никакая</i>										
Потенциал протеста	31,0	28,3	20,0	25,8	33,9	41,2	39,5	38,8	41,4	42,4
Остальные	32,5	30,7	17,3	20,4	27,1	31,9	26,9	29,4	33,5	33,0

Таким образом, у жителей региона, склонных к протестным проявлениям, более низкие, чем у остальной части населения, показатели экономического положения и социального самочувствия, для них характерны и более низкие оценки общественно-политической ситуации и деятельности властных структур. Причём на протяжении рассматриваемого периода удельный вес негативных оценок в категории «протестующих» заметно увеличивается. Вместе с тем в той и другой группе следует отметить сохраняющуюся близость показателей экономического положения и политических настроений. Достаточная условность границы между этими двумя категориями населения показывает, что при возникновении определенной ситуации категория людей, высказывающих намерение участвовать в протестных выступлениях, может существенно возрасти. Это свидетельствует о наличии потенциальных

предпосылок для сохранения протестных настроений, а также создает опасность роста социальной напряженности даже в случае незначительного ухудшения экономического положения. Для предотвращения дестабилизации общественных отношений необходимы эффективные мероприятия, направленные на укрепление социально-экономического положения населения и обеспечение провозглашенных в Конституции прав и свобод граждан.

Как было указано выше, на протяжении всего периода измерений уровень социальной напряженности в регионе оставался достаточно низким (20%).

Анализ данных социологических измерений позволяет выявить причины низкой степени готовности жителей регионального сообщества принять участие в акциях протеста.

Во-первых, она может быть связана с особенностями политической культуры населения. В России преобладает подданическая политическая культура, для которой характерна ориентация большинства на пассивное отношение к политической системе, на общее признание особого авторитета руководства, апатия, пассивность, безразличие, склонность к всепрощенчеству, внешняя покорность²⁰⁷. Носитель подобного типа политической культуры инстинктивно или сознательно отстраняется от участия в политической жизни, так как не готов к этому в силу незнания и непонимания или неприятия механизмов и принципов функционирования политической системы. «Долготерпение» жителей области, проявленное ими на протяжении последнего десятилетия, связано также с неверием в возможность «рядового человека» повлиять на решения властей. О возможности повлиять на события в стране заявляет только 3–5% населения.

Во-вторых, нежелание населения принимать участие в протестных акциях связано также с высокой степенью консолидации политической элиты. Даже в условиях экономического кризиса федеральные и региональные власти оказались сильны, дееспособны и эффективны, что повлекло за собой развитие относительной пассивности масс, актуализировало частные интересы «простых» людей, заставило рядовых граждан «отойти в сторону», на задний план общественного и политического

---

²⁰⁷ Кинсбургский А.В. «Долготерпение» российского народа: проявление толерантности или низкой политической культуры? // Публичная сфера и культура толерантности: общие проблемы и российская специфика / под ред. Ю.А. Красина. – М.: ИС РАН, 2002. – С. 114.

развития²⁰⁸. Результаты социологических измерений продемонстрировали высокие показатели доверия властям. По данным опросов, на протяжении всего периода измерений доверие Президенту РФ высказывали около двух третей населения области, Правительству РФ – более 40%, руководителю региона – около половины населения.

В качестве фактора, сдерживающего рост социальной напряжённости в регионе, можно назвать и высокий уровень запаса социального терпения населения. В 2000–2013 гг. подавляющее большинство жителей области (более 70%) полагали, что «можно жить» и «можно терпеть» и только 18% населения исчерпали границы терпения. В принципе низкий уровень запаса социального терпения («терпеть свое бедственное положение уже невозможно») означает прежде всего проявление сдерживаемого социального недовольства, которое, тем не менее, вполне сочетается с такими социально конструктивными формами поведения, как трудовая и учебная деятельность, быт, отдых, воспитание детей (в отличие, скажем, от массовых деструктивных действий типа волнений, беспорядков, погромов, актов насилия и вооруженного сопротивления властям). Из этого сочетания, однако, не следует, что социальным недовольством, проявляемым при опросах и иным образом, можно пренебречь в практике политического и социального управления. Во-первых, оно все-таки находит частичное выражение в адекватных формах протеста – организованных массовых действиях, «протестном» голосовании на выборах и прочее, а, во-вторых, при определенных условиях нереализованное социальное недовольство способствует развитию асоциального поведения – политической апатии и безразличия, скрытого саботажа, пьянства, наркомании, уличной и бытовой преступности, суицидов и т.п.

Среди факторов, ограничивающих возможности проявления социального недовольства, можно назвать и относительно высокий уровень материального благополучия населения, накопленный им за годы благополучного развития экономики страны и региона. Так, в 2010 г. низким уровнем покупательной способности доходов отличались 36% населения, с «бедными и нищими» идентифицировали себя 46% жителей региона. Для сравнения: в 2000 г. соответствующие категории составляли 63 и 61%.

---

²⁰⁸ Кинсбургский А.В. «Долготерпение» российского народа: проявление толерантности или низкой политической культуры? // Публичная сфера и культура толерантности: общие проблемы и российская специфика / под ред. Ю.А. Красина. – М.: ИС РАН, 2002. – С. 114.

Следует также отметить, что за годы реформ люди накопили богатый опыт выживания в самых экстремальных ситуациях²⁰⁹. В кризисный, переходный период главным люди считают поиск дополнительных заработков и других источников доходов, т.е. активную адаптацию, приспособление к меняющимся условиям жизни. Значительная часть недовольных склонна скорее к адаптационной деятельности, чем к протестной активности. Склонность к социальной адаптации в данном случае играет роль своеобразного «амортизатора», «буфера» социального недовольства, который не позволяет последнему трансформироваться в массовый протест²¹⁰. По данным опросов за 2009 г., в условиях ухудшения материального положения под воздействием различных проявлений кризиса большинство населения региона планировало «найти дополнительные источники дохода» (42%) или «сократить расходы, экономить на всем» (35%). Таким образом, главным способом решения личных материальных проблем в условиях кризисного, переходного общества люди считают не участие в акциях протеста, а поиск дополнительных заработков и других источников доходов.

Значимым фактором, влияющим на возможность перерастания потенциальной протестной активности населения в реальные протестные выступления, является невысокая способность российской системы политического представительства интегрировать интересы отдельных групп. В настоящее время слабо востребованы такие структуры гражданского общества, как политические партии, профсоюзы, общественные формирования, которые призваны быть проводниками реализации интересов различных групп общества. Так, по данным социологических опросов, доля жителей региона, «полностью и в основном доверяющих» политическим партиям, движениям, за весь рассматриваемый период существенно не изменилась и сохранилась на уровне 15–20%, профсоюзам – на уровне 25–30%. Это свидетельствует о том, что в России и в регионе не сформировалось общественной силы (или группы сил), реально отражающей интересы широких слоев населения.

Следует также указать на имеющую место продолжающуюся и устойчивую тенденцию «деидеологизации» и «департизации» общества. Так, в период с 2000 по 2013 г. в среднем 30–35% жителей отказываются от

---

²⁰⁹ Петухов В.В. Новые поля социальной напряженности // Социологические исследования. – 2004. – № 3. – С. 38-40.

²¹⁰ Кинсбургский А.В. Социальное недовольство и потенциал протеста (по данным социологических опросов) // Социологические исследования. – 1998. – № 10. – С. 32-38.

ответа на вопрос: «Какая политическая партия выражает Ваши интересы?»; 15–20% – затрудняются с самоидентификацией в рамках сложившегося идеологического спектра. Это еще раз подтверждает факт отсутствия субъекта, который сумел бы аккумулировать интересы различных социальных групп, в том числе и протестный потенциал общества, и направить его в конструктивное русло.

3.3. Особенности современных форм социального протеста

В современных условиях процессы глобализации в сфере экономики, культуры, информационно-коммуникационных технологий существенно влияют на процессы распределения материальных и нематериальных ресурсов, а также на характер социальных взаимодействий. Появляются новые формы социальной дифференциации, что, в свою очередь, приводит к формированию новой системы социальных отношений. Возникновение новых социальных общностей, слоев и одновременное исчезновение утративших свои социальные функции других социальных общностей и слоев способствуют неустойчивости и переменам общественных настроений. Все вышеперечисленные процессы стимулируют рост социального недовольства и напряженности, что является благодатной почвой для возникновения и развития социальных протестов.

Наиболее яркие примеры массовых протестных движений в последние годы демонстрирует ряд европейских стран: Испания, Португалия, Италия, Латвия, Литва, Чехия, Сербия, Румыния, Польша, Ирландия, Франция. Среди стран арабского мира по данному критерию можно выделить: Тунис, Египет, Алжир, Марокко, Иорданию, Ирак, Судан, Ливан, Бахрейн, Йемен, Ливию, Сирию. Такое положение дел в первую очередь обусловлено особенностями исторического развития этих стран, своеобразием религиозной, социально-экономической и социально-политической ситуации.

В современной России имеется немало примеров массовых протестных выступлений: протест против монетизации льгот (2005 г.), массовые протесты во Владивостоке и моногородах (2009 г.), протесты в Химках, на Манежной площади (2010 г.)²¹¹, в Бирюлево (2013 г.). По

---

²¹¹ Волков Д. Протестные митинги в России конца 2011 – начала 2012 г.: запрос на модернизацию политических институтов // Вестник общественного мнения. – 2012. – № 2 (112). – С. 73-86.

результатам социологического исследования, проведенного «Левада-центром» в 2010 г., возникновение конфликтов между оформляющимися общественными интересами и интересами коррумпированных чиновников, невозможность их решения и большая вероятность дальнейшего обострения ситуации до крайних пределов обусловлены самой композицией власти, являются ее неотъемлемыми характеристиками. Сложившаяся политическая система оказывается нестабильной. Она обречена на повторение массовых всплесков недовольства, подобных тем, что происходили по всей России в 2005 г. или в отдельных регионах позднее²¹².

Социальные противоречия пронизывают все сферы жизнедеятельности человека: экономическую, политическую и духовную. Массовое сознание разделяет проблемы на общественные и личностные, первые затрагивают большие социальные группы, а вторые касаются непосредственно каждого человека. На характер и уровень распространения социальных протестов оказывает влияние степень актуализации в массовом сознании общезначимых и личностных проблем, что не всегда совпадает. В том случае, когда большая часть населения одновременно осознает обострение противоречий во всех сферах жизни, наступает кризис общественных отношений. В этом случае общество нуждается в тотальных переменах. По мнению А.Г. Здравомыслова, причинами современного российского кризиса стали наиболее важные противоречия советского общества. Во-первых, конфликт диспропорциональности экономического развития, который он называл конфликтом милитаризации. Во-вторых, конфликт между идеологическими декларациями и реальными жизненными интересами людей, между «фасадом и повседневностью». В-третьих, конфликт в системе властных отношений (углублявшаяся бюрократизация власти во всех ее проявлениях), который и привел к подавлению всех элементов гражданского общества²¹³.

Социально-гуманитарные факторы оказывают особое влияние на возникновение и развитие современных протестных движений. Во-первых, несовершенство общественных отношений, проявляющееся

---

²¹² Волков Д. Аналитический доклад «Протестное движение в России в конце 2011–2012 гг.: истоки, динамика, результаты» [Эл. pec.]. – С. 6. – Реж. дост.: <http://www.levada.ru/02-10-2012/protestnoe-dvizhenie-v-rossii-v-kontse-2011-2012-gg> (дата обращения: 31.10.2013).

²¹³ Здравомыслов А.Г. Социология российского кризиса: ст. и докл. 90-х гг. – М.: Наука, 1999. – 350 с. – С. 28.

в социальной неоднородности общества, в различиях уровня доходов, во власти, в социальном престиже, в доступе к образованию, в религиозных и культурных различиях, достаточно серьезно способствует социальным протестам. В ходе анализа объективных социальных противоречий многие исследователи подчеркивают их связь с проблемой неравенства возможностей людей в разных сферах жизни, поэтому притязания отдельных людей и групп считаются мощным источником конфликтов и протестов.

По мнению В.А. Ядова, неравенство возможностей, определяемое конкретными условиями, принадлежностью к тому или иному социальному слою, республике, региону, организации, движению («идентификация»), всегда обнаруживается в рамках конфликтных ситуаций²¹⁴. Социальный протест как форма социального конфликта является результатом интеграции социальными группами различных свойств общественных отношений и зависит от положения социальной группы в существующей системе общественных отношений – политических, экономических, социальных, территориальных, религиозных, культурных и др.

Сегодняшнее общество, обращаясь к вопросу о потенциале протеста, выдвигает на первый план проблему организации протестного недовольства. В классификации акций протеста главными критериями будет выступать то, с помощью чего происходит выплеск этого недовольства, а также каналы, способствующие или препятствующие реализации протеста. В настоящий момент можно наблюдать, что с развитием новейших средств коммуникации в современном обществе на протяжении последних десяти лет происходит определенная деформация протестной активности.

Во-вторых, социальные протесты тоже стимулируются социально-психологическими факторами: восприятием личностью своих социальных проблем, возможностью их самостоятельного разрешения. Человеческое поведение в значительной мере определяется социально-психологическими чертами личности: темпераментом, эмоциональностью, интеллектом, общей культурой. Противоречия обостряются прежде всего оттого, что сложившаяся социальная ситуация не соответствует их духовным устремлениям, а такие причины, как необеспеченность материально необходимым, уходят на второй план. Таким образом,

---

²¹⁴ Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. – М.: Омега-Л, 2007. – 410 с. – С. 236.

возникновение и развитие социальных протестов напрямую связано с осознанием людьми несоответствия своих потребностей, интересов и ценностей с потребностями, интересами и ценностями других лиц, групп, социальных общностей или общества в целом.

В настоящее время в социальном взаимодействии возникает новый тип протестной активности – виртуальный тип, который, безусловно, связан с возрастанием роли информационно-коммуникационных технологий, социальных сетей. Примером данного типа может выступать активное молодежное движение, являющееся инициатором революционных событий в Египте. Речь идет о сетевой группе «6 апреля», страница на Facebook которой использовалась для распространения первичной информации и координации действий активистов протестных движений. Такой опыт организации протестного движения с использованием социальных сетей применялся и в Тунисе. Важно отметить, что уровень проникновения Интернета в Тунисе и Египте оказался достаточным для того, чтобы массы людей вывести на улицы и парализовать ответные действия властей. Немаловажным фактом является то, что потенциал современных информационных технологий способен в надлежащих условиях обеспечить мобилизацию масс за довольно короткое время и создать практически «из ничего» активно действующие молодежные группировки.

Сегодня к традиционным формам протеста – митингам, забастовкам, пикетам, манифестациям – специалисты добавляют так называемые spektakyлярные формы – флэш-мобы, хэппенинги, перфомансы, которые в современном обществе получают все большее распространение. «Flash mob» – это обратная реакция общества на господствующую культуру современного мира. Рационализация, рутинизация, нормированность, системность жизни современного человека – вот главная причина этого явления. «Flash mob» – это протест простого человека (не какой-то отдельной группы девиантов), а именно представителя среднего класса. По своей сути «Flash mob» не представляет собой опасного асоциального явления, так как его участники не выдвигают никаких требований и почти не нарушают никаких законов²¹⁵.

Отличительными особенностями таких видов протеста является отсутствие необходимости получать разрешение властей на проведение мероприятия, а также ориентацию в большей степени на медийность, а

---

²¹⁵ Зайцева А. Spektakyлярные формы протеста в современной России: между искусством и социальной терапией // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 4 (72).

не на массовый характер проводимых акций. Несмотря на то, что цели таких акций зачастую не представлены в виде конкретных требований политических преобразований, есть определенные тактики и приемы действия, которые используются в ходе их осуществления и получают достаточно широкое распространение. К таким приемам многие исследователи относят так называемую карнавальность с присущими карнавалу внешними атрибутами (одежда ярких цветов и вызывающих фасонов, клоунский грим и др.), которые направлены на высмеивание, абсурдизацию действительности. Применение данных техник (карнавальная инверсия, субверсивная аффирмация, пародия и др.) не просто привлекает внимание общественности к недостаткам политической системы, но и создаёт достаточно «неудобную» ситуацию для представителей власти.

Анализируя спектакулярные формы политического протеста с позиции технологического подхода, исследователи обращают внимание на их основные, на их взгляд, преимущества. К их числу они относят высокую степень организованности и экономичности, поскольку при относительно небольших затратах, как людских, так и материальных, достигается медийность, и таким образом протестующие получают возможность заявить о себе и привлечь внимание общественности к определенным социальным и политическим проблемам. В то же время исследователи отмечают деструктивный характер таких форм протеста, ведь критикуя и высмеивая власть, протестующие не выдвигают обоснованных требований и не предлагают альтернативных вариантов решения актуальных проблем. Кроме того, спектакулярные формы протеста ориентированы на достаточно узкие круги общественности, в основном это городская молодежь с высшим образованием и студенты²¹⁶. Следует отметить, что, несмотря на достаточно высокий уровень «технологичности», современные формы протеста (флэш-мобы, хэппенинги и перфомансы) всё-таки остаются определённой экзотикой на фоне традиционных форм выражения протеста.

В заключение хотелось бы отметить, что в современном российском обществе уровень протестной активности населения, по данным исследований ВЦИОМ, на протяжении последних пяти лет находится в пределах 30–40%. Это говорит о том, что только около трети населения принимает или готово принять участие в протестных акциях. Вместе с этим

---

²¹⁶ Савченко И.А. Политический протест в современном обществе: технологический подход // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 2. – С. 252-255.

фиксируется падение интереса населения к политике, этот факт относится не только к России, но и к ряду других, причем в основном развитых, стран. Всё вышеперечисленное во многом определяет, во-первых, содержание требований протестующих, – эти требования являются достаточно узкими, конкретными, умеренными и неспособными привлечь и тем более «вывести на баррикады» большие массы людей, и, во-вторых, продолжительность акций, которая напрямую зависит от адекватности действий власти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование проблем гражданского общества показало противоречивый характер его становления и развития в современной России. Между гражданским обществом и государственной сферой существует тесная взаимосвязь, от качества которой зависит уровень демократии в государстве, зрелость гражданского общества, а отсюда – качество жизни общества в целом. При этом дефицит реальной практики функционирования институтов гражданского общества компенсируется политической системой преимущественно путем создания институтов гражданского общества «сверху», проекция таких институтов, направленная на соответствие России демократическому вектору развития, осуществляется в основном через государство.

Характерными чертами гражданского общества в современной России являются:

- несовершенство законодательной базы;
- плохая информированность большинства населения о деятельности различных общественных организаций;
- отсутствие убеждённости в эффективности такой деятельности;
- невысокий уровень межличностного доверия между гражданами, не считающими себя способными существенно влиять на общественное развитие;
- отсутствие чувства ответственности за происходящее вне пределов семьи.

Институционализация новых форм и механизмов деятельности гражданского общества в России на современном этапе развития происходит в основном «сверху», по инициативе государства, однако для

становления развитого гражданского общества важно формирование системы презентации организованных интересов со стороны активных граждан.

В Вологодской области существуют основные институты гражданского общества, при этом власти региона содействуют их развитию и создают платформы для дальнейшего взаимодействия. Однако деятельность этих институтов не вызывает высокой положительной оценки у населения, большинство не информировано в достаточной степени о них и их деятельности в регионе.

Заметно вырос запрос общества на изменения в общественной, политической и социально-экономической областях. По результатам исследования ИСЭРТ РАН, значительная часть граждан проявляет потенциальную готовность к объединению с другими людьми для защиты общих интересов. Это говорит о наличии потенциала развития институтов гражданского общества. Требуется поиск механизмов раскрытия, реализации этого потенциала. Граждане активно включаются в процесс обсуждения актуальных проблем. В новых условиях возрастает значение некоммерческих организаций и иных институтов гражданского общества, призванных в первую очередь обеспечивать «обратную связь» между государством и гражданами.

Задачей гражданского общества на региональном и общероссийском уровне на современном этапе является развитие социально-экономической, политической, правовой активности граждан, которые должны прийти к осознанию своих прав и свобод, своей индивидуальности, приобрести умение защищать собственные интересы, что, в свою очередь, будет способствовать улучшению качества человеческого потенциала и повышению конкурентоспособности территории. В деятельности политических партий и общественных организаций важно сделать акцент на ценностях гражданского общества. При этом деятельность НКО должна быть эффективной, прозрачной и направленной на решение конкретных задач, значимых для общества: охрану материнства и детства, поддержку социально уязвимых слоев, осуществление реформы ЖКХ, охрану здоровья населения, развитие образования. Площадкой для взаимодействия институтов гражданского общества и властных структур должно стать решение актуальных общественных проблем.

Задачей государства сегодня является создание наиболее эффективных политических, экономических, правовых, организационных и других предпосылок для функционирования гражданского общества.

Освещение роли НКО, местного самоуправления, а также результатов их деятельности в средствах массовой информации может обеспечить рост доверия граждан к этим институтам гражданского общества, повысить их значимость и авторитет. СМИ обеспечивают не только горизонтальные связи между субъектами общества, но и двустороннюю связь – гражданского общества с государством. Посредством СМИ формируется общественное мнение.

Мощным ресурсом гражданского общества становится Интернет, в частности в сфере краудсорсинга, когда общественно значимые задачи решаются волонтерами, координирующими свою деятельность с помощью информационных технологий.

Одной из площадок взаимодействия государства и гражданского общества должно стать Общественное телевидение России – телеканал общественного значения, который должен заполнить пробел в отображении проблем гражданского общества страны в информационном поле.

Стратегической задачей на ближайшее время представляется обеспечение интеграции активных граждан в институты гражданского общества, чтобы их социально ориентированные, правозащитные, благотворительные и добровольческие инициативы получали распространение и воплощались в решениях органов власти.

Оценивая перспективы дальнейшего развития институтов гражданского общества, следует отметить, что создание институциональных основ гражданского общества, различных форм и площадок для конструктивного диалога с властью на первом этапе невозможно без активной роли государства. На втором этапе необходимо добиться эффективной деятельности уже созданных общественных организаций и объединений.

Реализация различных организационных форм гражданского общества будет способствовать совершенствованию механизма общественного диалога, переговорных площадок для представителей различных политических и гражданских сил, так как их деятельность нацелена на координирование интересов граждан, НКО, госорганов и органов местного самоуправления для разрешения наиболее существенных вопросов социально-экономического и нормативно-правового развития, защиты прав, свобод и интересов граждан, основ конституционного строя и демократических основ развития гражданского общества в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аквинский, Ф. О правлении государей [Электронный ресурс] / Ф. Аквинский.– Режим доступа : <http://www.i-u.ru/biblio>. (дата обращения: 20.02.2009)
2. Алексеева, А. Уверенность, обобщенное доверие и межличностное доверие: критерии различения [Текст] / А. Алексеева // Социальная реальность. – 2008. – №7.
3. Апресян, Р.Г. Гражданское общество [Электронный ресурс] / Р.Г. Апресян. – Режим доступа : <http://ethics.iph.ras.ru/works/GU/2.html> (дата обращения: 13.02.2009)
4. Аристотель. Политика [Текст] / Аристотель ; пер. С.А. Жебелева, М.Л. Гаспарова. – М., 2002.
5. Артюхина, В.А. Методологические проблемы социологических исследований протестного поведения [Текст] / В.А. Артюхина // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 5 (30). – С. 418- 419.
6. Блаженный, А. О граде Божиим [Текст] / А. Блаженный // Творения Августина Блаженного : в 8 ч. – Киев, 1901–1902. – Ч. 3. – Кн. 17. – Режим доступа : <http://grachev62.narod.ru> (дата обращения: 27.03.2009)
7. Бузгалин, А.В. От отчаяния к конструктивным действиям: протестное рабочее движение в России 90-х превращается в альтернативное [Текст] / А.В. Бузгалин // Альтернативы. –1999. – № 4. – С. 28-39.
8. Вершинин, С.В. Социальное недоверие как проблема постсоветского общества [Электронный ресурс] / С.В. Вершинин. – Режим доступа : <http://www.werschinin.ru/?ml=28>
9. Волков, Д. Протестное движение в России в конце 2011–2012 гг.: истоки, динамика, результаты [Электронный ресурс] : аналитический доклад / Д. Волков – Режим доступа : <http://www.levada.ru/02-10-2012/protestnoe-dvizhenie-v-rossii-v-kontse-2011-2012-gg> (дата обращения: 31.10.2013).

10. Волков, Д. Протестные митинги в России конца 2011 – начала 2012 г.: запрос на модернизацию политических институтов [Текст] / Д. Волков // Вестник общественного мнения. – 2012. – № 2 (112). – С. 73-86.
11. Встреча с членами Общественной палаты 9 июля 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kremlin.ru/transcripts/46177>
12. Выступление Президента России на расширенном заседании правительства 13 сентября 2004 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.1tv.ru/news/polit/81339>
13. Гаджиев, К.С. Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования [Текст] / К.С. Гаджиев // Вопросы философии. – 1991. – № 7. – С. 30-36.
14. Гегель, Г. Философия права [Текст] / Г. Гегель. – М., 1990.
15. Геллнер, Э. Условия свободы [Текст] / Э. Геллнер. – М. : Ad Marginem, 1995.
16. Геллнер, Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники [Текст] / Э. Геллнер. – М., 2004.
17. Гидденс, Э. Последствия современности [Текст] / Э. Гидденс. – М. : Праксис, 2011.
18. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского [Текст] / Т. Гоббс // Сочинения : в 2-х т. – М., 1991. – Т. 2.
19. Горшков, М.К. Социальные основы формирования гражданской нации в современной России [Электронный ресурс] / М.К. Горшков. – Режим доступа : <http://vse-uchebniki.com/antropologiya-istoriya/gorshkov-sotsialnyie-osnovyi-formirovaniya-41189.html>
20. Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://vologda-oblast.ru>
21. Гражданское общество перед выбором [Электронный ресурс] // Экспертный сайт Высшей школы экономики. – Режим доступа : <http://opec.ru/1469385.html> 2
22. Грамши, А. Тюремные тетради [Текст] / А. Грамши. – М., 1991.
23. Гудков, Л. Социальный капитал и идеологические ориентации [Текст] / Л. Гудков // Pro et Contra. – 2012.– Май – июнь.
24. Гужавина, Т.А. Социальное доверие на региональном уровне [Текст] / Т.А. Гужавина // Социология. – 2011. – № 2.
25. Дзялошинский, И.М. Гражданское общество в России: настоящее смутно, будущее туманно [Текст] / И.М. Дзялошинский // Аналитика. – 2009. – № 2. – С. 3.
26. Диалог. Солидарность. Ответственность. Предложения Общероссийского гражданского форума [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://civil-forum.ru/news/predlozheniya_obshcherossiyskogo_grazhdanskogo_foruma.html

27. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества [Текст] / отв. ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсиянова. – М. : ИД НИУ ВШЭ, 2013. – С. 31.

28. Доверие институтам власти [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.levada.ru/13-11-2014/doverie-institutam-vlasti>.

29. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2013 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.oprf.ru/documents/1151/2013/5>

30. Дрегалo, А.А. Социология региональных трансформаций [Текст] : в 2-х т. / А.А. Дрегалo, В.И. Ульяновский. – Архангельск : Северный (Арктический) федеральный университет, 2010. – Т. 2. Региональный социум 1999–2008: от разочарования к надежде.

31. Дугин, А.Г. Проект «Гражданское общество» как угроза российской самобытности. Из интервью лидера ОПОД «Евразия» философа А. Дугина «Русскому журналу» (russ.ru) [Электронный ресурс] / А.Г. Дугин. – Режим доступа : http://www.patriotica.ru/actual/dugin_go.html.

32. Заболотная, Г.М. Феномен доверия и его социальные функции [Электронный ресурс] / Г.М. Заболотная. – Режим доступа : <http://kk.convdocs.org/docs/index-28204.html>

33. Зайцева, А. Спектаклярные формы протеста в современной России: между искусством и социальной терапией [Текст] / А. Зайцева // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 4 (72).

34. Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://news.kremlin.ru/news/19146>

35. Здравомыслов, А.Г. Социология российского кризиса [Текст] : ст. и докл. 90-х гг. / А.Г. Здравомыслов. – М. : Наука, 1999. – 350 с.

36. Институты коллективного договора и коллективного действия в современных политико-экономических системах: опыт сравнительного исследования [Текст] / под ред. Т.В. Павловой, С.В. Патрушева. – М. : ИСПРАН, 2005. – 425 с.

37. Кальвин, Ж. Наставление в христианской вере [Электронный ресурс] / Ж. Кальвин. – Режим доступа : <http://jeancalvin.ru/institution/1/17/>

38. Калюжнова, Н.Я. Экономика недоверия [Текст] / Н.Я. Калюжнова // Экономика региона. – 2014. – №1. – С.56-66.

39. Кант, И. Сочинения [Текст] : в 6 т. / И. Кант. – М., 1965. – Т. 4. – Ч. 1.

40. Капустин, Б.Г. Критика политической философии [Текст] : избранные эссе / Б.Г. Капустин. – М. : Территория будущего, 2010.

41. Кара-Мурза, С.Г. Аномия в России: причины и проявления [Электронный ресурс] / С.Г. Кара-Мурза. – Режим доступа : <http://litfile.net/web/410204/423000-4240007>

42. Кинсбургский А. «Гражданские качели» России: от массового протеста до поддержки реформ [Текст] / А. Кинсбургский, М. Топалов // Власть. – 2006. – № 5. – С. 51.
43. Кинсбургский, А.В. Социальное недовольство и потенциал протеста (по данным социологических опросов) [Текст] / А.В. Кинсбургский // Социологические исследования. – 1998. – № 10. – С. 32-38.
44. Кинсбургский, А.В. «Долготерпение» российского народа: проявление толерантности или низкой политической культуры? [Текст] / А.В. Кинсбургский // Публичная сфера и культура толерантности: общие проблемы и российская специфика / под ред. Ю.А. Красина. – М. : ИС РАН, 2002.
45. Кирдина, С.Г. «Гражданское общество»: уход от идеологемы [Текст] / С.Г. Кирдина // Социологические исследования. – 2012. – № 2. – С. 63-73.
46. Кирдина, С.Г. Институциональные матрицы и развитие России.– 2-е изд., испр. и доп. [Текст] / С.Г. Кирдина. – Новосибирск : ИЭ и ОПП СО РАН, 2001.
47. Кожина, Т.П. Институциональное доверие: региональный аспект [Текст] / Т.П. Кожина // Проблемы развития территории. – 2013. – №3 (65). – С. 100-115.
48. Козырева, П.М. О границах политического доверия [Текст] / П.М. Козырева, А.И. Смирнов // Власть. – 2014. – № 5. – С. 5-10.
49. Кока, Ю. Европейское гражданское общество: исторические корни и современные перспективы на Востоке и Западе [Текст] / Ю. Кока // Неприкосновенный запас. – 2003. – № 3 (28).
50. Костюшев, В.В. Социологическое описание коллективных протестных действий: информационная база данных акций протеста (PRODAT-SPb) [Текст] / В.В. Костюшев, В.В. Горьковенко // Общественные движения в современной России: от социальной проблемы к коллективному действию. – М. : Ин-т социологии РАН, 1999. – С. 144-177.
51. Кочетков, А.П. О формировании гражданского общества [Текст] / А.П. Кочетков // Социально-политические науки. – 1992. – № 1.
52. Коэн, Д. Гражданское общество и политическая теория [Текст] / Д. Коэн, Э. Арато ; пер. с англ. под общ. ред. И.И. Мюрберг. – М., 2003.
53. Кравченко, И.И. Концепция гражданского общества в философском развитии [Текст] / И.И. Кравченко // Политические исследования. – 1991. – № 5. – С. 128-138.
54. Красин, Ю. Государство и гражданское общество [Электронный ресурс] / Ю. Красин. – Режим доступа : <http://www.soc-eco.ru/docs/krasin.doc> (дата обращения: 15.02.2009).
55. Кривоусков, В.В. Доверие в консолидации российского общества: социологическая концептуализация и институциональная оптимизация [Текст] : автореф. ... дис. д-ра соц. наук (22.00.04) / В.В. Кривоусков. – Ростов-на-Дону, 2013. – 51 с.

56. Кропоткин, П.А. Современная наука и анархия [Текст] / П.А. Кропоткин // Хлеб и воля. Современная наука и анархия. – М., 1990.
57. Левада, Ю.А. Ищем человека: Социологические очерки, 2000–2005 [Текст] / Ю.А. Левада. – М., 2006.
58. Левашов, В.К. Россия на развилке социополитических траекторий развития [Текст] / В.К. Левашов // Мониторинг общественного мнения. – 2011. – № 3. – С. 5-23.
59. Левашов, В.К. Гражданское общество в современной России (социологические измерения) [Текст] / В.К. Левашов. – М. : ИСПИ РАН, 2006. – 52 с.
60. Ленин, В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский [Текст] / В.И. Ленин // История КПСС.– М., 1968. – Т. 3. – Кн. 2.
61. Либман, А.М. Межстрановые сопоставления институтов гражданского общества: эмпирический анализ [Текст] / А.М. Либман // Гражданское общество: зарубежный опыт и российская практика. – СПб. : Алетейя, 2010.
62. Локк, Дж. Два трактата о правлении [Текст] : сочинения : в 3-х т. / Дж. Локк. – М. : Мысль, 1988. – Т. 3.
63. Магомедов, К.О. Гражданское общество [Текст] / К.О. Магомедов, В.Г. Смальков ; Рос. акад. управл., Моск ин-т приборостр. – М. : МИП, 1993.
64. Максименко, В. Идеологема civil society и гражданская культура [Текст] / В. Максименко // Pro et Contra. – 1999. –Т. 4. – № 1.
65. Максимов, Б.И. Классовый конфликт на Выборгском ЦБК: наблюдения и анализ [Текст] / Б.И. Максимов // Социологические исследования. – 2001. – № 1. – С. 46-58.
66. Малышев, В.А. Социальные лифты в жизни российской молодёжи [Электронный ресурс] / В.А. Малышев. – Режим доступа : <http://www.dissercat.com/content/sotsialnye-lifty-v-zhizni-rossiiskoi-molodezhi/>
67. Маркс, К. Сочинения [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1955. – Т. 1. – 723 с.
68. Мерсиянова, И.В. Мониторинг состояния гражданского общества в России: возможности реализации и перспективы развития [Текст] / И.В. Мерсиянова // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2011. – № 1. – С. 43-46.
69. Доклад Уполномоченного по правам человека за 2014 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.rg.ru/2015/05/06/doklad-site-doc.html>
70. Модернизация экономики региона: социокультурные аспекты : монография / А.А. Шабунова, К.А. Гулин, М.А. Ласточкина, Т.С. Соловьева. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2012.
71. Модернизация экономики региона: социокультурные аспекты [Текст] / А.А. Шабунова, К.А. Гулин, М.А. Ласточкина, Т.С. Соловьева. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2012. – 155 с.

72. Мойсов, В. Отношение россиян к ужесточению закона о некоммерческих организациях [Электронный ресурс] / В. Мойсов, Л. Шубина. – Режим доступа : http://www.zircon.ru/upload/iblock/1fb/Otnoshenie_rossijan_k_uzhestocheniju_zakona_ob_NKO.pdf
73. Молодов, О.Б. Доверие как фактор консолидации общества [Текст] / О.Б. Молодов // Вопросы территориального развития. – 2013. – № 3. – С. 4.
74. Монтескье, Ш. О духе законов [Текст] / Ш. Монтескье. – М., 1999.
75. Николаев, И.А. Экономическая дифференциация регионов: оценки, динамика, сравнения: аналитический доклад [Текст] / И.А. Николаев, О.С. Точилкина. – М., 2011.
76. НИС совместно с Институтом экономики РАН провели презентацию книги «Гражданское общество» [Электронный ресурс] : национальный инвестиционный совет. – 2012. – 3 января. – Режим доступа : <http://setdv.ru/news.php?idx=247>.
77. Новгородцев, П.И. Демократия на распутье [Текст] / П.И. Новгородцев // Об общественном идеале. – М., 1991.
78. Об основах общественного контроля в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>
79. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 20.07.2012 г. № 121-ФЗ. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/409556/#ixzz31UYmvYQa>
80. О внесении изменений в статьи 27 и 38 Федерального закона «Об общественных объединениях» и статью 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях» [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 08.03.2015 № 43-ФЗ. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>
81. Окушова, Г.А. Теория гражданского общества: от единства субстанции к коммуникативной социокультурной природе [Текст] : автореф. ... дис. канд. филос. наук / Г.А. Окушова. – Томск, 2004.
82. О некоммерческих организациях [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ. – Режим доступа: <http://base.garant.ru>
83. Об обеспечении в 2014 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества, реализующих социально значимые проекты и проекты в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина [Электронный ресурс] : распоряжение от 17.01.2014 № 11-рп. – Режим доступа : <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?3614924>
84. Об Общественной палате Российской Федерации (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 4.04.2005 г. № 32-ФЗ. – Режим доступа : <http://base.garant.ru/12139493/>

85. Об основах общественного контроля в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ. – Режим доступа : <http://www.pravo.gov.ru>

86. Остроумов, С.В. История идеи гражданского общества в англо-американской либеральной политической традиции [Текст] / С.В. Остроумов. – Монреаль : Accent Graphics Communications, 2013.

87. Официальный портал Правительства Вологодской области. – Режим доступа : <http://vologda-oblast.ru/upload/iblock/057>

88. Официальный сайт Губернатора Вологодской области О.А. Кувшинникова. – Режим доступа : http://okuvshinnikov.ru/proekty/komanda_gubernatora

89. Петухов, В.В. Новые поля социальной напряженности [Текст] / В.В. Петухов // Социологические исследования. – 2004. – № 3. – С. 38-40.

90. Платон. Государство [Текст] / Платон // Собр. соч. : в 4-х т. – М., 1994. – Т. 3.

91. Погорельый, Е.Д. Новейший политологический словарь [Текст] / Е.Д. Погорельый, К.В. Филиппов, В.Ю. Фесенко. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2010. – 318 с.

92. Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2013 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kremlin.ru/transcripts/19825/work16>

93. Послание Президента Федеральному Собранию 4 декабря 2014 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://president.kremlin.ru/news/47173>

94. Почему россияне не помогают убирать снег [Электронный ресурс] // Ведомости. – 2013. – 26 марта. – Режим доступа : http://www.vedomosti.ru/opinion/News/10425801/holodNyj_mart_13go#ixzz20dV3ObFw13

95. Проскуракова, Н.А. Концепт «гражданское общество» и историки [Текст] / Н.А. Проскуракова. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

96. Публичный доклад о результатах деятельности Департамента внутренней политики Вологодской области за 2013 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.vologda-oblast.ru>

97. Радаев, В.В. Что такое рынок: экономико-социологический подход (окончание) [Текст] / В.В. Радаев // Экономическая социология. – 2007. – Т. 8. – № 1.

98. Ранжон, Ф. Гражданское общество: история понятия [Электронный ресурс] / Ф. Ранжон // Пространство и Время : альманах : электронное научное издание. – 2014. – Т. 6. – Вып. 1 – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/fransua-ranzhon-grazhdanskoe-obschestvo-istoriya-ponyatiya-perevod-s-predisloviem-perevodchika>.

99. Растов, Ю.Е. Протестное поведение в регионе [Текст] / Ю.Е. Ростов // Социологические исследования – 1996. – № 6. – С. 46-48.

100. Регионы России [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14p/Main.htm
101. Сильное гражданское общество – основа устойчивого развития региона [Электронный ресурс] : резолюция Второго Гражданского форума Вологодской области. – Режим доступа: <http://www.op35.ru/?module=Articles&action=view&aid=431>
102. Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ. Итоги 2013 г. [Электронный ресурс]. – М., 2014. – Режим доступа : <http://www.riarating.ru/>
103. Ресурсы российского добровольческого движения [Электронный ресурс] : аналитический доклад по результатам исследований «Фонда Общественного Мнения» 2012–2013 гг. – Режим доступа : <http://corp.fom.ru/posts/184-broshjura-fom-resursy-rossijskogo-dobrovolcheskogo-dvizhenija>
104. Россия 2014 [Текст] : статистический справочник / Росстат. – М., 2014.
105. Руссо, Ж.-Ж. Об общественном договоре [Текст] / Ж.-Ж. Руссо. – М., 1998.
106. Рябев, В.В. Российское государство и процесс становления гражданского общества и политической культуры гражданственности в современных условиях [Текст] / В.В. Рябев // Вестник МГТУ. – 2007. – № 3.
107. Рязанцев, И.П. Территориальное поведение россиян [Текст] / И.П. Рязанцев, А.Ю. Завалишин. – М. : Академический Проект, 2006.
108. Савченко, И.А. Политический протест в современном обществе: технологический подход [Текст] / И.А. Савченко // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 2. – С. 252-255.
109. Северное регионоведение в современной регионологии [Текст] / отв. ред. Ю.Ф. Лукин. – Архангельск : Высшая школа делового администрирования ИУППК им. М.В. Ломоносова, 2005.
110. Седов, Н.Н. Гражданский активизм в современной России: форматы, факторы, социальная база [Текст] / Н.Н. Седов // Социологический журнал. – 2014. – № 2.
111. Селигмен, А. Проблема доверия [Текст] / А. Селигмен ; пер. с англ. – М. : Идея-Пресс, 2002. – 200 с.
112. Силаев, Н. Большинство состоит из меньшинств [Электронный ресурс] / Н. Силаев // Эксперт-online. – Режим доступа : <http://expert.ru/expert/2012/26/bolshinstvo-sostoit-iz-menshinstv/>
113. Солонин, Ю.Н. Гражданское общество в российском исполнении [Текст] / Ю.Н. Солонин // Гражданский форум. – СПб. : СПб филиал ИС РАН, 2002. – Вып. 2. – С. 78-79.
114. Состоялось ли гражданское общество в России? [Текст] // Социологические исследования. – 2007. – № 1. – С. 49-54.

115. Социокультурные аспекты развития территории [Текст] / А.А. Шабунова, К.А. Гулин, Н.А. Окулова, Т.С. Соловьева. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2009. – 131 с.
116. Стребков, Д.О. Экономические детерминанты протестного поведения населения России [Текст] / Д.О. Стребков // Экономическая социология. – 2000. – № 1. – С. 48-66.
117. Токвиль, А. О демократии в Америке [Текст] / А. Токвиль. – М. : Прогресс, 1987. – 559 с.
118. Урбан, М. Социальные отношения и политические практики в посткоммунистической России [Текст] / М. Урбан // Политические исследования. – 2002. – № 4.
119. Уровень жизни [Электронный ресурс] : стат. сб. / Вологдастат. – Режим доступа : http://vologdastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/vologdastat/resources/
120. Франк, С.Л. Духовные основы общества [Текст] / С.Л. Франк. – М., 1992.
121. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет [Текст] / М. Фуко ; пер. с франц. – М. : Касталь, 1996.
122. Ховард, М.М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе [Текст] / М.М. Ховард. – М. : Аспект-Пресс, 2009.
123. Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах [Текст] / Цицерон. – М., 1996.
124. Чевозерова, Г.В. Средства массовой информации как фактор формирования гражданского общества в России [Текст] : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Г.В. Чевозерова – М., 2007.
125. Челпанова, Д.Д. Характер и динамика протестной активности на Юге России [Текст] : автореф. ... дис. канд. соц. наук / Д.Д. Челпанова. – Новочеркасск, 2011. – 23 с.
126. Число религиозных организаций [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 14.11.2014).
127. Чичерин, Б.Н. Собственность и государство [Текст] / Б.Н. Чичерин. – М., 1882. – Т. 2.
128. Шабунова, А.А. Социокультурный портрет Вологодской области [Текст] / А.А. Шабунова // Социальный капитал как ресурс модернизации в регионе: проблемы формирования и измерения : материалы Межрегиональной науч.-практ. конф., г. Череповец, 16–17 октября 2012 г. : в 2 ч. – Череповец : ЧГУ, 2012. – Ч. 1. – С. 44-58.
129. Шмидт, Д. Какое гражданское общество существует в России [Текст] / Д. Шмидт // Pro et contra. – 2006. – № 1 – С. 6-24.
130. Штомпка, П. Доверие – основа общества [Текст] / П. Штомпка ; пер. с пол. Н.В. Морозовой. – М. : Логос, 2012.

131. Шушпанова, И.С. Гражданское общество в социологическом измерении [Текст] / И.С. Шушпанова // Социологические исследования. – 2008. – № 11. – С. 59-63.
132. Ядов, В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности [Текст] / В.А. Ядов. – М.: Омега-Л, 2007. – 410 с.
133. About trust / Global results [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.edelman.com/insights/intellectual-property/>
134. Allen, C. Who Needs Civil Society? Review of African Political Economy [Текст] / C. Allen. – 1997. – V. 73.
135. Anheier, H.K. The Civil Society Diamond [Текст] / H.K. Anheier, L. Carlson, V.F. Heinrich, K. Naidoo. – A Primer. – 2001.
136. Anheier, H.K. Civil society: measurement, evaluation, policy [Текст] / H.K. Anheier, K. Helmut. – London: Earthscan, 2004.
137. Barber, B. The logic and limits of trust [Текст] / B. Barber. – New Brunswick. – N.J.: Rutgers University Press, 1983.
138. Berman, S. Civil Society and the Collapse of the Weimar Republic [Текст] / S. Berman // World Politics. – 1997. – Vol. 49. – N. 3. – P. 401–402.
139. Castaldo, S. Meanings of Trust: a Meta Analysis of Trust Definitions [Текст] / S. Castaldo. – Paper presented at Second Euram Conference. – Stockholm, 2002.
140. Edwards, B. Beyond Tocqueville: Civil Society and the Social Capital Debate in Comparative Perspective [Текст] / B. Edwards, M.W. Foley, M. Diani. – Hanover, Tufts University-University Press of New England, 2001.
141. Edwards, M. Civil Society [Текст] / M. Edwards. – Cambridge: Polity Press, 2004.
142. Ehrenberg, J. Civil Society: The Critical History of an Idea [Текст] / J. Ehrenberg. – New York: New York University Press, 1999.
143. Fukuyama, F. Social capital, civil society and development [Текст] / F. Fukuyama // Third World Quarterly, 22:1 – 2001.
144. Giddens, A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age [Текст] / A. Giddens. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1991.
145. Habermas, Y. The Structural Transformation of the Public Sphere [Текст] / Y. Habermas. – Cambridge, 1989.
146. Hall, J.A. In Search of Civil Society in Civil Society: Theory, History, Comparison [Текст] / J.A. Hall. – Cambridge: Polity Press, 1995.
147. Hamilton, L. Civil Society: Critique and Alternative in Global Civil Society and Its Limits [Текст] / L. Hamilton. – London: Palgrave, 2003.
148. Hann, C. Civil Society: challenging western models [Текст] / C. Hann, E. Dunn. – London: Routledge, 1996.

149. Jenkins, J.S. The Politics of Protest. Comparative Perspectives on State and Social Movements [Текст] / J.S. Jenkins, B. Klandermans. – Univ. of Minnesota Press: UCL Press, 1995.
150. Kaviraj, S. In Search of Civil Society, in Civil Society: History and Possibilities [Текст] / S. Kaviraj. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – P. 287-323.
151. Kumar, K. Civil Society: An Inquiry into the Usefulness of an Historical Term [Текст] / K. Kumar // British Journal of Sociology. –1993. – Vol. 44. – N. 3.
152. Luhmann, N. Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives [Текст] / N. Luhmann // Trust-Making and Breaking Cooperative Relations. – Oxford: Basil Blackwell, 1988. – P. 94-107.
153. Norton, A.R. Introduction in Civil Society in the Middle East [Текст] / A.R. Norton. – Vol. 1. – Leiden: E.J. Brill, 1995.
154. Ottaway, M Civil Society [Текст] / M. Ottaway, P. Burnell, V. Randall. / Politics in the developing world, 2005.
155. Pye, L.W. Civility, Social Capital, and Civil Society: Three Powerful Concepts for Explaining Asia [Текст] / L.W. Pye // Journal of Interdisciplinary History. – 1999. – Vol. 29. – N. 4.
156. Seligman, A.B. The Fragile Ethical Vision of Civil Society [Текст] / A.B. Seligman. – Citizenship and Social Theory. – L.: Sage Publications, 1993.
157. Seligman, A. B. The Idea of Civil Society [Текст] / A.B. Seligman. – The Free Press, 1992.
158. Shills, E. The Virtue of Civil Society [Текст] / E. Shills // Government and Opposition. – 2001. – N 26.
159. Sztompka, P. Trust: A Sociological Theory [Текст] / P. Sztompka. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
160. Taylor, C. Modes of Civil Society [Текст] / C. Taylor // Public Culture. – 1990. – Vol. 3. – N. 1.
161. Tilly, C. Mechanisms in political processes [Текст] / C. Tilly // Annual Review of Political Science. – 2001. – Vol. 4. – P. 21–24.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
ГЛАВА 1.	
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА	
1.1. Концепция гражданского общества: классика и современность.....	6
1.2. Современная критика концепций гражданского общества	36
1.3. Региональное гражданское общество: условия и факторы существования	59
ГЛАВА 2.	
СОЦИАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА	
2.1. Социальное доверие в современном обществе: подходы к анализу	73
2.2. Политическое доверие в контексте отношений между гражданским обществом и государством (региональной властью)	92
ГЛАВА 3.	
ПРОТЕСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА	
3.1. Основные концепции протестного поведения в зарубежной и отечественной науке	110
3.2. Протестный потенциал населения региона как объект социальной политики	126
3.3. Особенности современных форм социального протеста.....	147
Заключение.....	153
Список литературы	156

Научное издание

Коллектив авторов:

Шабунова Александра Анатольевна (координатор),
Афанасьев Дмитрий Владимирович,
Гужавина Татьяна Анатольевна,
Дементьева Ирина Николаевна,
Кожина Татьяна Павловна,
Ластовкина Дарья Александровна

**Под научным руководством
доктора экономических наук, профессора В.А. Ильина**

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

**РЕГИОНАЛЬНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО:
ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ**

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Оригинал-макет	Т.В. Попова
Корректор	Н.С. Киселева

Подписано в печать 16.09.2015.
Формат 70×108/₁₆. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 14,9. Тираж 500 экз. Заказ № 226.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-экономического развития территорий РАН (ИСЭРТ РАН)

160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон: 59-78-03, e-mail: common@vscc.ac.ru

ISBN 978-5-93299-304-0

9 785932 993040